ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОРСКОЙ ФЛОТ

Готовые самоходные комбайны выходят из ворот Таганрогского комбайнового завода имени Сталина.

Фото Б. Кузьмина.

На первой странице обложки: Отличник боевой и политической подготовки линкора «Севастополь» старшина 1-й статьи Павел Гузев. За отличную службу имеет более тридцати благодарностей.

Фото Н. Веринчука.

На последней странице обложки: В праздничный день на боевом корабле.

Фото Н. Ананьева.

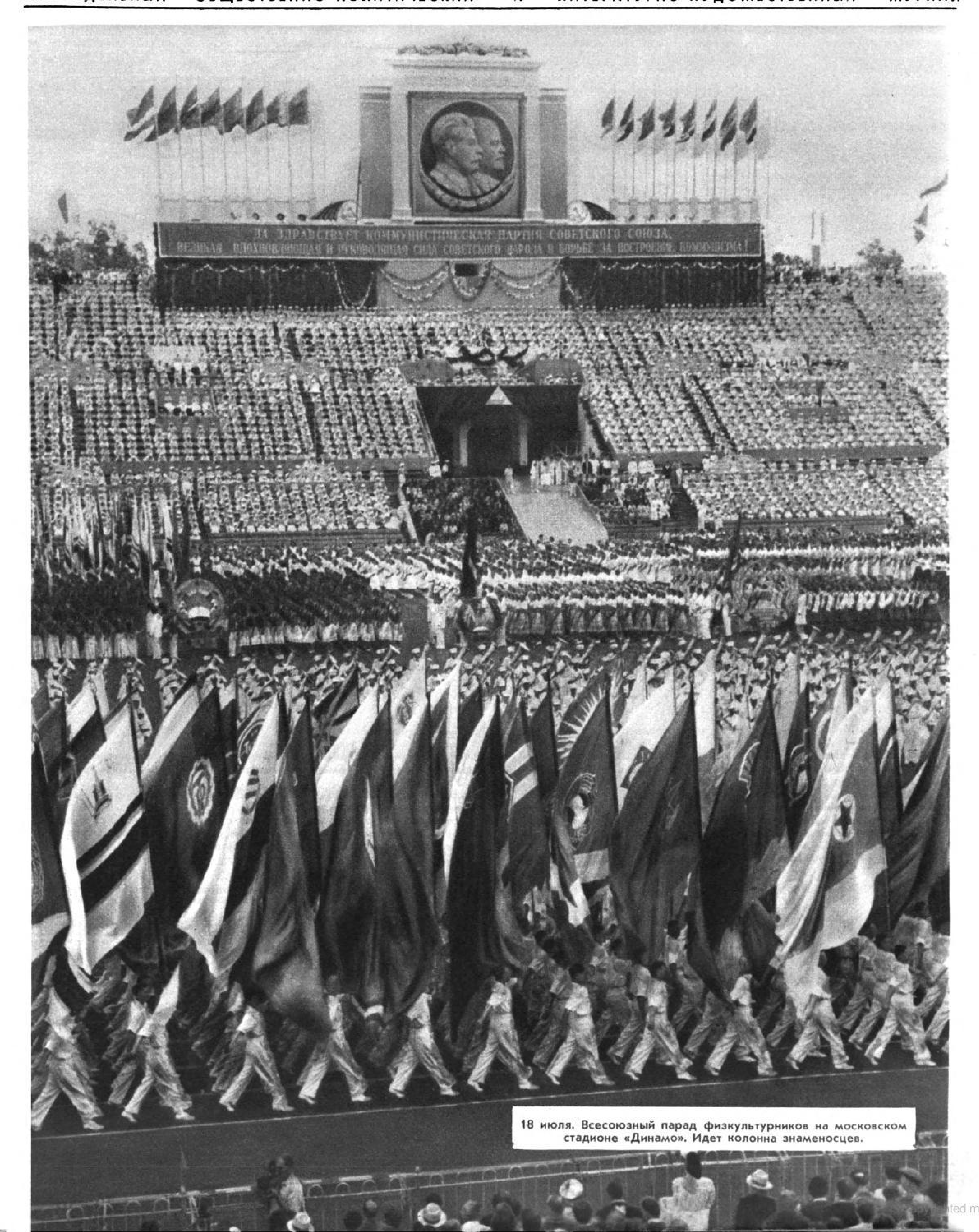
ОГОНЁК

№ 30 (1415) 25 июля 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ



18 июля. Всесоюзный парад физкультурников на московском стадионе «Динамо». Идет колонна знаменосцев.

Шестнадцать девушек — представители шестнадцати союзных республик — преподносят цветы руководителям партии и правительства. Слева направо: А. И. Микоян, Л. М. Каганович, заместитель премьер-министра ГДР В. Ульбрихт, Н. С. Хрущев, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков.

ПРАЗДНИК МОЛОДОСТИ

Как всенародный праздник прошел по всей стране Всесоюзный день физкультурника.

На московском стадионе «Динамо» цвет советской молодежи — представители многомиллионной армии физкультурников СССР показали свое мастерство.

Колонны делегаций шестнадцати союзных республик, школьников Москвы, физкультурников спортивных обществ — профсоюзов, колхозников, «Спартака», «Динамо» и Советской Армии — прошли торжественным маршем мимо переполненных трибун.

В правительственной ложе стадиона товарищи К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин. Вместе с ними в ложе — Президент Германской Демократической Республики В. Пик и первый секретарь Центрального Комитета Социалистической Единой партии Германии заместитель премьер-министра ГДР В. Ульбрихт.

...Более четырех часов продолжались выступления спортивных делегаций и сильнейших мастеров страны.

Всесоюзный парад физкультурников с огромной силой показал массовость физической культуры в нашей стране, непрерывно растущее мастерство спортсменов, великолепный расцвет сил советской молодежи.

Физкультурницы Узбекистана.

Вслед за знаменосцами по кругу стадиона прошла колонна замечательных мастеров — чемпионов и рекордсменов мира, Европы и СССР.

Н. Откаленко улучшила мировой рекорд в беге на полмили, принадлежавший английской спортсменке Леверс. Результат советской легкоатлетки — 2 минуты 8,4 секунды.

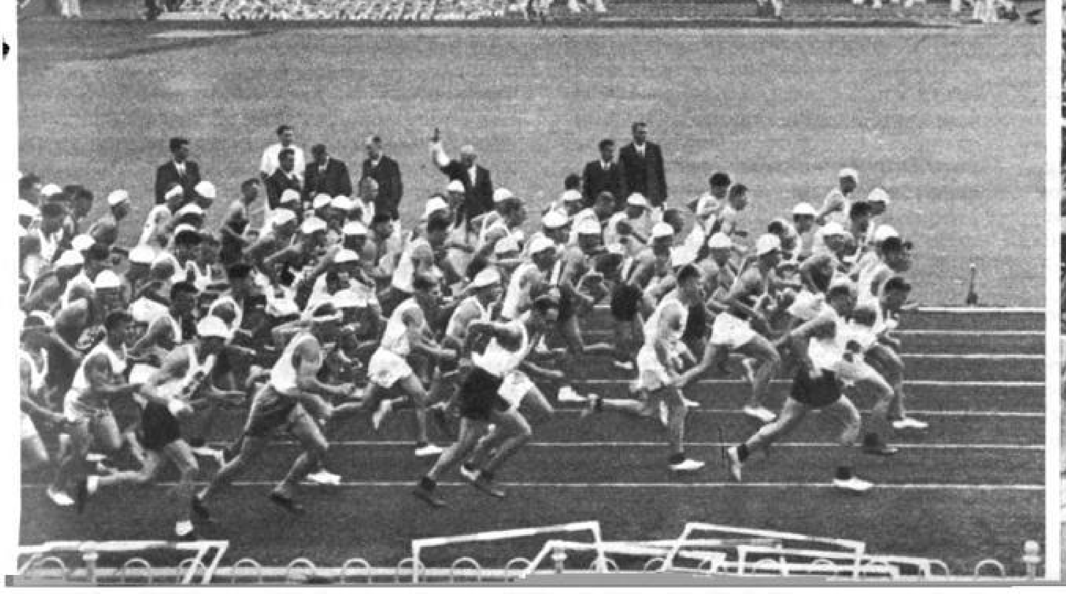
Штангист легчайшего веса В. Вильховский устанавливает новый мировой рекорд в рывке двумя руками — 99 килограммов.

2 800 студентов вузов Москвы демонстрируют свое мастерство.

Спортсменки РСФСР исполняют упражнения с обручами.

Фото А. Гостева, О. Кнорринга, А. Бочинина.

Старт 115 участников марафонского бега.



Идут грузинские физкультурники.

Интервью «Огонька»

НАУКА И СЕЛЬСКОЕ

Академик Н. В. ЦИЦИН,
директор Всесоюзной сельскохозяйственной выставки

Среди десятков павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки этого года нет ни одного, где не были бы представлены многообразные достижения советской науки, сильной своей плодотворной крепкой связью с колхозным и совхозным производством, с его новаторами, мичуринцами-опытниками и передовиками... Наша наука прилагает все усилия, чтобы помочь советскому народу успешно осуществить выработанную Коммунистической партией и правительством программу создания в ближайшие два — три года достатка, а затем изобилия всех продуктов питания и всех видов сырья, необходимых легкой и пищевой промышленности.

В павильонах, республиканских, отраслевых и зональных, показано, как благодаря науке и самоотверженной деятельности новаторов и передовиков сельскохозяйственного производства возросли урожайность культурных растений, продуктивность животноводства, как облегчилась работа тружеников полей.

Недаром среди участников выставки 232 научно-исследовательских учреждения и 350 опытных станций. Людям науки и практики есть что показать на выставке, ими накоплен богатый опыт, заслуживающий распространения и внедрения, у них есть чему поучиться. Но и сами они будут продолжать учиться, чтобы еще лучше работать. И в этом непрестанном движении вперед, в этом крепнущем содружестве науки с практикой — залог того, что в сельском хозяйстве Советского Союза с успехом будут решены все задачи, поставленные партией и правительством.

Выставка, демонстрируя могущество колхозного строя, будет способствовать дальнейшему крутому подъему всех отраслей социалистического земледелия и животноводства, осуществляемого по программе, намеченной решениями Пленумов Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Неизмеримо увеличилась вооруженность сельского хозяйства СССР. Машины и механизмы неузнаваемо изменили облик общественного производства. Достаточно сказать, что свыше миллиона тракторов работает сейчас на просторах нашей страны. А разных других машин и не перечесть. Теперь уже нет такой отрасли сельского хозяйства, где бы машина не заменяла ручной труд.

Вот почему одно из самых монументальных сооружений выставки занимает Павильон механизации и электрификации сельского хозяйства. В его двадцати шести залах разместилось около тысячи различных сельскохозяйственных машин и механизмов, созданных в советских институтах и выпускаемых нашей промышленностью. Почетное место здесь отведено энергетике.

Объединенными усилиями ученых и практиков электрическая энергия все глубже проникает в общественное производство и быт деревни. Перспективы внедрения электроэнергии в сельское хозяйство, которые открывают строительство гигантских государственных гидроэлектростанций, межколхозных электростанций, а также использование местного топлива,— поистине огромны.

Бурное развитие сельскохозяйственной техники не могло не повлечь за собой стремительного развития растениеводства. Трудно переоценить огромный вклад, внесенный в эту область советскими учеными различных специальностей, и в первую очередь биологами.

Это, пожалуй, самая разветвленная отрасль, показанная и во многих павильонах, и на экспонатных участках, и в плодовом мичуринском саду. Какого раздела этой отрасли ни коснешься, всюду найдешь новое, важное, интересное.

Рядом с трудами крупных ученых стоят достижения селекционеров-мичуринцев, новаторов, передовиков. Их всех объединяет одна благородная цель — повысить урожайность существующих культур, вывести и внедрить в практику новые культуры и сорта, превосходящие по всем показателям своих предшественников.

Если мы заглянем в дореволюционный сельскохозяйственный справочник, то заметим, что сорта, которые возделывались в ту пору, за исключением почетных «стариков-миллионеров», занимающих большие посевные площади, ныне почти все вытеснены новыми, созданными советскими селекционерами. А в растениеводстве это не так просто: выведение нового сорта требует от исследователя настойчивого, продолжительного и упорного труда.

Центральное место на выставке принадлежит зерну, особенно озимой и яровой пшенице — этой важнейшей сельскохозяйственной культуре, выращиваемой человечеством на протяжении тысячелетий. В ее историю сейчас вписано много ярких, волнующих страниц.

Приведу несколько примеров. В институте земледелия юго-востока в Саратове выведены двадцать сортов различных культур, которые завоевали общенародное признание,— они возделываются на площади свыше четырнадцати миллионов гектаров.

Широкой известностью пользуется институт растениеводства в Ленинграде, располагающий богатой коллекцией зерновых, преимущественно пшениц. Здесь хранится почти 70 тысяч образцов. Сотрудники института собрали со всего земного шара этот фонд, не имеющий себе равного в мире. 229 сортов зерновых, крупяных и бобовых культур, выведенных в институте, выращиваются на полях десятков областей, краев и республик.

Хороший прием в колхозах оказали сорту Новоукраинка-83, пшенице, выведенной Краснодарской селекционной станцией. В прошлом году эта пшеница занимала площадь свыше 1 300 тысяч гектаров. Она дает богатый урожай. Например, в артели имени Кирова, Кореновского района, Краснодарского края, в среднем с каждого из 6 тысяч гектаров получают по 23 центнера зерна. Об опыте своей работы кировцы рассказывают на выставке.

В Сибири хорошую славу приобрела Тулунская селекционная станция. Ее сорта пшеницы — Тулун и Ударница — хорошо переносят суровый климат Иркутской области и дают до 20 центнеров зерна с гектара.

Высокоурожайные сорта можно выводить не только методом внутривидовой гибридизации. Лучшие перспективы перед селекционером открывает отдаленная гибридизация, скрещивание культурных растений, зачастую изнеженных и достигших зенита своих возможностей, с их дикими сородичами, сильными, неприхотливыми, выносливыми.

В институте зернового хозяйства нечерноземной полосы удалось создать совершенно новые сорта пшеницы: пшенично-пырейные гибриды, которые обладают рядом преимуществ по сравнению с самыми продуктивными старыми сортами. Они не полегают даже в дождливое лето, хорошо переносят длительную засуху, не осыпаются, не боятся грибных бо-

← Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Фонтан «Каменный цветок».
Фото М. Окушко.

ХОЗЯЙСТВО

лезней, поражающих пшеницу, дают высокие урожаи. В колхозах, строго соблюдающих правила агротехники, получают по 50—70 центнеров зерна с гектара — урожай, недосягаемый ни для одного старого сорта пшеницы.

Такими свойствами отличаются пшенично-пырейные гибриды 1, 186, 599, выращиваемые ныне на сотнях тысяч гектаров. Подготовлены к сдаче в государственные сортоиспытания еще два сорта пшенично-пырейного гибрида — озимый и яровой.

Посетители довоенной выставки помнят имя известного опытника-полевода колхоза «Заветы Ленина», Шадринского района, Курганской области, Т. С. Мальцева. Теперь он руководитель опытной станции, участник выставки. Результаты его опытов экспонированы в Павильоне земледелия и Павильоне «Урал».

Блестящих успехов достиг украинский мичуринец М. Е. Озерный, прославленный мастер высоких урожаев кукурузы, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии. В колхозе «Червоный партизан», Лиховского района, Днепропетровской области, он снимает свыше 100 центнеров кукурузы с гектара. К нему в гости приезжают посланцы колхозной деревни, чтобы перенять его опыт, получить семена выведенного им сорта Партизанка. С опытом своей многолетней работы он знакомит в Павильоне «Украина».

Снова участница выставки М. В. Гнатенко, бывшая звеньевая-пятисотница, а ныне аспирантка института сахарной свеклы. Свою научную работу она проводила в колхозе имени Коминтерна, Киевской области, где под ее руководством получили высокий урожай сахарной свеклы.

С немалыми успехами пришли на выставку и работники института картофельного хозяйства. Кому, например, не известны отличные продуктивные сорта, выведенные там: Лорх, Кореневский, Советский, Московский, Волжанин... 14 новых сортов картофеля, богатого крахмалом, рассыпчатого и вкусного, знаменитого своими урожаями, получила страна от коллектива этого института. Новые сорта возделываются сейчас на огромных площадях.

Нет возможности даже вкратце пересказать все то, что сделали для сельского хозяйства представители различных отраслей советской науки. Вот, например, химики. Различные химические вещества нашли дорогу в социалистическое земледелие. Это удобрения — фосфорные, калийные, азотные, которые увеличивают содержание белка в зерне, сахара в свекле и винограде, крахмала в картофеле.

По решению сентябрьского Пленума ЦК КПСС производство удобрений в 1964 году достигнет 28—30 миллионов тонн. Это даст стране дополнительно около 35 миллионов тонн зерна, 3 миллионов тонн сахара, 40 миллионов тонн картофеля, 2 миллионов тонн волокна. Кроме того, возрастет также урожайность овощей, трав, плодов и ягод.

Очень эффективны химические средства борьбы с вредителями и болезнями растений, созданные научно-исследовательскими институтами. Препараты, разработанные учеными и выпускаемые нашей промышленностью,— ДДТ, гексахлоран, фосфорорганические, ртутноорганические и другие соединения,— защищают зеленое царство от вредителей и болезней, сохраняют сельскохозяйственную продукцию на миллиарды рублей в год.

В последнее время все шире применяются химические вещества, обладающие свойством в малых дозах ускорять рост растений, в средних же задерживать его, а в больших убивать. Они отличаются избирательностью действия — уничтожают сорняки. Так родилась химическая прополка, в сотни раз ускоряющая этот трудоемкий процесс.

Большой интерес представляют так называемые стимуляторы роста. С их помощью удается резко повысить урожайность помидоров в теплицах и открытом грунте. Стимуляторы предотвращают предуборочное опадение яблок и груш, иногда уносящее до половины урожая плодов. Опрыскивание с самолета останавливает рост молодых побегов и листвы хлопчатника и одновременно усиливает приток питательных соков к коробочкам.

Широко покажут свои достижения ученые и новаторы, работающие в области животноводства. И этот раздел необычайно разнообразен и интересен. На выставке представлены все виды и породы домашнего скота, а также некоторые промысловые звери.

Замечательное стадо привезли из совхоза Караваево. Эту высокопродуктивную отечественную породу крупного рогатого скота вывели лауреат Сталинской премии С. И. Штейман и руководимый им коллектив животноводов-новаторов.

Привлекает внимание алатауская порода крупного рогатого скота, созданная работниками Всесоюзного института животноводства в содружестве с колхозниками Казахстана. Она получила широкое признание. Совместно с практиками ученые вывели также новые тонкорунные породы овец — куйбышевскую и алтайскую—и новые породы мясо-сальных свиней — ливенскую и уржумскую. В институте решается проблема повышения жирности молока. Какое это имеет громадное народнохозяйственное значение, видно по такому примеру. Достаточно поднять содержание жира в молоке на 0,2—0,3 процента у всего поголовья скота, чтобы получить дополнительно 1,5 миллиона пудов масла и столько же сыра!

Исключительно высоких показателей добились работники института в Аскании-Нова. Совершенствуя знаменитую асканийскую тонкорунную овцу, выведенную академиком М. Ф. Ивановым, они завоевали мировой рекорд по настригу шерсти и живому весу. Баран-882 — питомец Аскании-Нова — дал за год 29,4 килограмма шерсти.

Представлен на выставке и советский меринос, воспитанный сотрудниками института овцеводства и козоводства совместно с колхозными чабанами, награжденными Сталинской премией. Эта тонкорунная, высокопродуктивная овца вытеснила с колхозных и совхозных ферм Северного Кавказа старую грубошерстную овцу. Миллионы мериносов, которые пасутся на сочных пастбищах, свидетельствуют о том, что дает творческий союз науки и практики.

В тех колхозах, где скот обеспечен сочными кормами и концентратами, стадо отличается высокой продуктивностью. Приведу один пример. В колхозе имени Гастелло, Минской области, выделено для скота, кроме сочных и грубых кормов, почти 4 тысячи центнеров зернофуражных культур, из них три с лишним тысячи ячменя и овса. Такой обильный рацион удалось предоставить только благодаря прекрасным урожаям зерновых. Ячменя, например, здесь собрали по 31 центнеру с каждого гектара из ста. И это в Белоруссии, где нет чернозема!

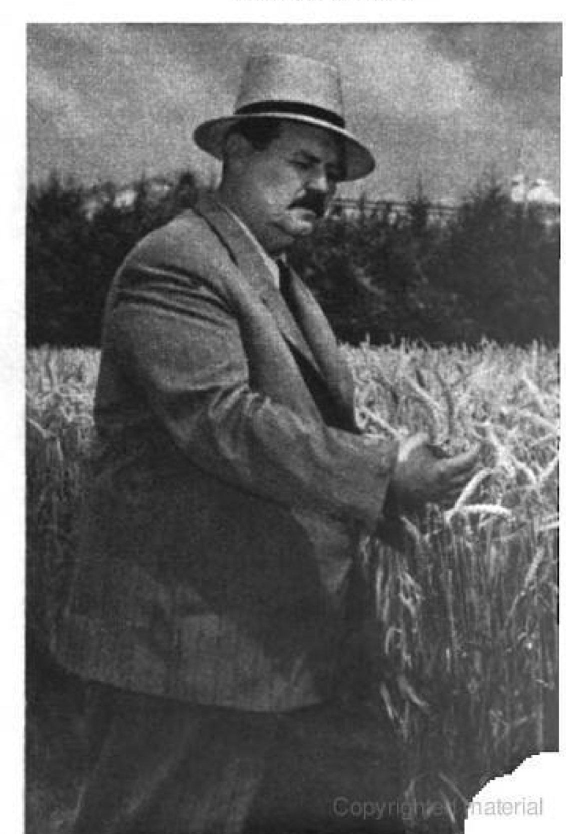
Приобрела право участвовать на выставке и старейшая в стране кузница сельскохозяйственных кадров — академия имени К. А. Тимирязева. Здесь разрабатываются теоретические и практические основы получения высоких урожаев культурных растений и повышения продуктивности животноводства. Академия крепко связана с сельским хозяйством. Она помогает советом и делом сотням колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций. За последние три года академия выпустила больше специалистов, чем за 50 лет существования до революции. Кроме того в последние годы здесь на курсах повысили квалификацию свыше 6 тысяч агрономов, зоотехников, директоров МТС и председателей колхозов.

Весной нынешнего года началось освоение целинных и залежных земель на востоке страны. На выставке еще нет представителей тех, кто ведет наступление на эти нетронутые плодородные земли. Мы убеждены, что многие завоюют право участвовать на выставке в будущем году.

Всего, даже самого яркого, запоминающегося, повторяю, не пересказать. Выставку надо видеть, никакие рассказы не могут заменить прямого, непосредственного впечатления, наблюдения. И 17—20 тысяч экскурсантов, которые съедутся со всех концов нашей необъятной Родины, будут ежедневно осматривать павильоны, учиться, перенимать опыт передовиков в той или иной области. И не только перенимать, но и передавать свой опыт, накопленный годами творческого труда.

Советские ученые и их верные друзья — колхозники-опытники, селекционеры, передовые люди колхозов, совхозов и МТС — приложат все силы, все знания, чтобы помочь нашему народу выполнить исторические задачи, поставленные Коммунистической партией и Советским правительством.

Академик Н. В. Цицин на делянке нового сорта пшеницы — пшенично-пырейного гибрида.
Фото Е. Умнова.

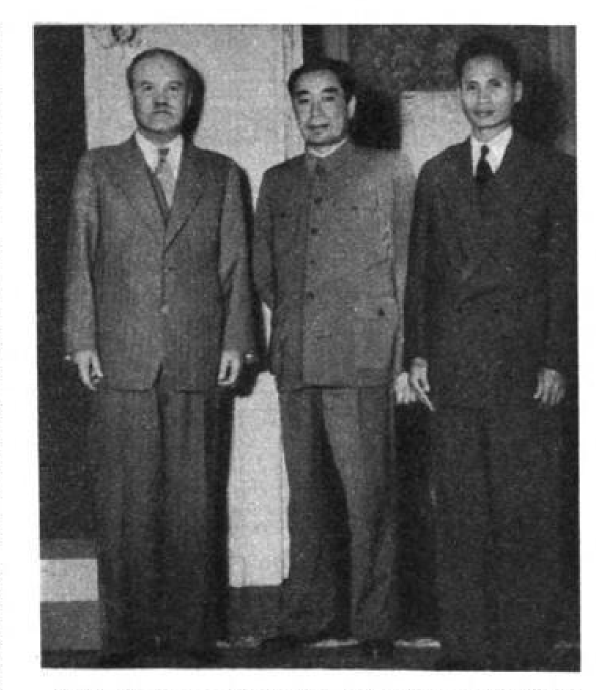


ПОБЕДА СИЛ МИРА

Эдмунд ОСМАНЧИК

На события последних дней Женевского совещания разные группы журналистов реагировали поразному. Для некоторых репортеров и наблюдателей, равнодушных к судьбам народов, совещание стало чем-то вроде спортивного состязания: успеет или не успеет, толковали они между собой, французский премьер до 20 июля закончить переговоры о прекращении огня в Индо-Китае? Эти журналисты, как и определенные политические круги США, считают дозволенными в своем ремесле любые приемы, вплоть до самых невероятных вымыслов. Они старались изо всех сил, и старались не случайно: ведь прочный и действенный мир начисто зачеркивает американские военные планы!

С большим удовлетворением была воспринята в кругах журналистов в Женеве весть о предстоявшем созыве 18 июля общего заседания девяти делегаций. После заседания все единодушно говорили, что оценка итогов проделанной работы, данная на этом заседании главой советской делегации В. М. Молотовым, произвела большое впечатление своей справедливостью и объективностью, отчетливо выраженным стремлением к урегулированию еще не решенных вопросов. Журналистам из числа упорных «могильщиков» Женевского совещания пришлось прикусить язык. Выявилась ясная перспектива успешного завершения переговоров.



В. М. Молотов, Чжоу Энь-лай и Фам Ван Донг в Женеве.

Есть такая старинная поговорка: «Понедельник — бездельник». Я бы не сказал этого о понедельнике 19 июля. Устарела, явно устарела пословица!

Я пишу эти строки в 22 часа по женевскому времени 19 июля. Тремя часами раньше глава делегации Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донг пригласил к себе французских журналистов и сообщил им, что в связи с далеко идущим согласованием главных пунктов перемирия делегация Демократической Республики Вьетнам в любую минуту готова подписать соглашение о прекращении огня.

Шестью часами раньше премьер Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лай встретился с премьером Франции Мендес-Франсом. Беседа носила дружественный характер.

Восемью часами раньше (в 14 часов, как было объявлено в печати) должна была состояться встреча премьера Франции Мендес-Франса с заместителем государственного секретаря Соединенных Штатов Беделлом Смитом. Однако встреча эта была отложена... «на неопределенное время»; руководитель делегации США неожиданно известил французского делегата о том, что «он чувствует себя нездоровым». Внезапное «недомогание» мистера Беделла Смита оживленно комментировалось в Доме прессы. Здесь упорно распространяется слух, что несколько часов назад Смит получил из Вашингтона самую короткую и самую оригинальную инструкцию, которую когда-либо приходилось получать дипломату от своего правительства: «Не делать ничего!» Но как выполнить такое указание, когда вокруг происходят бурные события?! Поневоле сляжешь в постель и скажешься тяжело больным!

Двадцатью двумя часами раньше началась тринадцатая неделя Женевской конференции. Некий видный западноевропейский журналист сказал мне тогда с довольно хмурым видом:

— Однако! Коммунисты, оказывается, не суеверны. Они не имеют ничего против того, чтобы довести дело до мира в Индо-Китае, хотя бы и на тринадцатой неделе!..

Записывая подобным «обратным ходом» сегодняшние события, я невольно делаю экскурс в историю Женевского совещания и воскрешаю в памяти его перипетии.

Американцы всеми силами препятствуют созыву Женевского совещания. Из этого ничего не получается. Американцы угрожают расширением войны в Индо-Китае. Из этого ничего не получается. «Оскорбленный» мистер Даллес внезапно улетает из Женевы. Падение Дьен Бьен Фу. Отъезд из Женевы Жоржа Бидо, его легкомысленные слова: «Я вернусь через несколько дней!» Падение кабинета Ланьеля. Приезд Мендес-Франса в Женеву. Благородные усилия делегаций СССР, народного Китая, демократического Вьетнама, направленные к достижению соглашения. Наметившееся сближение сторон. Возвращение мистера Даллеса, правда, не в Женеву, а в... Париж! Яростные попытки американской делегации сорвать соглашение. Трудные дни на прошлой неделе, двенадцатой неделе конференции. И, наконец, последнее: «болезнь» мистера Беделла Смита, и очень неплохое самочувствие всех искренних сторонников мира и мирного сотрудничества народов.

☆ ☆ ☆

Раннее хмурое утро 21 июля. Время приближается к четырем часам. Журналисты собрались перед Дворцом Наций. Многие криками «Да здравствует мир!» приветствуют сообщение, что для подписания перемирия все подготовлено. В три часа сорок минут по женевскому времени подписывается соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме и Лаосе. Итак, сегодня к утру смолкает продолжавшийся восемь лет грохот пушек, вой авиабомб, треск автоматов и пулеметов! В течение сегодняшнего дня будет подписано перемирие между воюющими сторонами в Камбодже. Наконец, сегодня состоится заключительное пленарное заседание Женевской конференции.

Соглашение о прекращении огня в Индо-Китае должно было быть подписано еще 20 июля, в шестнадцать часов по женевскому времени. Однако делегат Камбоджи за полчаса до подписания внезапно заявил, что... перемирия он не подпишет. Внешние «режиссеры» явно пустили в ход новую политическую диверсию, направленную на срыв соглашения...

С шестнадцати часов дня 20 июля и до четырех часов утра 21 июля огромная толпа журналистов и радиокомментаторов, фоторепортеров и кинооператоров в сильнейшей напряженности ожидала исхода драматической борьбы с саботажниками мира. И можно заверить читателей «Огонька», что радость по поводу победы сил мира была единодушной у подавляющего большинства журналистов Востока и Запада. Немногочисленные кляузники, которые уже радовались было «провалу» Женевского совещания, теперь старались скрыться, как перепуганные крысы, в свои норы.

...Одна любопытная деталь: через полчаса после подписания перемирия в оживленную и радостную толпу журналистов ворвался какойто субъект с большой пачкой листовок, которые он быстро стал всовывать каждому из нас. В листовке мы прочли, что единственным государством, которое сочло нужным немедленно оповестить весь мир, что оно «... очень счастливо по поводу крупного успеха, достигнутого этой ночью в деле прекращения кровопролития в Индо-Китае» является... отгадайте, кто? Ну, конечно же... Соединенные Штаты! Между тем делегат США в течение последних сорока восьми часов «из-за болезни» только мысленно мог принимать участие в восстановлении мира в Индо-Китае...

Когда мы насмеялись досыта, я сказал своему другу — французу:

— Какая убедительная, какая блестящая победа сил мира над силами войны!

Француз ответил:

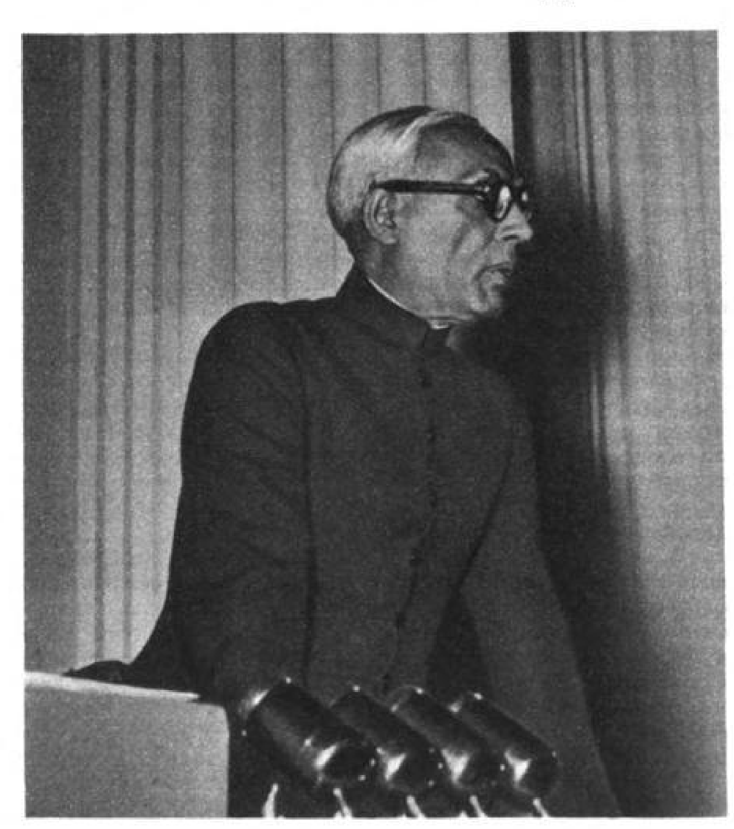
— Я чувствую себя очень счастливым. Будущее моей родины сегодня ночью решила воля народов к миру!

Мы крепко пожали друг другу руки.

Женева, 21 июля.

Фоторепортеры фотографируют В. М. Молотова и Пьера Мендес-Франса (справа) после их беседы.

Славный сын Индии



— Я полностью осознаю ту великую честь, которую вы сегодня оказываете мне, вручая эту награду. Я от души благодарен вам.

С такими словами выдающийся индийский ученый депутат парламента Индии Сахиб Синг Сокхей обратился к собравшимся во время церемонии вручения ему международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

14 июля в Свердловском зале Кремля находились многочисленные представители советской общественности. На церемонии вручения премии присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол республики Индии в СССР господин К. П. Ш. Менон с супругой.

На фото: Сахиб Синг Сокхей выступает с ответной речью.

Фото А. Гостева.

На дрейфующую станцию «Северный Полюс-3» прилетел вертолет.

На льдах ЦЕНТРАЛЬНОЙ АРКТИКИ

Фото специальных корреспондентов «Огонька» Я. РЮМКИНА и С. МОРОЗОВА.

Советские ученые и авиаторы, прославленные выдающимися географическими открытиями в Центральной Арктике, одержали новые успехи.

Высокоширотной воздушной экспедицией 1954 года высажены на льды Северного Ледовитого океана дрейфующие научно-исследовательские станции: «Северный Полюс-3» и «Северный Полюс-4», проведены важные исследования подводного хребта Ломоносова.

В борьбе с суровой стихией в тысячах километров от твердой земли советские полярники повседневно ощущают заботу матери Родины. Сотрудники дрейфующих станций размещены в утепленных палатках и передвижных домиках, отапливаемых газом и углем. В распоряжении научно-исследовательских станций имеются вертолеты, тракторы и автомобили-вездеходы. Со станциями поддерживается регулярная радио- и авиасвязь. Все участники дрейфа здоровы и успешно работают по обширной программе научных наблюдений.

Начальник дрейфующей станции «Северный Полюс-4» синоптик Е. И. Толстиков.

Начальник дрейфующей станции «Северный Полюс-3» Герой Социалистического Труда океанограф А. Ф. Трешников у себя в палатке за рабочим столом.

Уютно и весело в снежном доме — кают-компании дрейфующей станции «Северный Полюс-3». Слева направо: гидролог А. И. Дмитриев, магнитолог Н. Е. Попков, врач В. Г. Волович (за пианино), метеоролог Г. И. Матвейчук и аэролог И. И. Цигельницкий.

На борту флагманского самолета высокоширотной экспедиции. Слева направо: Герой Советского Союза магнитолог М. Е. Острекин, руководитель экспедиции — начальник Главсевморпути В. Ф. Бурханов, один из старейших штурманов полярной авиации В. П. Падалко, командир летного отряда Герой Советского Союза И. И. Черевичный и академик Д. И. Щербаков.

Шведский крейсер «Тре Крунур» на Неве.
Фото Н. Ананьева.

ШВЕДСКИЕ МОРЯКИ В ЛЕНИНГРАДЕ

Днем от причалов набережной Невы отошли «морские охотники». Вскоре отшвартовался и эскадренный миноносец. Пройдя морской канал, боевые корабли вышли на водный простор и взяли курс к плавучему маяку. Здесь, за много миль от Ленинграда, и произошла встреча с отрядом шведских военных кораблей, направлявшихся в Советский Союз с визитом вежливости. Наш миноносец сделал разворот влево и остановился против флагманского крейсера «Тре Крунур». Эсминец встал в голове колонны и повел шведские корабли в Ленинград.

Корабли медленно проходят вдоль южной стенки Кронштадтской гавани, на которой выстроился почетный караул.

В третьем часу ночи, когда был разведен мост лейтенанта Шмидта, проследовал на Неву первый шведский миноносец. Несмотря на поздний час, у гранитной набережной стояли сотни ленинградцев. На рассвете весь отряд кораблей встал на бочки между двумя мостами: лейтенанта Шмидта и Дворцовым.

Утром контр-адмирал Эрик аф Клинт отправился с первыми визитами к командующему Балтийским флотом, начальнику гарнизона Ленинграда, старшему военно-морскому начальнику, заместителю председателя ленинградского облисполкома и председателю горисполкома. Затем начались ответные визиты. Над Невой то и дело гремели орудийные раскаты.

На ленинградских улицах, площадях, проспектах замелькали темные форменки и синие воротники шведских матросов. На перекрестках, посредине тротуаров, на набережных завязывались знакомства. То здесь, то там шведские моряки дружески беседовали с ленинградцами.

К вечеру гости торопились поделиться с родными своими первыми впечатлениями. Молодой матрос посылает по бильду в Стокгольм фотографию, сопровождая ее такой подписью: «Милая русская девушка угощает меня мороженым эскимо». Другой матрос сдает фотокарточку, на которой он запечатлен в момент обмена адресами со своими новыми друзьями — советскими моряками

Вечером советские матросы пригласили шведских гостей в залы Дворца культуры имени С. М. Кирова. Офицеры принимали шведских командиров в своем клубе. В кино, в театрах, в садах, в Петродворце и в Эрмитаже, на заводах и фабриках — всюду можно было встретить в эти дни шведских матросов и офицеров. Многие ленинградцы, в свою очередь, побывали на шведских кораблях. Вечером, когда отряд кораблей озарялся иллюминацией, набережная была заполнена народом.

К. ПЕТРОВ

Командующий береговым флотом Швеции контр-адмирал Эрик аф Клинт нанес официальный визит председателю Ленгорисполкома депутату Верховного Совета СССР Н. И. Смирнову.

Дружеская встреча шведских и советских матросов во Дворце культуры имени С. М. Кирова.

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СОЮЗА ССР

ВЕЧЕР НА КОРАБЛЕ

Фото Н. Ананьева.

Зеленые лесистые берега быстро исчезали из виду, и на горизонте показался силуэт боевого корабля. Чем ближе подходил наш катер, тем отчетливее вырисовывались знакомые очертания краснознаменного линкора «Октябрьская революция» с его высокими трубами, палубными надстройками, длинными жерлами орудий... Но морские дали обманчивы, и прошло еще немало времени, пока мы подошли к кораблю и по трапу взобрались на палубу.

Близился вечер. На боевых постах окончилась учеба. Вахтенный офицер скомандовал: «На ужин!» Эту команду тотчас повторил горнист, и вмиг опустела широкая верхняя палуба.

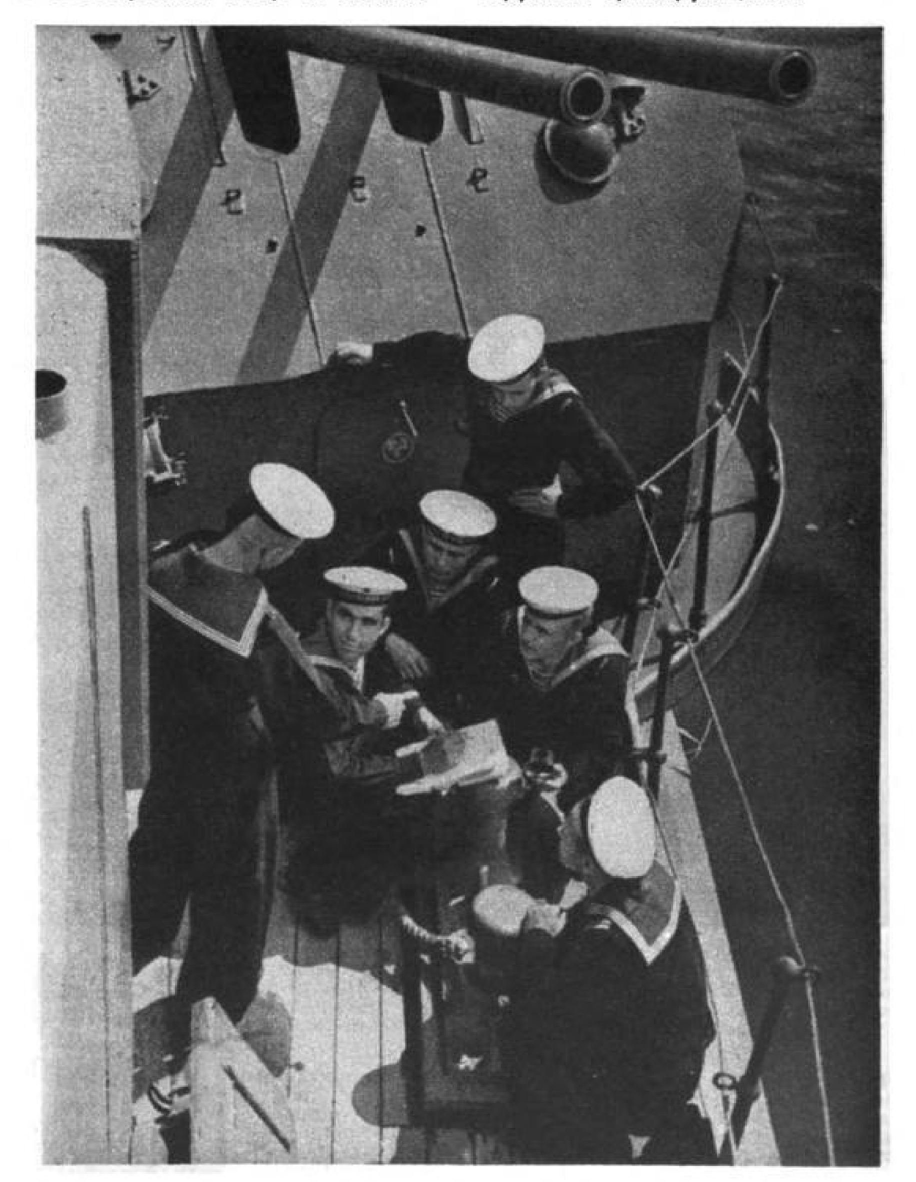
...Включена трансляционная радиосеть. «Участникам самодеятельности одеться по форме № 3 и явиться на верхнюю палубу!» — разнеслось по всем уголкам линкора. Через несколько минут к микрофону подошел дежурный офицер и объявил, что на баке начинается концерт матросской художественной самодеятельности.

Корабль мгновенно превратился в своеобразный театр со сценой, артистическими уборными, вместительным залом. Матросы расселись на баке, оседлали стволы пушек, взобрались на дальномерные мостики. А площадку, возвышающуюся над баком, словно сцена над зрительным залом, стали заполнять танцоры. Матросы Иван Камышников и Геннадий Бобров лихо пляшут, обнявшись с одетыми в солдатскую форму Анатолием Киселевым и Леонидом Казымаевым. Танец этот называется «Войсковая дружба».

На какую-то минуту сцена опустела. Но вот из-за башни орудия выбегают два моряка. Один из них в белоснежном костюме кока размахивает кухонным черпаком, другой — в синем комбинезоне с масленкой в руке — машинист. Опасаясь выпачкать костюм, кок выделывает замысловатые коленца, отбиваясь от наседающего машиниста. Шуточный танец вызывает одобрительный смех.

Концерт продолжается. Многие его участники, ожидая выхода на сцену, следят за своими товарищами из люков, которые в эти минуты служат кулисами.

На корме группа матросов окружила гримирующихся.



Матросы орудия имени Ивана Тамбасова пишут письмо матери героя.

— Во це жинка, бис бы ее взяв! — восхищается молодой матрос-киевлянин.

— Да тише, не мешайте же даму одевать! — просят моряков костюмеры, старательно превращающие Рудольфа Леухина в сорокалетнюю рыжую даму Олимпиаду Егоровну — героиню чеховского рассказа «Последняя могиканша».

«Актеров» сменил матросский хор. В первом ряду уселись музыканты, за ними выстроились пятьдесят певцов. Дирижер — старший матрос Валентин Воронин — подал знак, к хору присоединились слушатели, и на большом рейде зазвучал мелодичный напев «Рябинушки».

Едва стихла песня, как из-за башенной надстройки показались баянисты. Их на корабле много, но самый любимый—Николай Рымаренко. Под аккомпанемент его баяна поет хор, выступают солисты. Рядом с Рымаренко — Иван Павлов. В его репертуаре более двадцати песен и романсов. Многие из них записаны на ленту магнитофона и часто транслируются по радио. Завтра, когда он будет стоять на вахте, весь корабль услышит песню о море:

Я песнь волны нарастающей
слышу,
Я голос суровый ее узнаю,
И ночью, и в полдень, и
в шторм, и в затишье
Я море родное всем сердцем
люблю...

Долог и светел летний вечер на Балтике. Каждый использует его по-своему: кто сражается в шахматы, кто играет на бильярде, а кто разглаживает брюки, бреется, готовясь сойти на берег.

У башни зенитного орудия имени Ивана Тамбасова собрались матросы. Тамбасов — герой линкора. Ранней весной 1943 года в разгар боя от попадания вражеского снаряда загорелся боезапас. Рискуя жизнью, командир орудия коммунист Иван Тамбасов стал сбрасывать горящие снаряды за борт. Отважный моряк погиб смертью храбрых, но взрыв на корабле предотвратил. За этот подвиг он был посмертно награжден орденом Красного Знамени и навечно зачислен в списки личного состава корабля. Его именем названо одно из орудий.

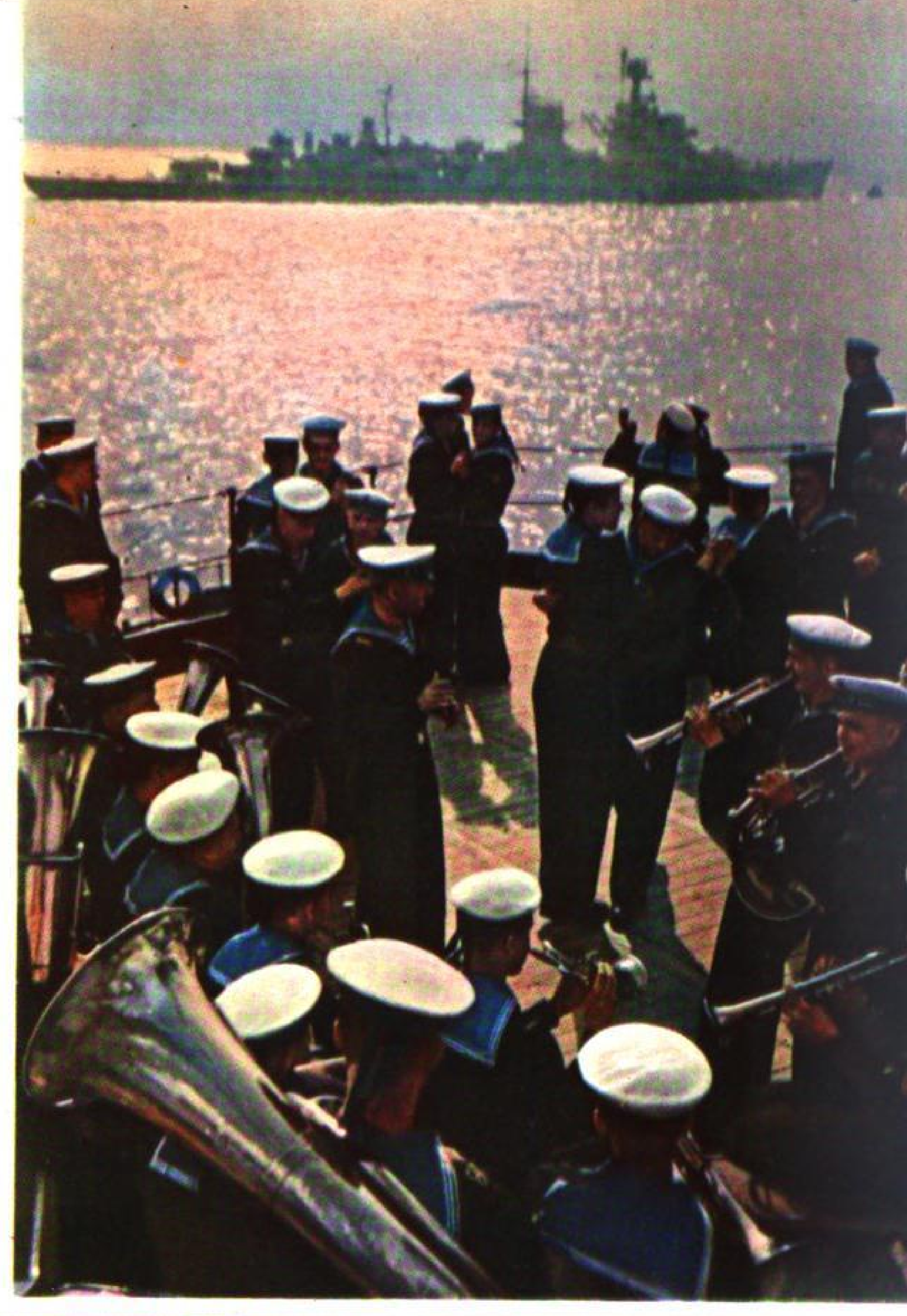
Мать героя, Екатерина Дмитриевна, живет в Минусинске, Красноярского края. Матросы ведут с ней оживленную переписку. Вот и сейчас, используя свободное время, они пишут ей коллективное письмо. Командир орудия старшина 1-й статьи Виктор Григоренко рад сообщить Екатерине Дмитриевне, что почти все матросы расчета орудия, носящего имя ее сына, награждены значками «Отличный артиллерист».

На левом шкафуте собрались баскетболисты. К стрелке башни орудия главного калибра они прикрепили кольцо, а чтобы мяч не очутился за бортом, натянули вдоль леера защитную сетку. Рядом шла традиционная флотская борьба — перетягивание каната.

Солнце коснулось горизонта. Повеяло прохладой. Но никто не расходился. Киномеханики натягивали белоснежное полотно экрана. Правый шкафут сразу превращается в довольно вместительный кинозал...

К. ЧЕРЕВКОВ

→
Полились звуки вальса...

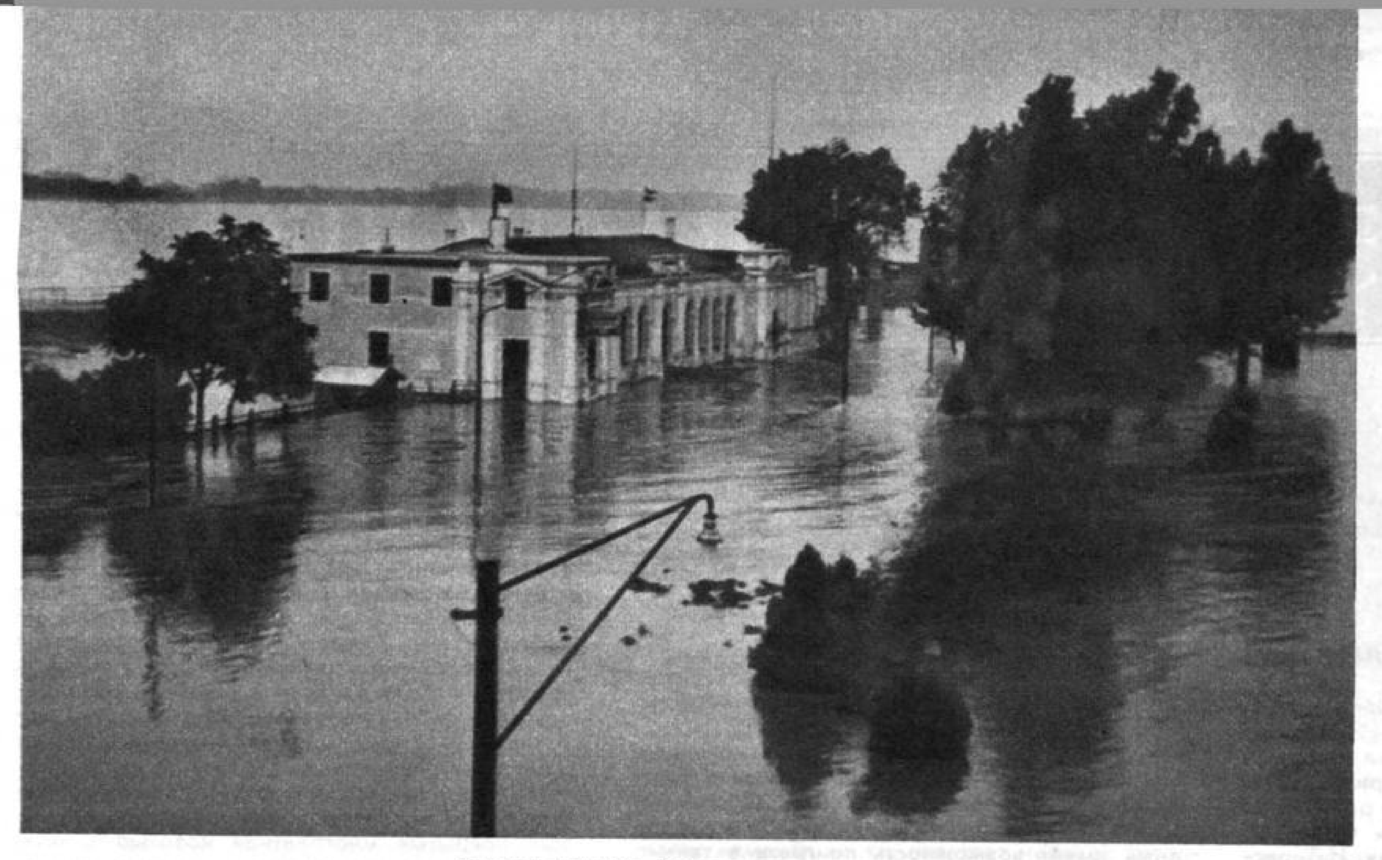


Шуточный танец вызывает дружный смех.

На палубе появились гармонисты.

Исполняется танец «Войсковая дружба».

Живо реагируют зрители на выступления своих товарищей.



Один из уголков Вены в дни наводнения.

Деревня Винкль близ города Тульна. Советские солдаты эвакуируют старую крестьянку.

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ В АВСТРИИ

Я нахожусь на амфибии старшего лейтенанта Ищенко. Мы плывем по улицам затопленного австрийского городка Тульна. Стихийное бедствие, только что обрушившееся на Австрию — ливни, снегопады и наводнение,— нанесло серьезный ущерб населению. Тысячи и тысячи гектаров посевов, множество сел и городов оказались затопленными. Как только стало известно, что многим семьям угрожает опасность, советские офицеры и солдаты на амфибиях, вездеходах, автомобилях отправились на помощь. Советские воины не спали по нескольку ночей, эвакуируя стариков и детей, снабжая население продуктами питания и питьевой водой.

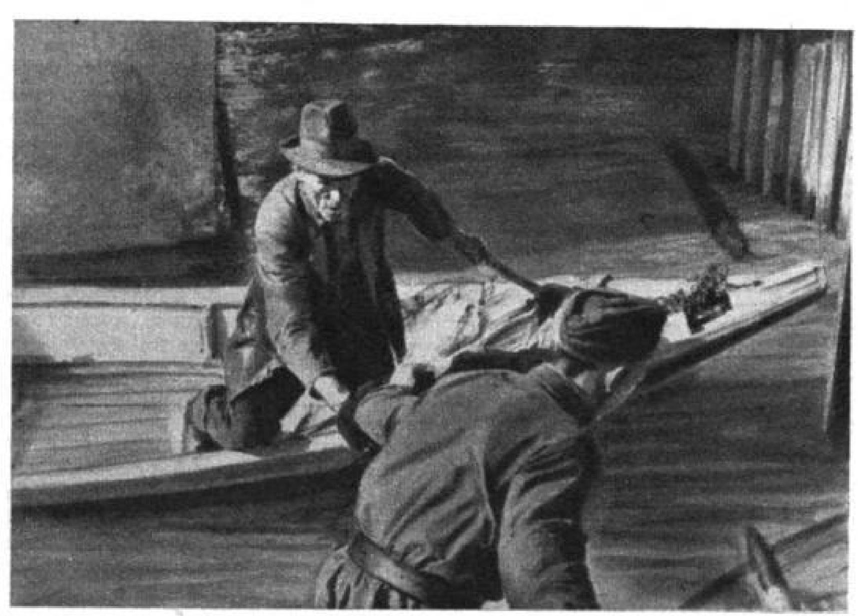
Наша амфибия медленно приближается к белому крестьянскому дому. Ищенко осторожно ведет машину. Население просило «плавать по улицам медленно», чтобы не повредить дома, сады. Амфибия забирается в самые отдаленные районы, чтобы убедиться, не нуждается ли еще кто-нибудь в помощи.

С утра до глубокой ночи не прекращались спасательные работы.

Владимир УВАРОВ
Фото автора и А. Макарова.

Во время спасательных работ одна из советских машин потерпела аварию. На снимке: австрийская девушка у постели раненого советского воина.

Австрия. Район наводнения.



Советский солдат помогает австрийскому крестьянину покинуть затопленный дом...

Очередной рейс советской амфибии закончен.

Эти камни нужны для строительства дамбы.

Старший лейтенант Кобзев и группа советских солдат ведут спасательные работы.

Поездка в Шотландию

Анатолий СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото В. Назарова и автора.

V. ГЛАЗГО — ГОРОД КОНТРАСТОВ

Еще по дороге в Абердин в машине, включив радио, мы услышали песенку. Называлась она «Глазго принадлежит мне». Пел приятный баритон. Мелодия песни проста, припев запоминается. Песня говорит о том, что рабочий на дружеской пирушке с приятелями чувствует, что родной город принадлежит ему. Интересно было узнать, как родилась эта песенка. Так сложился план поездки. В Глазго у нас не было намечено никаких встреч. Было решено провести конец недели — полдня субботы и воскресенье — в этом городе, ознакомиться с музеем.

Глазго — один из самых больших городов Великобритании, а по количеству населения и удельному весу промышленности первый город Шотландии. Сейчас в нем живет около миллиона ста тысяч человек. До войны было миллион с четвертью. Глазго, как и другие города Англии, подвергался сильным бомбардировкам фашистской авиации, многие уехали и не вернулись обратно...

В Глазго нам удалось посмотреть богатый музей, в котором представлены превосходные модели торговых и военных кораблей. Посетители подолгу стоят возле этих моделей, некоторые вздыхают.

Мы проехали вдоль доков, видели ребристые скелеты будущих кораблей, но видели и пустые доки.

В музее собрана интересная коллекция фарфоровой посуды. Картинная галерея уступает Эдинбургу, да, пожалуй, и Абердину, но и в ней есть немало хороших работ французских, английских и шотландских художников, и, конечно, в центре внимания посетителей произведения Рембрандта.

Красив Кельвангроув-парк, расположенный близ музея. Это — место отдыха жителей Глазго. Пожилые люди катают здесь деревянные шары по зеленому травяному полю. Молодежь имеет возможность поиграть в теннис. Можно здесь и поваляться на траве или сходить посмотреть какой-либо аттракцион за недорогую плату. В субботний вечер, когда мы были в Кельвангроув-парке, на плакатах рекламировался «Гигантский кит», и в балаган, где он находился, неторопливо шли взрослые и дети, на ходу подсчитывая медные и серебряные монеты.

К сожалению, Глазго беден зеленью. Здесь только несколько оазисов — площадки для детей с худосочными деревьями. Не так давно за городом сделали искусственное озеро. Называется оно Хогганфилд-Лох. Там можно покататься на лодке, а выйдя на берег озера, сыграть в гольф...

Глазго — большой торговый город, в нем немало красивых, с хорошо оформленными витринами магазинов. Правда, покупателей тут немного. Сравнительно бойкая торговля шла в центре, в магазине возле станции метро, где продавались по сниженным ценам залежавшиеся на полках из-за дороговизны мужские рубашки, носки, перчатки...

За эти два дня мы пользовались всеми видами городского транспорта. Путешествовали и в трамвае, и в автомобиле, и в метро: оно в Глазго миниатюрное, поезда в два вагона, и сами вагоны маленькие — высокому человеку, входя, приходится сгибаться... Но нет большего удовольствия, чем ходить по незнакомому городу пешком — квартал за кварталом — и по каким-то неуловимым вначале признакам составлять впечатление о людях, их привязанностях и склонностях. Это похоже на чтение интересной книги.

Выйдя из станции метро неподалеку от парома через реку Клайд, мы пошли по улицам района Гован. Первое, что бросилось нам в глаза,— большое количество людей, стоящих группками возле магазинов и пивных, у остановок трамвая и автобуса. Некоторые были уже в чистых костюмах, другие — еще в рабочих замасленных спецовках.

Мы свернули на Нетхенстрит, грязную, запущенную улицу. Представьте себе ряды каменных, покрытых многолетней копотью домов, асфальт, каменные тротуары, усеянные обрывками бумаг, окурками, растоптанными пестрыми этикетками, передвигаемыми ветерком с места на место. Знойное солнце в недвижном пыльном мареве. Узкие черные проходы во дворы... И повсюду на улицах, на асфальте бесчисленное множество детей. Они сидят на дороге, возле каменных ступеней, у винных лавок... Мы заглянули в несколько дворов. Но можно ли их назвать дворами? Помойка, возле которой бродят тощие кошки, навален шлак... Неунывающие, веселые ребятишки до самых волос в подтеках, грязи и пыли. Нет места для игры — и они возятся на асфальте...

— Вы интересуетесь нашими ребятишками?— спросил нас рабочий — распиловщик досок.— Вы, вероятно, приезжие? Вон, видите, стена обвалившегося дома? Там жил Маккартер, его придавило стеной. Где же быть нашим детям чистыми, когда есть семьи, живущие по 13 человек в одной маленькой, сырой, темной комнате, без всяких удобств!

На нашем собеседнике был серый дешевый пиджак, чистая заштопанная рубашка. Незаметно разговор перешел на то, как загружено заказами предприятие, на котором он работает.

— Года на два, на три еще есть заказы...

— Но это хорошо...

— Нет, плохо! Для того, чтобы промышленность была здоровой, заказы должны быть распределены лет на 8—10 вперед... У нас нет уверенности в будущем. Пока работаешь, еще кое-как сводишь концы с концами, а как только вылетел с работы — это уже не жизнь... Да и сейчас разве мы бы так хотели жить? — Рабочий показал на закопченные дома.

Узнав, что мы из Советского Союза, он с особым чувством пожал нам руки и попросил: «Передайте привет советским рабочим».

...Неподалеку на улице два подростка играли в футбол маленьким резиновым мячом. Одного звали Даниель, ему 17 лет. Работает он клерком, учетчиком на заводе.

— Нас всего трое: отец, мать и я... Отец — чернорабочий, мать дома. Живем в одной маленькой комнате без удобств...

— Бываете ли вы в кино?

— Раз в неделю.

— Какие картины нравятся?

— Комедии и картины, где стреляют...

Рядом висит реклама американского фильма «Последний гангстер». Если бы это был последний!

— Собираетесь ли дальше учиться?

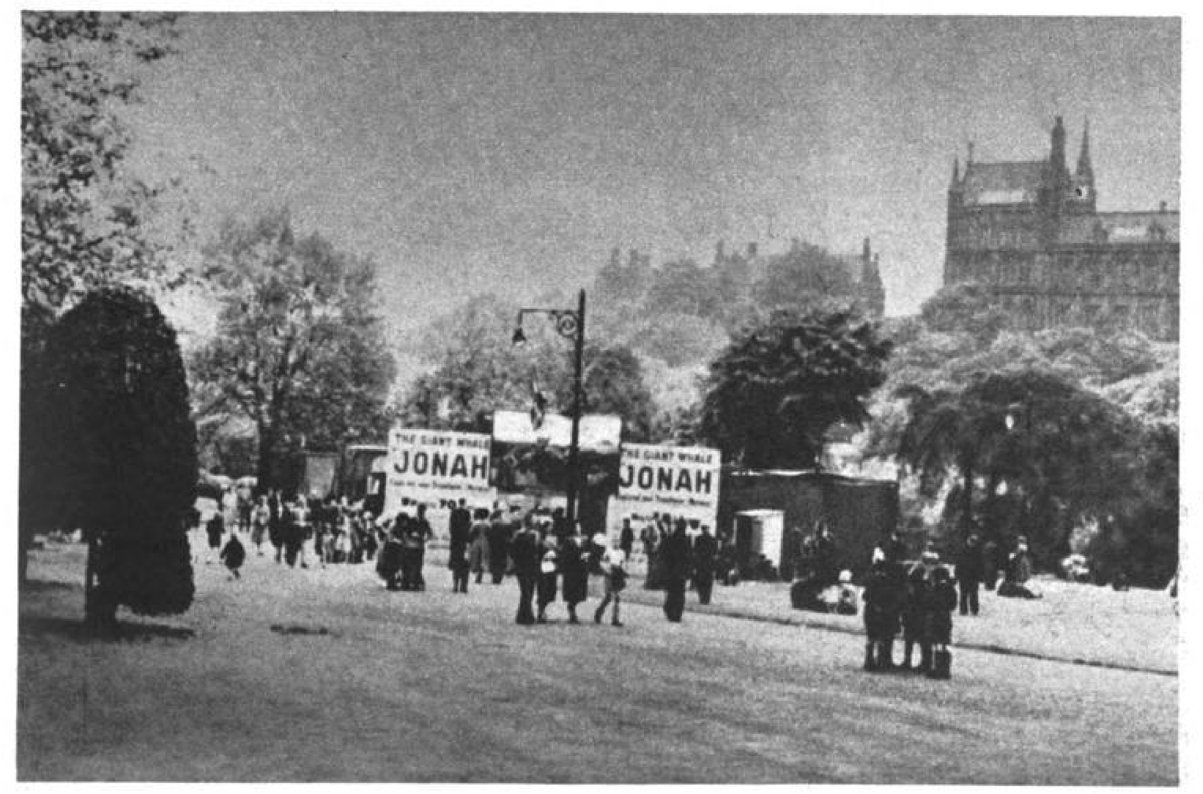
Даниель не понял нас.

— Получить высшее образование?

— Я работаю... Если мне удастся продвинуться по службе — и то будет хорошо.

У небольшой лавочки наше внимание привлекает доска с объявлениями, написанными от руки на клочках бумаги: «Продается темно-синий костюм для мальчика на 11—12 лет, надевался два раза. Цена—4 фунта 4 шиллинга», «Продается юбочка на 4—7 лет, хорошо со-

Окончание. См. «Огонек» №№ 28 и 29.



Здесь показывают «огромного кита».

хранилась, а также ботинки»... Были здесь и другие подобные объявления. К нам подошел пожилой человек.

— Вы хотите что-либо купить?

— Нет, нет.

У человека этого несложная профессия: на одном из металлургических заводов он открывает и закрывает ворота. Делает это он уже более трех десятков лет. Наш собеседник зарабатывает в неделю 6 фунтов. Два с половиной фунта он тратит на квартиру. Больше фунта уходит на всяческие налоги. В страховую кассу, как член профсоюза, рабочий должен вносить 6 шиллингов в неделю для того, чтобы в случае безработицы получать 32 шиллинга 6 пенсов в неделю. Женщины получают только 21 шиллинг.

— Хватает ли этого на жизнь?

— Нет, это жизнь впроголодь.

— А много безработных здесь?

— В этом районе довольно много. Их больше всего среди судостроителей средней квалификации. Сократилось судостроение, приходится им искать другую работу или получать пособие по безработице... Но есть разные виды безработицы: я, например, работаю пять дней в неделю. Хотя мне шестьдесят лет, я вполне мог бы работать все шесть дней...

— Велика ли у вас семья?

— У меня нет семьи. Я холостяк.

— Почему же?

— Очень дорого содержать семью.

Я указываю на ребятишек, снующих по улице, и спрашиваю:

— Есть ли детские сады в этом районе?

Словоохотливый наш собеседник засмеялся:

— Что вы, откуда они у нас?

На Элбер-стрит мы заглянули в маленький галантерейный магазин. За прилавком стояла полная женщина в голубом халате. На вопрос о том, как у нее дела, она уклончиво ответила: «Идут».

— Большая конкуренция?

— О-о!

Мы, видимо, затронули больное место.

— Очень большая. А кто вы такие? Вы русские?

И, услышав подтверждение, быстро добавила:

— Покупатели, которые бывают у меня, очень хорошо говорят о вас.— Хозяйка магазина хотела прибавить что-то еще, но с улицы вошел человек, и она замолчала.

...Было очень жарко в этот субботний день. Мы уже несколько часов бродили по улицам. Захотелось пить. На углу Фанрфиндстрит мы зашли в пивную. Там было очень много людей. Все места были заняты. Разноголосый шум плыл над столиками. У стойки старик в залатанном пиджаке, расстегнутой старой рубашке бережно, мелкими глотками пил пиво из маленькой кружки. Пил и что-то все время говорил. Мы прислушались:

— Когда ты бывший кузнец и когда тебе семьдесят семь лет, а жене семьдесят пять и когда ты получаешь 32 шиллинга 6 пенсов в неделю, а жена 21,— это жизнь? А квартира? А уголь? А табак? Я имею право выкурить трубку? Имею я право? — настойчиво спрашивал он.

Мы предложили ему папиросу, но он отказался и достал из кармана коричневый, твердый, как камень, кусок.

— Один шиллинг 10 пенсов я плачу за полфунта этого табака...

Вокруг все заняты своими разговорами, и никому нет дела до старика. Нам пора было возвращаться в гостиницу. На улице мы остановились посмотреть, как, стоя на карнизе второго этажа, человек, с трудом. сохраняя равновесие, протирает стекла. Около него не было обычной в таких случаях лестницы. Опасная работа!.. И вдруг, прямо пересекая улицу, к нам подошел небольшого роста худенький человек в светлом пиджаке и полосатом свитере, в помятой, но перехваченной галстуком рубашке. Он обратился к нам так, словно мы были знакомы:

— Странно видеть на этих улицах джентльменов с фотоаппаратами. Обычно приезжие отправляются на скачки или стадион...

Что-то неприятное было в его бегающих глазах. Видя, что у нас нет особого желания с ним разговаривать, и, очевидно, понимая, что у него не очень складно получилось начало разговора с нами, он быстро добавил:

Глазго. У автобусной остановки.

— Я сам бывший докер. Был болен легкими, теперь не работаю, у меня семеро детей...

Руки у него были узкие; белые пальцы, никаких намеков на то, что этот человек когда-либо был докером. Чувствуя, что мы не желаем с ним говорить, он затараторил еще быстрее:

— Я могу дать вам свой адрес... Я могу дать вам важную информацию, если вы дадите мне немного денег... Пойдемте ко мне на квартиру...

Сомнений не было. Кому-то не понравилось, что мы зашли в этот район и увидели его без прикрас. Перед нами стоял провокатор. Противно было смотреть на маленькие бегающие глаза. Подошел автобус. Из окна мы посмотрели на провокатора. Он стоял растерянный и злой. Сорвалось!.. Вот, оказывается, какие бывают «докеры»!

На следующий день, бродя по городу, мы вышли на площадь Георгия, на которой стоит красивое здание муниципалитета. Посреди площади — высокая колонна, наверху — памятник Вальтеру Скотту. Здесь же монумент в честь погибших на двух войнах офицеров, унтер-офицеров и солдат — граждан Глазго.

На скамейках сидели молчаливые люди. Мы присели на свободную скамью. Рядом оказался старик в черном котелке и хорошо выглаженном костюме. Он сидел, почти прикрыв глаза, словно погруженный в воспоминание. На соседней скамье было, наоборот, шумно. Высокий, плохо одетый человек о чем-то спорил со своим соседом, полным и на вид добродушным, лениво попыхивающим синеватым дымком из большой трубки. Нарушив раздумье нашего соседа и указав на каменную статую писателя, мы спросили:

— Как читается сейчас Вальтер Скотт?

— Читается, в некоторых домах есть книги. Но вообще книги стоят дорого, их трудно покупать.

— Что же, раньше они стоили дешевле?

— Да, конечно... Раньше все стоило дешевле.

В этот же день один случайный собеседник, коренной житель Глазго, рассказал нам в несколько обобщенном виде то, с чем нам, правда, уже довелось познакомиться за два дня, проведенных в Глазго.

Во время войны из Англии в Шотландию был переведен ряд предприятий. Английские и шотландские фирмы объединились. Казалось, все идет нормально. Но вот почувствовались первые симптомы неблагополучия в некоторых отраслях промышленности. Перепроизводство! Так, например, фирмы, производящие пылесосы, начали сворачиваться. Но каким образом шло это свертывание?

Закрылись филиалы фирм в Шотландии. То же самое сделали и фирмы, производящие автомобильные шасси. Шотландские рабочие начали испытывать горечь безработицы и в других отраслях промышленности. Сейчас в Шотландии безработных по отношению к работающим в два раза больше, чем в Англии.

В Англии рабочий при сдельщине получает к заработной плате примерно 35% всяческих субсидий, в Шотландии, несмотря на желание работать сдельно, существует почасовая оплата. Предприниматели и профсоюзные боссы, объединившись, выступают против выплаты субсидий — они боятся перепроизводства. А тут еще появилась серьезная конкуренция со стороны Западной Германии и Японии, особенно в области судостроения и машиностроения. Судостроительная промышленность располагает заказами всего на 1—3 года. Это вызывает тревогу...

Говоря о трущобах Глазго, наш собеседник — шотландец — сказал:

— Строили их наспех, сто пятьдесят лет назад. Тогда нужно было кое-как разместить рабочих. Все так и осталось. Конечно, горько и тягостно смотреть на эти жилища и особенно на беспризорных детей, но никому сейчас до них нет дела.

Он помолчал и добавил:

— В одном Глазго постоянное число безработных доходит до тридцати тысяч человек! И почти у всех семьи... Представьте себе их состояние...

Много интересного еще рассказал нам старый шотландец о жизни Глазго. В его словах чувствовалась большая и глубокая боль за судьбу рабочих и их детей, вырастающих на пыльных камнях большого шотландского города.

В этот же вечер нам довелось просмотреть английский фильм «Семь дней до полудня» — очень интересное произведение. В фильме этом, особенно в первой половине, есть правдивые картины современной английской жизни. Талантлива игра актеров. Сюжет фильма таков: ученый-атомник, раздираемый сомнениями и тяжелыми мыслями о том, что его труд используется во вред человечеству, пишет ультимативное письмо премьер-министру, в котором требует от правительства запрещения атомного оружия; в противном случае он угрожает через семь дней, если его ультиматум не будет принят, взорвать атомную бомбу. Угроза эта вполне реальна, так как ученый похищает атомную бомбу и скрывается, путешествуя по Лондону и его окрестностям с чемоданчиком, в котором лежит бомба. В течение семи дней ученый тщетно ожидает от правительства благожелательного и разумного решения. За пять минут до взрыва профессора находят за молитвой в опустевшем Вестминстерском аббатстве. Взрыв предотвращает помощник ученого, а самого профессора, выбежавшего из собора, убивает выстрелом из винтовки перепуганный английский солдат.

Повторяю, в картине есть немало интересных деталей, но все же авторы явно погрешили против правды жизни. Мы смотрели фильм после того, как побывали на собраниях в Эдинбурге и Абердине, после того, как слышали бурные требования простых людей о запрещении атомно-водородного оружия. Но этого-то в фильме как раз и нет. По ходу картины жители города почему-то спокойно и безропотно принимают решение правительства об эвакуации столицы, и никто не поднимает голоса протеста, никто не настаивает на том, чтобы

правительство запретило атомное оружие. Жизнь говорит другое. Только простаки верят в распространяемые реакционной печатью версии об «агрессии русских». И не случайно, когда в фильме одно из эпизодических действующих лиц панически восклицает: «Русские начали наступление!» — в зале раздается дружный смех. «Какая чепуха!» — воскликнул невидимый в темноте зритель.

Перед отъездом к нам зашел председатель отделения общества «Шотландия — СССР» Д. Кемпбелл. Он принес подарок для передачи С. Я. Маршаку. В небольшой коробке под прозрачным целлофаном лежала веточка вереска. Кемпбелл просил передать ее советскому поэту, так много практически сделавшему для дружбы шотландского и советского народов.

Отделение общества дружбы насчитывает в Глазго более восьмисот человек. В нем состоят рабочие, врачи, педагоги, музыканты, чиновники. В обществе немало женщин. К Советскому Союзу и члены общества и многие граждане города проявляют большой интерес. Особенно этот интерес усилился после месячника дружбы, который прошел в Шотландии в ноябре прошлого года.

...Мы покидали Глазго ранним утром, когда улицы его были пустынны и только первые трамваи возвещали о начале нового дня.

VI. У ШОТЛАНДСКИХ РЫБАКОВ

Наше знакомство с мистером Дэвидом Дюррандом произошло еще в Абердине. Член парламента сэр Роберт Бутби попросил Управление селедочной промышленностью («Херринг Индастри Боард») поручить одному из своих сотрудников показать нам Фрезербург и познакомить с рыбаками. Это поручение было дано инспектору Дюрранду. Как было условлено, мы встретились на перроне и через два часа уже были в Фрезербурге.

Фрезербург — небольшой город. Здесь около 12 тысяч жителей. Все они или непосредственно или косвенно связаны с рыбой, главным образом с сельдью — предметом шотландского экспорта. Большое количество шотландской сельди покупается Советским Союзом.

Фрезербург привлекает к себе с первого взгляда. Неподалеку от гостиницы, в которой мы остановились, расположен порт. В порту могут одновременно снаряжаться в плаванье и разгружаться вернувшиеся с моря десятки небольших траулеров. Над головой носятся тысячи крупных морских чаек. Здесь они полные хозяева. Пока рыбаки не вернулись из плаванья, чайки сидят неподалеку от маяка на бетонных дорожках, нахохлившись, не обращая внимания на проходящих мимо людей. Но стоит им увидеть приближающийся к порту корабль, чайки тут же взлетают в воздух, оглашая порт резкими криками. Вот сейчас начнется разгрузка траулеров, и они поживятся свежей рыбой. Они смело бросаются в открытые трюмы кораблей, выхватывают желтыми клювами сельдь из оцинкованных ящиков и жадно глотают ее. Иногда рыбаки для потехи бросают на землю несколько селедок, и тут начинается настоящая потасовка: чайки раздирают рыбешку, избивая друг друга крыльями.

Сегодня в порту тихо. У причалов — два траулера, уже почти разгруженных. Рыбаки ушли в море. Возвращение их ожидается на другой день утром. Дюрранд сказал:

— Придется отложить встречи до завтра. Если хотите, я покажу вам порт, пройдем в доки, на завод, где из рыбы делают муку.

Мы направились вдоль бетонных причалов. Было прохладно. Северное море отливало свинцово-синим цветом. Дул резкий ветер. Чувствовалось приближение дождя...

Едва мы прошли сотню шагов, как увидели стоящий на приколе траулер и рыбаков, перебиравших сети. Траулер назывался «Майра Херд». Инспектор Дюрранд познакомил нас с человеком средних лет в синем рыбачьем свитере.

— Роберт Херд,— сказал он, протягивая руку.

Это был шкипер, владелец судна. Оказывается, траулер ремонтировался и поэтому не вышел в море. Мы разговорились. Роберту Херду 39 лет. Во время войны он в армии не служил: у него искалечена правая рука. Но все же Роберт Херд 18 месяцев плавал на тральщике в районе Исландии, разыскивая и обезвреживая фашистские мины. Я спросил:

— В честь кого названо судно?

Херд застенчиво улыбнулся.

— В честь старшей дочки, Майрой ее зовут.

Команда траулера Роберта Херда состоит вместе с ним из девяти человек. Я спросил, как он смотрит на развитие торговых отношений между нашими странами.

Херд посмотрел на инспектора Дюрранда, словно спрашивая у него, можно ли с нами откровенно говорить. Дюрранд был непроницаем. Все же в глазах у него было что-то такое, что говорило: если эти люди пришли со мной, значит, можно... И тогда Роберт Херд сказал:

— Торговля между нашими странами — очень хорошее дело. Очень нужное дело. Мы лично, рыбаки Шотландии, заинтересованы в этом кровно. Из нашего Фрезербурга наибольшее количество сельди идет по договору в Советский Союз. Так что лучше торговать, а не воевать. Так должны поступать нормальные люди.

Херда позвали на корабль. Мы пожелали ему счастливого улова и направились дальше. Но не прошли мы и десяти шагов, как Дюрранда окликнул полный человек в плаще и низко надвинутой на глаза кепке.

Дюрранд сказал:

— Это один из дельцов, занимающихся засолкой рыбы.

Упитанный человек подошел к нам.

— Исаак Дембар. Третий год занимаюсь поставкой сельди в Советский Союз.

— Вы лично заинтересованы в торговле?

— Еще бы! — Дембар ни на кого не смотрел и ни с кем свои ответы не сверял.— Кому же быть заинтересованным, как не мне, не всей нашей семье? Мы только и живем тем, что поставляем рыбу Советскому Союзу. Вы себе представьте,—у Дембара был низкий, видимо, уже навек простуженный, сиплый голос,— позади две войны. Раньше шотландцы продавали сотни тысяч баррелей сельди, почти до миллиона. Теперь куда меньше... А мы можем сбывать значительно больше.

В это время к нам подошел еще один человек с сигаретой, приклеившейся к губам. Это был высокий, очень худой, сутуловатый старик.

— Мой дядя, Джон Дембар,— представил нам Исаак Дембар подошедшего.

Джон Дембар, узнав, что мы из Советского Союза, и, видимо, приняв нас за торговых представителей, пошел на нас в атаку.

— У вас слишком строгие инспекторы. Чуть какое-нибудь небольшое пятнышко на животе селедки, уже не берут.

Я сказал, что наши инспекторы заинтересованы в том, чтобы люди у нас в стране получали шотландскую сельдь наивысшего качества. И вообще лучше, когда в наших отношениях нет никаких пятен.

— О, да, да! — согласился Джон Дембар.— Но инспекторы все равно у вас строгие.

Мы договорились на другой день побывать на предприятии Дембаров и отправились дальше. Инспектор Дюрранд привел нас в небольшой док, если можно было так назвать приспособление, в котором собирались рыбачьи траулеры. Навстречу вышел хозяин дока Вильсон Нобль, старик 73 лет, почти глухой. Приставляя все время ладонь к уху, он кивал головой и моргал слезящимися глазами. О, да, он с удовольствием покажет нам свое предприятие. Да оно, собственно, все перед нами. Небольшой траулер с машиной в 120 лошадиных сил. У него есть еще заказ на два корабля, на строительство которых затрачивается 20 недель. Да, на 5 месяцев есть работа... А дальше он надеется... А если не будет работы? Что же, придется рассчитать рабочих и ждать, пока появятся заказы.

Держа меня за пуговицу плаща, Вильсон Нобль говорил:

— О, мы все очень заинтересованы в получении заказов. И мы тоже могли бы принять заказы... У меня отец занимался этим делом, теперь я сам, и еще два сына работают.— Нобль указал на остов строящегося траулера. Мимо, хромая, прошел человек.— Вот один из моих сыновей...

Мы поинтересовались, почему он хромает.

— Ранен при высадке в Нормандии; прострелены обе ноги, осколком снаряда разбито плечо... О-о, эта война!

Мы попрощались со словоохотливым стариком.

— Наше предприятие с удовольствием приняло бы заказы...— повторил он, протягивая руку.

...В порту мы задержались возле старых, иссеченных временем траулеров. Они выглядели стариками по сравнению с новенькими, свежевыкрашенными судами. Да это так и было. Построенные еще до первой мировой войны, они неэкономны и доживают свой век, постепенно выбывая из строя... Рядом с ними покачивался только что спущенный на воду новый траулер с игривым названием «Грациозный». Рыбаки здесь любят давать своим небольшим кораблям поэтические имена. Как правило, это или имя девушки или название цветка...

Мимо нас торопливо шел коренастый человек, спецовка которого была запятнана краской. Дюрранд остановил его и сказал:

— Еще один шкипер.

Шкипер пробормотал:

— Вот, красил корабль...

— Свой?

— Откуда там свой!

— Но ведь вы шкипер?

— Я бывший шкипер... Неудачник... Невыгодное дело. Вот переквалифицировался в маляры.

— А нам говорили, что выгодное.

— Кому выгодное, а мне нет! Я неудачник...

— А в чем дело?

Бывший шкипер махнул рукой.

— Э, долгий разговор!..

Дележ улова.

Шкипер Чарльз Саммерс.

Ясно было, что разговор этот, случайно возникший, был как нож острый для нашего собеседника и таил в себе много всяческих подводных рифов, говорить о которых с неизвестными людьми ему, видимо, не хотелось. Он махнул рукой и широко зашагал по пристани, вспугивая чаек, пригревшихся под лучами выглянувшего солнца.

— Бывают в жизни неудачники...— сказал задумчиво Дюрранд.— Трудно им помочь. Этот один из них...

— А что же все-таки случилось с ним?

На сей раз мистер Дюрранд ответил уклончиво:

— Мало ли что в море бывает! Видели спасательные суда? А то акула попадет в сети... И рыбу всю пожрет и сети погрызет...

Мы не стали дальше допытываться. В самом деле, мало ли какие акулы на свете бывают! Вообще выбиться простому рыбаку в шкиперы не так просто. Траулер стоит от 12 до 14 тысяч фунтов. Это внушительная сумма. Не каждому рыбаку доверяет компания, объединяющая шкиперов. Рыбак обычно получает ссуду на 20 лет в размере двух третей стоимости судна. Одну треть он должен внести наличными. Но и эта треть — сумма большая, если иметь в виду, что рядовой рыбак зарабатывает в месяц не больше 30—40 фунтов...

А сейчас, при жестокой конкуренции, когда на мировом рынке продаются сельди датских, шведских, норвежских, исландских рыбаков, шкиперы не заинтересованы в увеличении количества рыболовецких судов.

Мистер Брандер, юрист, представляющий интересы шкиперов в Абердине, рассказывал нам, что бывали случаи, когда выловленную рыбу, чтобы удержать существующие цены, бросали обратно в море или в крайнем случае отправляли по чрезвычайно низкой цене на фабрику, где из сельди делают муку для удобрения земли и для корма скоту. Такую фабрику мы осмотрели в Фрезербурге — видели станки, размалывающие рыбу в порошок, и самую муку, уже высушенную и насыпанную в мешки.

...За ночь погода испортилась окончательно. Темные тучи низко плыли над побережьем. Корабли задержались в море, улов был плохой. Рыбаки не хотели с пустыми руками возвращаться в Фрезербург. Чайки, нахохлившись, терпеливо сидели на бетонных плитах, ожидая появления траулеров.

Мы отправились путешествовать по Фрезербургу. Побывали у Исаака Дембара. Он показал нам мастерские, где из шведского леса делают бочки. На широком каменном дворе возвышались пирамиды бочек, готовых для засола сельди. Но сельдь начнут солить только недели через две. Сейчас на фабрике было тихо и пустынно. Дембар показал станок, на котором он работает сам, собирая днища бочек. Здесь же на станке работает и восьмидесятитрехлетний Джон Дембар — тот самый, который недоволен нашими инспекторами...

На консервном заводе, где среди другой продукции выпускается консервированная сельдь в томате, инженер Мальпас, знакомивший нас с производством, прощаясь с нами, вспомнил, что во время последней войны несколько раз бывал в Мурманске с английскими кораблями.

— Да, во время войны мы были более близкими друзьями... Я помню очень симпатичную женщину — капитана советского корабля, подвозившего нашим транспортам горючее. Мы тогда стояли в открытом море. Если мы дружили во время войны, думается, что нет у нас оснований для плохих отношений и в мирное время.

Пока мы осматривали город, в порт начали прибывать корабли. Это было видно издалека по огромным массам чаек, кружившихся в воздухе.

По дороге мы зашли на биржу, где началась распродажа сельди. Биржа — учреждение для нас необычное. Едва траулер бросит концы в порту, шкипер и маклер, обслуживающий обычно 5—6 шкиперов, набирают корзину сельди и направляются к зданию биржи. Там их уже ждет толпа представителей различных засолочных, оптовых и розничных компаний, консервных и коптильных заводов и заводиков. Рыбу вываливают в железный лоток. Маклер, представляющий интересы данного шкипера, взбирается на возвышение и, стоя над лотком с селедкой, начинает выкрикивать:

— 90! 91! 95! 100... 105!

Кто-то дает наивысшую цену; сельдь продана. Гарантированная цена — 85 шиллингов за кран. Кран — примерно 6 пудов, шесть оцинкованных ящиков. На сельди зарабатывают, кроме команды траулера, маклеры, представители фирм, наблюдатели за соблюдением интересов шкиперов, затем фирмы и т. д.

Бывший шкипер Джозеф Дати рассказал нам о системе распределения доходов между рыбаками. Вся сумма, заработанная от продажи улова, делится на 20 частей. 6 частей идет владельцу корабля, 6 — владельцу сетей (чаще всего шкипер — владелец корабля и владелец сетей), остальные 8 частей делятся поровну между всей командой, но в дележке участвует шкипер, а иногда и его сыновья.

В этот день улов был плохой. Холодное море взбаламучено, и сельдь ушла на глубины. 6—10 кранов — весь улов на каждый траулер... Но вот в порту стало известно, что шкипер Чарльз Саммерс возвращается с отличным уловом: поймано 60 кранов сельди. Когда мы подошли к одному из причалов, траулер Саммерса «Девушка Олива» уже разгружался. Сам Саммерс стоял на пристани и принимал с подъемного крана ящики с сельдью. Ящики стояли друг на друге по 6 штук.

Чарльз Саммерс был в отличном настроении. Еще бы, 60 кранов — прекрасный заработок! Он радушно встретил нас и пригласил на траулер. Это был плотный высокий человек с живыми, хитроватыми глазами. На прошлой неделе ему исполнилось 50 лет. У него шестеро детей, много внуков.

— Детей надо иметь много,— сказал он, смеясь,— чтобы у жены не оставалось времени ругаться с мужем.

Саммерсу хотелось показать нам весь корабль. Он потащил нас в штурманскую рубку. Начал старательно объяснять устройство навигационных приборов. Видимо, он очень любил свой небольшой траулер. Показывая его нам, он вспоминал, что служил во время войны на флоте и встречался с русскими военными моряками.

— Хорошие ребята, сильные, крепкие... И еще,— он засмеялся,— молчаливые, умеют держать язык за зубами...

Из штурманской рубки Саммерс повел нас в машинное отделение, а потом пригласил посидеть в кубрике.

— Что вы хотите, чтобы я подарил вам с корабля? — неожиданно спросил он.

Мы ответили, что не прочь захватить с собой хозяина, так как он нам понравился.

Саммерс весело смеялся. На пристани он сказал нам:

— Самое хорошее время для человека — мирное. У меня много детей, много внуков. Мне не нужна война. Я заинтересован, очень заинтересован в торговле с Советским Союзом...— И простодушно добавил: — Мы, шотландские рыбаки, зависим от вас, хорошая торговля с вами дает нам возможность хорошей жизни.

Прощаясь с Чарльзом Саммерсом, мы пожелали счастья ему и его семье.

— Передавайте привет у себя на родине от шотландских рыбаков! — Саммерс крепко пожал нам руки.

Шкипер «Девушки Оливы» был последним, с кем нам довелось поговорить в порту Фрезербурга. Наступала пора возвращения в Лондон. Мистер Дэвид Дюрранд, инспектор «Херринг Индастри Боард», провожал нас на поезд. Мы сердечно поблагодарили этого сдержанного, немногословного человека, сумевшего за два дня показать нам весь Фрезербург, познакомить со многими интересными людьми.

Поезд отошел от станции. В окно мы увидели маяк Фрезербурга, остро входящий в Северное море, и неподалеку от него беспокойную стаю чаек. Видимо, в порт входил корабль...

* * *

Лондонский поезд мчался вдоль Северного моря. Час отлива, берег был обнажен. Справа мелькали станции, поля, зеленые рощи. Мы прощались с Шотландией.

И как-то само собой приходило раздумье о том, что довелось повидать во время поездки. Десятки, сотни людей прошли перед нами. Всякие это были люди... В этих путевых записках я постарался рассказать о наиболее характерных встречах и беседах. Эдинбург, Глазго, Абердин, Фрезербург, деревня Аллоуэй — место рождения Роберта Бернса... Мужественная и романтичная шотландская природа. Северное море, озера и реки Шотландии. Много впечатлений. Но главное, что осталось от поездки,— это чувство, что шотландский народ в своей массе заинтересован в сохранении мира, заинтересован в дружбе и развитии торговых отношений с Советским Союзом, в более широком знакомстве с достижениями нашей культуры и науки.

И снова вспомнились замечательные слова мужественного борца за мир Хьюлетта Джонсона, произнесенные им в славном шотландском городе Абердине: «Если народ захочет, он всегда добьется своего!».

Лондон, июнь 1954 года.

В порту Фрезербурга.

УРОКИ ИСТОРИИ

Генерал-майор Е. А. БОЛТИН

Сорок лет тому назад началась первая мировая империалистическая война. Колесо истории совершило поворот, закончив период «мирного» развития капитализма. Война 1914—1918 годов знаменовала собой начало целой полосы кровавых столкновений между империалистическими государствами.

Мировая война разразилась в конце июля 1914 года. Она не вспыхнула неожиданно, а назревала постепенно. В течение последнего десятилетия перед войной Европа находилась в состоянии непрерывных конфликтов между великими державами. Эти конфликты возникали между Германией, с одной стороны, и Англией, Францией и Россией, с другой стороны, из-за Северной Африки, Ближнего Востока, Балкан, Дарданелл.

Формальным поводом к войне 1914—1918 годов послужило убийство коронованного бездельника — наследника австрийского престола, совершенное сербским националистом в городке Сараево.

В течение всего лишь десяти дней в вооруженную борьбу оказались втянутыми восемь государств. В дальнейшем в схватку вступили еще многие государства Европы, Азии и Америки, в том числе Япония, Китай и США. Война стала, таким образом, **мировой**, вовлекшей в свою орбиту страны с населением в полтора миллиарда человек.

Основной ареной первой мировой империалистической войны, длившейся четыре года, явилась Европа. Только семь второстепенных европейских государств остались нейтральными. Воюющие государства послали на взаимное истребление около 70 миллионов мобилизованных мужчин — цвет и силу европейских наций. Десять миллионов человек были убиты или умерли от ран и болезней на фронтах, двадцать миллионов были ранены. Систему эксплуатации, введенную капиталистами во время войны под лозунгом «обороны отечества», В. И. Ленин назвал военной каторгой для рабочих. Мы уже не говорим об уничтожении огромных материальных ценностей. Первая мировая война обошлась человечеству в 700 миллиардов золотых рублей.

* * *

Война — такой же неизбежный спутник капитализма, как экономические кризисы, безработица и нищета трудящихся масс. Капиталистические государства всегда вели войны с целью грабежа чужих земель, захвата колоний и рынков сбыта, увеличения прибылей капиталистов. В конце XIX и в начале XX века, когда мир оказался уже полностью поделенным между капиталистическими государствами, а капитализм вступил в свою высшую и последнюю фазу — империализм,— стремление капиталистических монополий к получению максимальных прибылей стало все более настойчиво толкать правительства крупных европейских государств на путь военных авантюр.

Противоречия капитализма в эпоху империализма обострились до предела благодаря действию закона неравномерного, скачкообразного развития капиталистических стран, открытого В. И. Лениным. Уже в конце XIX века капиталистическая Германия стала быстро догонять, а затем и обгонять Францию и Англию, особенно в отношении темпов развития производства. В начале XX века Германия развернула активную политику экономического захвата колоний; ее доля в мировом экспорте капитала составила в 1914 году 20%. В результате германской конкуренции Англия начала терять свое господствующее положение «кузницы мира», а Франция со второго места в мировом промышленном производстве была отброшена на четвертое — пятое.

Усиленными темпами происходило в эти годы и развитие капитализма в России, которая начинала выступать как серьезный конкурент Германии. В то же время неисчислимые естественные богатства России оставались объектом острой борьбы между английскими, французскими и германскими капиталистическими монополиями, грабившими нашу родину и стремившимися экономически закабалить ее.

Большую роль в развязывании войны играли и острые противоречия между Францией и Германией. Яблоком раздора между этими странами были железорудные и угольные богатства долины Рейна и Саарской области. Французская буржуазия мечтала о реванше, рассчитывая отплатить Германии за поражение, понесенное в войне 1870—1871 годов.

Все это привело к сколачиванию в Европе антагонистических военных блоков. Возник «Тройственный союз» в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии под эгидой Германии. В 1907 году оформляется так называемое «Тройственное согласие» (или Антанта) — блок Англии, Франции и России.

Империалистические противоречия и борьба за господство между Англией и Германией, возглавившими две группировки держав, явились одной из главных причин возникновения первой мировой войны. Однако и все остальные участники этой войны, помимо Англии и Германии, также преследовали в ней грабительские, хищнические цели. При этом кайзеровская Германия выступала, как наиболее агрессивная держава. Германский блок форсировал развязывание войны. Это вытекало из воинствующей разбойничьей идеологии германских милитаристов, проповедовавших идею превосходства германской расы.

Но виновниками войны были не только европейские капиталисты. В ее подготовке и развязывании непосредственно участвовали и капиталисты США. Соединенные Штаты Америки в начале XX века уже были мировой капиталистической державой, однако еще не обладали достаточной силой для борьбы со своими основными конкурентами — Англией и Германией. Но руководители американских монополий рассматривали борьбу в Европе как выгодную для себя во всех случаях: война должна была неизбежно привести к ослаблению обеих группировок и, возможно, к разгрому одной из них.

Перед американскими промышленниками и банкирами война открывала блестящие перспективы наживы. Вот почему американские империалисты всячески способствовали развязыванию войны, натравливали своих европейских конкурентов друг на друга, а сами до 1917 года оставались «нейтральными», в то же время оказывая экономическую помощь Антанте и тайно торгуя с Германией. Американские бизнесмены выступили открыто на стороне Антанты лишь тогда, когда почувствовали, что могут потерять капиталы, вложенные в кровавую игру.

* * *

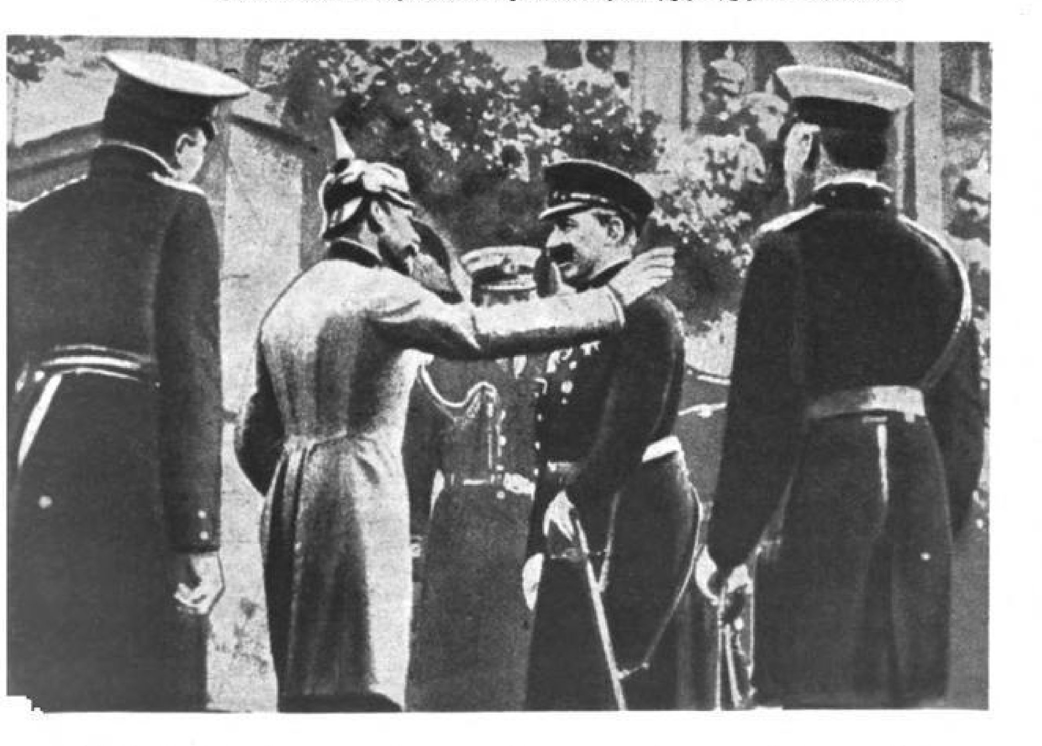
Масштабы боевых действий в первой мировой войне, ожесточенность и кровопролитность ее сражений превзошли все, что до того знала военная история. В ход были пущены все средства истребления, которые могла породить тогдашняя капиталистическая техника и уровень развития производства. Это была первая большая война машинного периода, в которой действовали многомиллионные вооруженные силы, обильно снабженные техникой. Такие современные виды оружия и роды войск, как авиация, танки, военная химия, родились на полях первой мировой войны. В огромной степени повысилась роль артиллерии — крупнейшие битвы 1914—1918 годов получили название «артиллерийских сражений».

Война, как известно, окончилась победой Антанты над странами германского блока. Решающую роль в этой победе сыграл в конечном счете огромный перевес сил и средств, которыми располагала Антанта. Однако эту победу нельзя было назвать решительной, и армии Антанты так и не сумели перенести войну на германскую территорию.

Русской армии принадлежала в первой мировой войне особая и исключительно важная роль. Руководимая бездарными, а порой и продажными царскими генералами, русская армия, тем не менее, проявила высокие образцы воинской доблести. В 1914 году своим наступлением в Восточной Пруссии русские войска спасли Францию от угрозы полного разгрома. Летом и осенью 1915 года русская армия, испытывавшая острый недостаток в винтовках, артиллерии и боеприпасах, выдержала натиск главных сил Германии и этим обеспечила англо-французским союзникам передышку и возможность наладить военное производство (заметим, кстати, что именно в это время союзники России не пожелали оказать ей реальную помощь вооружением за счет своих запасов). В 1916 году мощное наступление русского Юго-Западного фронта спасло от разгрома Италию и облегчило положение французской армии, истекавшей кровью под Верденом...

Война, неслыханно разорительная для народных масс, оказалась необычайно прибыльной для капиталистов всех стран — и победителей и побежденных. Капиталисты Германии за период с августа 1914 года по апрель 1918 года, по официальным данным буржуазной статистики, получили 10 миллиардов золотых марок

ЗА ГОД ДО ВОЙНЫ...
Английский король Георг V (в немецкой каске) и германский кайзер Вильгельм II «братски» приветствуют друг друга. 1913 год.



военных прибылей. Не меньше обогатились и капиталисты стран Антанты. Пяти-, даже десятикратные прибыли считались в ту пору «нормальными» для капиталистических трестов европейских стран.

Но больше всех нажились на войне капиталисты США. Чистый доход акционерных обществ США с 1914 до 1917 года увеличился почти втрое. Прибыли корпораций США (после вычета налогов) за период с 1916 по июль 1921 года, когда в основном прекратилось производство по военным заказам, составили 38 миллиардов долларов. В итоге войны образовался одиннадцатимиллиардный долг европейских стран Соединенным Штатам.

Всего этого американские капиталисты добились почти без участия своих вооруженных сил в войне. Как известно, американская армия появилась на континенте Европы в 1918 году, лишь к заключительному наступлению Антанты. Американские потери составили всего 130 тысяч человек убитыми и 203 тысячи ранеными.

Изобличая грязную роль магнатов—американских миллиардеров в войне 1914—1918 годов, В. И. Ленин писал, что они «нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны... На каждом долларе — ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови — из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных...»

Газовая атака под Верденом. 1916 год.

Центральная улица французского города Ланса после многодневных боев. 1916 год.

* * *

Как бы много ни «заработали» капиталистические хищники на войне, однако ее общее «сальдо» оказалось не в их пользу. Империализм не сумел справиться с могучими народными силами, разбуженными войной. В движение пришли многомиллионные массы рабочих, крестьян, угнетенных народов колоний, возмущенных несправедливой, грабительской войной и не желавших продолжать воевать за интересы капиталистов. Это движение масс возглавили передовые элементы рабочего класса.

Правые лидеры социал-демократических партий в самом начале войны открыто перешли в лагерь буржуазии, всячески способствовали распространению шовинистического угара. Только коммунисты, руководимые великим Лениным, сразу же заняли четкую позицию, провозгласив лозунг поражения своего правительства и превращения войны империалистической в войну гражданскую.

Эта живая революционная идея победила прежде всего в России, обладавшей боевым, революционным пролетариатом и в то же время являвшейся слабейшим звеном в цепи империализма. Великая Октябрьская социалистическая революция смела капитализм в России. Империалистическая война, помимо воли ее организаторов и вдохновителей, в рождении страны социализма сыграла роль повивальной бабки.

Первая мировая война была порождена общим кризисом капитализма и отразила собой этот кризис. Результаты войны лишь углубили его. Война навсегда нарушила равновесие внутри капиталистической системы, а пролетарская революция в России возвестила раскол мира на два лагеря...

Империалистическую войну сменил империалистический мир. Послевоенная версальская система устройства капиталистического мира, созданная попечением прежде всего американских монополистов, острием своим была направлена против Советской страны. Но внутренние противоречия между капиталистическими странами не только не были сняты версальской системой, а, наоборот, еще более углубились и обострились. И мы видим, как, окончив одну войну, империалисты немедленно начали готовиться к новой — друг против друга и против СССР. Им удалось раздуть второй мировой военный пожар спустя почти четверть века...

Вторая мировая война, охватившая бо́льшую часть земного шара, с двумя миллиардами человек населения, по своим масштабам оставила предыдущую далеко позади. Примененные гитлеровской военщиной бесчеловечные, варварские методы ведения войны придали ей особенно кровавый, истребительный характер. Людские жертвы возросли по крайней мере вдвое. Такого массового уничтожения людей, в том числе мирного гражданского населения, еще не знало человечество! При этом основная тяжесть войны легла на плечи советского народа.

Прямые военные расходы всех капиталистических стран во второй мировой войне были выше, чем в первой, в 5 раз. Поразительными казались современникам огромные массы военной техники, произведенные воюющими державами за 1914—1918 годы. Но если тогда за четыре года промышленностью всех воюющих стран было выпущено 175 тысяч самолетов, около 8 200 танков и 150 тысяч артиллерийских орудий, то теперь в четырех основных воевавших странах (СССР, США, Англии и Германии) лишь за один год максимальное производство составило более 127 тысяч самолетов, около 92 тысяч танков, самоходных орудий и бронемашин и 346 тысяч артиллерийских орудий! Только Советский Союз, как известно, в период 1943—1945 годов ежегодно производил в среднем 40 тысяч самолетов, 30 тысяч танков и 120 тысяч артиллерийских орудий — больше, чем все воевавшие страны, вместе взятые, в годы первой мировой войны.

Вновь, как и за четверть века до того, война родилась из глубоких империалистических противоречий, обостренных общим кризисом капитализма. Но в одном интересы империалистов соединились: в ненависти к Советскому Союзу, в стремлении уничтожить или ослабить его.

Американские, английские, французские банкиры и промышленники помогли Германии возродить ее экономическую и военную мощь, привели к власти гитлеровскую фашистскую клику и всячески поощряли ее захватнические аппетиты в Европе. Так, они санкционировали нападение гитлеровцев на Чехословакию, подготовку ими войны против Польши. Они вырастили фашистского зверя, а потом сами оказались неспособными справиться с ним. Снова, как четверть века назад, капиталистическая Европа оказалась разделенной на военные блоки государств: англо-французский союз, ядро бывшей Антанты, и «Ось Рим — Берлин» (поразительно напоминающая былой «Тройственный союз»), превратившуюся затем в агрессивный «антикоминтерновский пакт» между Германией, Японией и Италией. Блок фашистских стран, направленный в первую очередь против СССР, угрожал, однако, и странам американо-англо-французского блока.

Основная роль в развязывании второй мировой войны опять принадлежала милитаристской державе — Германии. Характерно, что и «молниеносная стратегия» гитлеровских милитаристов и даже их конкретные планы ведения войны во многом были схожи с планами их предшественников, провалившихся в 1914—1918 годах.

При всем том между двумя мировыми войнами было коренное, принципиальное различие. Это различие вытекало

ТРЕНИРУЮТСЯ...
«К стенке... Не шевелиться!..» В боннском «рейхе» совершенствуют методы гиммлеровских молодчиков. 1954 год.

ДО ПОРЫ ДО ВРЕМЕНИ...
На маневрах американских войск в Западной Германии. Окруженные американскими друзьями, два немецких генерала еще в штатском... до поры до времени. 1953 год.

СЕГОДНЯ ВСЕ ЧЕСТНЫЕ НЕМЦЫ ГОЛОСУЮТ ЗА МИР!
За мирный договор, за вывод оккупационных войск высказалось 93,5 процента голосовавших в Германской Демократической Республике. 1954 год.

из самого факта существования СССР. Смысл второй мировой войны был иным, поскольку она сразу же приобрела антифашистский, освободительный характер. Участие Советского Союза, возглавившего антигитлеровский лагерь, усилило освободительный характер второй мировой войны, сделало ее справедливой войной народов против фашизма, за освобождение от гитлеровского рабства.

Как и четверть века назад, США вступили во вторую мировую войну не сразу, рассчитывая обеспечить себе выгодное положение сильной стороны, диктующей свою волю как побежденным, так и победителям. «Стратегия» затягивания открытия второго фронта в Европе, сосредоточение на первых порах основных усилий на второстепенных — тихоокеанском и северо-африканском — театрах в ущерб главному, европейскому, наконец, тактика затяжек и отсрочек в выполнении военных поставок Советскому Союзу — все это характеризует коварные планы заправил Уолл-стрита, желавших одного: загребать жар чужими руками.

На сей раз, однако, эта «стратегия» дала осечку. Всемирно-историческая победа Советского Союза над фашистской Германией и империалистической Японией спутала карты империалистов и в корне изменила соотношение сил на мировой арене.

В период второй мировой войны и в итоге этой войны начался второй этап общего кризиса капитализма. От капиталистического лагеря отпал ряд стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Разгром японского империализма ускорил освобождение великого китайского и корейского народов, образование Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики. Пришел конец старой системе колониального владычества империалистических стран в Азии.

Соединенные Штаты Америки оказались единственной капиталистической державой, которая за счет ограбления многих стран Европы и Азии нажилась на войне. «Старые» империалистические государства, в том числе и Англия, попали в зависимость от империи доллара. Заокеанские монополисты полагали, что их давние мечты о мировом господстве уже близки к претворению в жизнь. На деле, однако, эти мечты оказались менее реальными, чем когда бы то ни было. Их осуществлению мешает могучий социалистический лагерь, объединивший более трети человечества.

* * *

Агрессивные круги США и зависимых от них западных стран вынашивают планы третьей мировой войны. И снова империалисты, пренебрегая уроками истории, прибегают к старым, уже провалившимся приемам.

Вновь на первый план выдвигается идея использования против СССР и народно-демократических стран Европы возрождаемого германского милитаризма. Именно с этой целью задумано «Европейское оборонительное сообщество». Именно этому служит и Северо-Атлантический Союз — агрессивный военный блок капиталистических держав, направленный против СССР и стран народной демократии и занятый подготовкой новой, третьей мировой войны. Не случайно предложение Советского правительства рассмотреть вопрос о вступлении СССР в Северо-Атлантический Союз, дабы придать последнему действительно оборонительный характер, вызвало явную растерянность вершителей «западной» политики.

Это лишний раз подтверждает общеизвестную истину: военные блоки государств сколачиваются не в интересах мира, а в интересах войны. Не для мифической «обороны», а для агрессии нужна империалистам Соединенных Штатов и возрожденная немецко-фашистская армия. Старая погудка на новый лад!

Раздувая военные конфликты в различных районах земного шара, доведя до предела размеры своих вооруженных сил и военные бюджеты, поджигатели третьей мировой войны грозят человечеству атомной и водородной бомбами.

Но советский народ не боится угроз поджигателей войны. Вся история нашей страны свидетельствует о том, что угрозы, от кого бы они ни исходили, не могли и не могут нас испугать.

Советский Союз, открыто, последовательно, твердо и настойчиво проводящий политику мира, исходит из ленинского положения о возможности длительного мирного сосуществования капитализма и социализма. Наше социалистическое отечество отстаивает идею взаимного уважения, независимости и самостоятельности государств и добрососедских отношений между ними. Советский народ убежден в том, что нет таких спорных вопросов, которые при наличии доброй воли современные государства не могли бы разрешить путем переговоров.

Борьба Советского правительства, всего нашего народа за мир, разоружение, запрещение атомной и водородной бомб, за мир в Индо-Китае, за восстановление законных прав Китайской Народной Республики в ООН, борьба против сколачивания агрессивных блоков, за создание коллективной безопасности стран Европы встречает не только полную поддержку народов стран социалистического лагеря, но и все более явное сочувствие широких масс в странах империалистического блока, включая и США. День ото дня растет и ширится могучее движение сторонников мира, охватывающее сотни миллионов людей.

Учитывая опыт двух разрушительных мировых войн, пережитых одним поколением, простые люди Европы, Азии, Америки, Африки и Австралии в равной степени заинтересованы в том, чтобы устранить угрозу третьей мировой войны, сохранить и укрепить мир.

Если же империалисты посмеют развязать новую, третью мировую войну, то они в ней захлебнутся, и эта война, без сомнения, кончится катастрофой для всей капиталистической системы.

НАРОДЫ ГОВОРЯТ ВОЙНЕ: «НЕТ!»
Во всех странах земного шара народы демонстрируют свою волю к миру. Массовая демонстрация трудящихся Токио против подготовки новой войны. 1954 год.

П. Калпокас (1880—1945). ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ. 1921.

Художники Литвы

На недавней выставке изобразительного искусства Литвы, развернутой в залах Академии художеств СССР, были представлены произведения художников различных поколений. Зрители познакомились здесь с творчеством классиков национальной живописи, скульптуры и графики, с произведениями известных современных мастеров и талантливых молодых художников республики.

Одним из наиболее выдающихся представителей реалистического направления в литовском искусстве нынешнего века был Пятрас Калпокас. Живописец широкого диапазона, он создал большую серию сюжетных полотен, а также многочисленные портреты и пейзажи. В «Осеннем пейзаже», который воспроизводится в этом номере журнала, Калпокас показал своеобразие облика родного края: массивы полей и лесов, то и дело встречающиеся крохотные озера.

Каэтонас Шклерюс-Шклерис успешнее всего выступал в портретном жанре. Характеристики в его портретах четки и выразительны, созданные им образы обычно обладают типической обобщенностью. Какой меткостью и содержательностью отличаются, например, изображения старой литовской женщины и старика-эстонца! Их скуластые, морщинистые лица несут на себе печать нелегкой жизни, полной труда. Но тяжкие заботы не сломили простых людей, они полны воли и упорства, любви к жизни, подлинного внутреннего достоинства.

Пейзажные работы Шклерюса, будто напоенные солнцем, светом, отличаются сочным колоритом («Сосны в Паланге»).

К. Шклерюс-Шклерис (1876—1932).
СОСНЫ В ПАЛАНГЕ. 1922.

И. Шилейка (род. в 1883 г.).
УСАДЬБА ВОЗЛЕ ЛЕСА. 1926

В этом отношении творчеству Шклерюса сродни произведения одного из современных литовских живописцев, художника старшего поколения Ионаса Шилейка. Его «Усадьба возле леса» запечатлела обычный для Литвы вид в пригородной местности. Шилейка стремился наделить полотно яркой праздничностью цвета, придать ему нарядность, декоративную выразительность. Большое место в творчестве художника занимает и портретная живопись.

Вскоре после того, как Литва вошла в семью советских республик, в Вильнюсе был создан государственный художественный институт. Его преподаватели — лучшие мастера национального изобразительного искусства. Среди нынешних выпускников Вильнюсского института группа интересных художников, обладающих большим, своеобразным дарованием. Это графики Валерионас Гальдикас, Альбина Макунайте, скульпторы Эльвира Радаускайте, Казис Богданас, живописцы Сергей Грачев, Мауша Розенталис, Ионас Шважас, Леопольдас Сургайлис.

На нашей вкладке воспроизводятся две дипломные картины выпускников Вильнюсского художественного института. Полотно «На колхозной животноводческой ферме» Ионаса Шважаса рассказывает о новой жизни литовской деревни. Работу молодого живописца отличают умело построенная композиция, тонкий колорит, теплота повествования о простых людях колхозного села. Л. Сургайлис запечатлел дружескую беседу классиков двух братских литератур — литовской и белорусской — Пятраса Цвирки и Янки Купалы.

Творчество молодых художников Литвы успешно развивается в духе социалистического реализма.

А. РОГАЧЕВСКИЙ

И. Шилейка. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА З. ПЕТРАВИЧЮСА. 1950.

К. Шклерюс-Шклерис. СТАРЫЙ ЭСТОНЕЦ. 1916.

К. Шклерюс-Шклерис. ПОРТРЕТ СТАРОЙ ЖЕНЩИНЫ.

Л. Сургайлис (род. в 1923 г.).
ПЯТРАС ЦВИРКА И ЯНКА КУПАЛА.

И. Шважас (род. в 1924 г.). НА КОЛХОЗНОЙ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ФЕРМЕ.

БРИГАДА ИЩЕТ РЕЗЕРВЫ

В. РУДИМ

Фото Г. Санько.

Бригада Васильева идет на работу.

Это началось задолго до того, как мальчишки нашли на проталинах за Ростсельмашем первые подснежники. Весна еще была где-то засыпана высокими сугробами, но в цехах уже готовились к ней. Приближалась особенная, целинная весна, и завод заранее получил ее срочные заказы.

В те дни в цехе плугов прошумело бурное совещание: план всех участков был значительно увеличен. В сутки потребуется не менее пятисот дисков — такое количество до сих пор выпускали за целый месяц. А сколько нужно лемехов, ступиц, осей, отвалов!

Мастер участка ступиц Николай Иванович Васильев — коммунист, бывший фронтовик — был особенно сильно взволнован: у него сейчас, как назло, дело не ладилось, брак увеличился, рабочие часто менялись — не успеешь запомнить имени токаря, как его переводят в другое место. Да разве только в этом беда? А штурмовщина, а беспорядки в использовании оборудования!.. Действительно, станки участка ступиц разбросаны чуть ли не по всему цеху, транспортировка деталей от одного токаря к другому отнимает много времени. Некоторые операции все еще выполняются на старом оборудовании, тогда как рядом простаивают новые станки, гораздо более производительные: ни у кого не хватает настойчивости овладеть сложной наладкой этих станков.

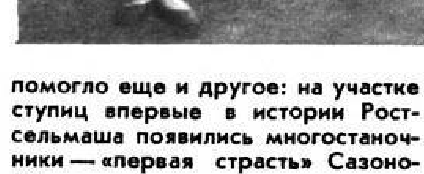
Одна голова — хорошо, а три — лучше. Заместитель начальника цеха В. Я. Галатов, мастера Н. И. Васильев и В. А. Стрепетков решают, как усовершенствовать поточную линию.

Обо всем мастер поговорил с рабочими, посоветовался с заместителем начальника цеха Владимиром Яковлевичем Галатовым, технологом Мироном Андреевичем Никулиным. Сообща решили: чтоб увеличить выпуск ступиц на имеющихся производственных площадях, надо прежде всего собрать все станки в одно место, создать замкнутую технологическую линию и обязательно включить в нее новейшие станки.

Предложение Васильева пришлось по душе всей бригаде. Два раза в неделю занимались под руководством В. Я. Галатова, изучали оборудование. Мастеру пришлось много повозиться с машинами, поработать с людьми. На первых порах больше всего забот доставил, пожалуй, новичок Саша Сазонов, которого случайно «нашел» сам же Николай Иванович. Вот как это произошло. После смены возле заводоуправления мастер заметил паренька лет шестнадцати на вид, который застыл перед мемориальной доской. Широко раскрытые глаза парнишки не отрывались от золотых букв: «Земля под Ростсельмашем полита кровью героев Первой Конной Армии, которые здесь 8 января 1920 года разгромили деникинские полчища и освободили Ростов».

Мастер и паренек — это был Саша Сазонов — разговорились. Оказывается, Саша пришел поступать на завод. Было ему не шестнадцать, как показалось Николаю Ивановичу, а восемнадцать лет. Родителей у Сазонова не было: отец погиб на войне, мать умерла. Жил он у родственницы «все равно, как чужой».

Васильев похлопотал за парня, устроил его в общежитие, взял к себе на участок. Саша работал очень неровно: сперва торопился, опережая других, а потом выдыхался, отставал. И так чуть ли не каждый день. Васильев отрегулирует станок, уменьшит число оборотов, но лишь отвернется,— Сазонов переделает по-своему. Из-за Саши всю линию то и дело «лихорадило». Пришлось даже пригрозить парню увольнением. Вскоре Сазонов все же научился работать ровно, без рывков. Наверное, подействовал «крутой разговор» мастера, а кроме того,



помогло еще и другое: на участке ступиц впервые в истории Ростсельмаша появились многостаночники — «первая страсть» Сазонова.

Раньше других начал обслуживать два станка токарь Николай Петрович Лукьянчиков, за ним — сверловщица Василиса Куприяновна Онищенко, потом токарь Анна Федоровна Бабенко. Так откликнулись они на письмо москвичей, которые взяли серьезные обязательства в соревновании за повышение производительности труда.

А вскоре научился командовать двумя станками и Саша Сазонов. Теперь уже мастер был вполне доволен своим учеником. И как-то он пригласил парня к себе домой, в зеленый заводской поселок, залитый густым ароматом цветущей акации. Васильев достал из шкафа кисти, масляные краски (это была «вторая страсть» Саши, как, впрочем, и Николая Ивановича) и разделил все поровну: половину себе, половину Сазонову. С тех пор Николай Иванович и Саша почти каждое воскресенье выезжали вместе за город и рисовали на живописном берегу Дона. Консультантом и критиком их этюдов была жена Васильева — Лидия Андреевна, контролер центральной измерительной лаборатории Ростсельмаша.

Едва уладилось дело с Сазоновым, начались хлопоты с Надеждой Худобановой. Пришлось же повозиться ей с новым станком! Или станок попался очень уж капризный, или наладчик плохо в нем разбирался, но, так или иначе, заботы и волнения не прекращались. И просила Худобанова наладчика, и бранила, и высмеивала — ничего не помогало. Каждый раз наладка отнимала все больше времени.

Но Надя не отступала. Она научилась самостоятельно настраивать станок, освоила на курсах профессию сверловщицы, и желанная цель была достигнута: мастер выделил ей второй станок.

Шли дни, недели... На целинные земли и в другие районы страны цех отправил тысячи плугов и десятки тысяч запасных частей. Но никто не считал, что сделано достаточно. С Алтая, из Казахстана механизаторы сообщали, что плуги не всегда выдерживают большую нагрузку, ломаются, лемехи «горят»; чаще чем обычно выходят из строя и другие детали. Ясно, что для целинных земель требуется более мощный плуг. А пока он еще не создан конструкторами, нужно больше, как можно больше запасных частей.

Бригада мастера Васильева продолжала искать резервы. И они нашлись! Сделали несколько приспособлений, повысивших выработку, затем перешли на скоростное резание. С помощью Васильева Лукьянчиков освоил третий, очень сложный станок; маленькая, хрупкая на вид и застенчивая Катя Бочкова успешно справлялась с четырьмя станками. Вот-вот поравняется с Катей и ее подружка Лида Куликова, работавшая во второй смене. Уходя домой, Куликова никогда не забывала написать мелом на станке: «Доброе утро. Лида». Вскоре, однако, отпала нужда в такой переписке: обе смены Васильева «сжались» в одну. Теперь на участке вместо двадцати человек осталось всего шесть. Обслуживали они шестнадцать станков и давали в два раза больше продукции. Через каждые полторы минуты выходила готовая деталь.

...Протяжный гудок возвестил об окончании смены. Николай Иванович вышел из цеха, но направился не к проходной, а в противоположную сторону.

— К литейщикам заглянуть надо. Они ведь нам заготовки поставляют. Кое о чем посоветуемся.

Мастер улыбнулся и добавил:

— Вслух про это еще рано говорить.

И мы догадались, что у Васильева зреет новая идея, которую он непременно осуществит.

Живописны рощи на берегах тихого Дона. В выходной день увлеклись этюдами все трое: и Васильев, и его жена Лидия Андреевна, и Саша Сазонов.

КНИГИ АРНОЛЬДА ЦВЕЙГА О ВОЙНЕ 1914 ГОДА

Накануне сороковой годовщины со дня объявления первой мировой войны человечество стало свидетелем знаменательного факта: в конце июня в Германской Демократической Республике происходил всенародный опрос. Немцы были призваны высказать свою волю: «за мирный договор и вывод оккупационных войск или за договор о «европейском оборонительном сообществе» и оставление оккупационных войск на 50 лет».

12 131 730 человек, то есть 93,5% голосовавших, дали прямой и недвусмысленный ответ: они за мир и единую, миролюбивую Германию, против войны и кабальных договоров. Итоги всенародного опроса свидетельствуют о том, что в немецком народе крепнут силы, которые полны решимости извлечь уроки из истории Германии и не допустить третьей мировой войны.

Воспитанию немецкого народа в демократическом духе, росту его миролюбивых стремлений способствовали произведения немецких прогрессивных писателей, разоблачавших империалистическую войну.

В немецкой литературе военная тема разрабатывалась писателями разных направлений. Было создано немало книг, носивших резко империалистический характер, воспевавших первую мировую войну. Сознательно скрывая правду об истинных причинах поражения германского империализма, авторы этих романов призывали и готовили немцев к реваншу. Назначение этих книг было ясным: разжигать самые низменные инстинкты в немецком народе, воспитывать в нем агрессивный дух милитаризма, захватничества, пруссачества. Реакционные немецкие писатели с омерзительным садизмом рисовали войну как осуществление якобы «сокровенных потребностей человечества», направляя все внимание на натуралистическое описание убийств и прославление кровавых «подвигов».

В борьбе с подобными реакционными течениями родился в Германии прогрессивный, революционный роман о войне. Передовые писатели смело и мужественно разоблачали природу империалистических войн.

Реакция с бешеной ненавистью преследовала их. Она обвиняла в предательстве и в отсутствии патриотизма таких мужественных борцов против империализма, как Генрих Манн, Бернгард Келлерман, Людвиг Ренн и многие другие. Она привлекла к суду писателя-коммуниста Иоганнеса Бехера, обвинив его в государственной измене за то, что в своем романе «Люизит» он раскрыл преступные цели и характер империалистической войны. Но вопреки этим преследованиям фронт прогрессивных немецких писателей — борцов за мир — ширился и рос.

Среди произведений, разоблачающих первую мировую войну, особое место занимают романы Арнольда Цвейга. Советскому читателю известны его книги «Спор об унтере Грише», «Молодая женщина 1914 года», «Воспитание под Верденом», «Возведение на престол короля», составляющие цикл под названием «Великая война белых людей». Начав работать над романами о войне в начале двадцатых годов, писатель продолжает разрабатывать эту тему и сегодня, все расширяя свое эпическое полотно, углубляя и заостряя критику империализма. В настоящее время Арнольд Цвейг закончил еще одну книгу этого цикла — «Прекращение огня», посвященную событиям, связанным с заключением Брест-Литовского мира.

Тема первой мировой войны сделалась основной темой творчества Арнольда Цвейга. Но он не стал просто бытописателем войны. В своих произведениях Арнольд Цвейг раскрыл и заклеймил новые черты германской военщины эпохи империализма — ее доктрину тотальной войны, жестокость, аморальность, необузданное стремление к захвату чужих земель и порабощению народов.

Арнольд Цвейг один из первых в немецкой литературе проследил истоки германского фашизма, обнажил его социальные корни. Сила романов А. Цвейга в том, что в них реалистически показаны будни войны, тыл и фронт, опасности и невзгоды, выпавшие на долю рядовых солдат, превращенных в пушечное мясо, принесенных в жертву алчности капитала. Прорывая завесу официальной лжи и шовинистической пропаганды, Арнольд Цвейг беспощадно развенчивает прусскую военщину, разбивает миф о ее «доблести и непобедимости».

Верный жизненной правде, писатель показал влияние Великой Октябрьской социалистической революции на формирование сознания и пробуждение солдатских масс.

Каждый из романов цикла посвящен отдельному этапу первой мировой войны и представляет собой вполне законченное произведение. Однако все эти книги объединены общей темой и общими героями. В них изображены различные слои немецкого общества, показаны представители народа, интеллигенции, высшего офицерства и магнаты германских монополий.

Первым вышел в свет роман «Спор об унтере Грише». В нем рассказано о судьбе русского солдата, пытавшегося бежать из плена и незаконно приговоренного германским командованием к расстрелу. В то время как простые солдаты и честные интеллигенты стремятся спасти Гришу, представители прусской военщины обрекают его на смерть.

Несмотря на явную абсурдность приговора, генерал Шиффенцан настаивает на приведении его в исполнение именно потому, что пленный — русский, олицетворяющий ненавистную ему революционную Россию. Генерал Шиффенцан — один из центральных образов трилогии. В нем писатель воплотил типические черты высшего прусского офицерства. Для Шиффенцана не существует законности и морали. Он признает только грубое насилие победителя, которого не судят. Шиффенцану свойственны глубокая косность и автоматизм в проведении своих военных планов; он рвется к новым захватам, не понимая реального соотношения сил, не зная и не считаясь с историческими особенностями государств, с национальным характером народов, в том числе и своего. В Шиффенцане воплощены черты тех германских военных руководителей, которые тупо довоевались до поражения, которые повинны в национальных катастрофах немецкого народа. Он как бы прообраз мантейфелей, гудерианов, кессельрингов, рундштедтов и всех прочих военных преступников, которых ныне укрывают от справедливого суда народов и пытаются использовать в своих целях американские и английские империалисты.

Арнольд Цвейг.

В романе «Воспитание под Верденом» Арнольд Цвейг выступил против реакционных немецких писателей и историков, утверждавших, что Верден якобы явился «кульминационной точкой германского героизма» и будто бы доказал, что «земля французов должна принадлежать немцам». По мере подготовки ко второй мировой войне эта грубо националистическая, демагогическая ложь разрасталась все больше.

Вступая в полемику со всей реакционной литературой, Арнольд Цвейг изобразил верденскую битву как банкротство немецкой военной доктрины, как свидетельство тупой самонадеянности и бездарности кайзеровского генерального штаба, планы которого разбились о сопротивление французского народа, защищавшего свою землю. Рисуя нечеловеческие условия, в которых находились немецкие солдаты, брошенные на фронт под Верденом, их напрасные страдания и бессмысленную гибель, писатель видит, однако, и другую сторону верденской трагедии: эта битва явилась школой революционного воспитания для многих немецких рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели. Большинство из них пришло на фронт оболваненными шовинистической пропагандой: «Им говорили, что здесь они защищают родину, — и они верили в это». Но постепенно сознание солдат начинает проясняться. Среди них появляются подлинные революционеры, такие, как солдат Паль, которому товарищи по оружию дали почетное прозвище «Либкнехт». Сознавая неизбежность поражения Германии, Паль и его единомышленники обдумывают программу дальнейшей борьбы, программу подготовки революции.

Такое же воспитание получают в огне верденских сражений и лучшие представители интеллигенции: офицеры Кристоф Кройзинг, юный Зюсман, писатель Вернер Бертин. Все пережитое в фортах Вердена заставляет их понять преступность империалистической войны, отказаться служить правящим классам, перейти на сторону простых людей.

Разоблачение грабительского и преступного характера первой мировой войны, жестоких и кровавых методов закабаления народов на захваченных вильгельмовскими войсками землях достигает особенной глубины в романе «Возведение на престол короля». В этом произведении Арнольд Цвейг изобразил оккупацию Литвы в 1918 году, когда германские промышленники, аграрии, купцы и политики, идя по кровавым следам кайзеровской грабь-армии, безжалостно разоряли разбойнически захваченный ими край. Они истерзали его, покрыли сетью концлагерей, в которых пытали и убивали литовцев, белорусов, русских. На протяжении всего романа Арнольд Цвейг клеймит преступных захватчиков — предшественников фашистских генералов и офицеров.

Агрессивность германского империализма показана в романе «Возведение на престол короля» в образе генерала Клауса, не уступающем по своей силе образу Шиффенцана. Генерал охвачен только одним маниакальным стремлением — ринуться на Восток. Он ненавидит этот Восток, «кипящий революцией», «заражающей» весь мир. Как хотелось бы генералу Клаусу отторгнуть Прибалтику, «сожрать» Украину, пройти всю Россию, но так, чтобы его войска, его покорные, механизированные, автоматизированные войска не соприкоснулись с русской революцией! Этой мечте генерала Клауса суждено быть разбитой вдребезги. Арнольд Цвейг с большой реалистической правдой воссоздал накаленную атмосферу всенародной ненависти, которой окружены оккупанты на захваченной земле. Несмотря на жесточайшие преследования, все больше растут силы народного сопротивления. Разгорается партизанская война. Захватническая армия обречена на поражение.

Значение цикла романов Арнольда Цвейга в том, что он дает широчайшую картину империалистической войны 1914—1918 годов и показывает историческую неизбежность краха империализма. Это делает Арнольда Цвейга и его книги ненавистными для нынешних боннских реваншистов и их американских хозяев, которые боятся честного и мужественного слова писателя — активного борца за мир и единство Германии. И это же делает книги Арнольда Цвейга любимыми книгами миллионов немецких патриотов.

Е. ЕЛАГИНА

Олина вечеринка

Из нового романа

В. КОЧЕТОВ

Рисунки П. Караченцова.

О том, что она непременно отпразднует свое двадцатичетырехлетие, Оля сговорилась с отцом еще две недели назад, первого сентября, после ее первых самостоятельных уроков.

Первое сентября был незабываемый день. Оля пришла в школу очень рано, минут за сорок до начала занятий. Она разделась в учительской и повесила пальто там, где всегда вешали свою одежду бывшие ее учительницы,— за громадный шкаф, где стояла рогатая вешалка.

Кроме Оли в учительской было еще двое учителей. Оля их не знала, это были новые для нее люди, их она не стеснялась; она ждала появления Марии Павловны или Нины Карповны. Она не сомневалась, что перед ними ее проберет страх, как пробирал и прежде, потому что Мария Павловна всегда диктовала такие ужасные диктовки, в которых без ошибок никак не обойтись, и вот, пожалуйста, в результате все тройки за тройкой; а Нина Карповна мучила тригонометрией, в которой Оля, окончив десятый класс, так и не разобралась толком.

Но Марии Павловны и Нины Карповны пока еще не было. Оля прохаживалась по учительской. Ей было странно ощущать, что она здесь совсем не для того, чтобы ей прочли нотацию; не для того, чтобы выпрашивать сумку, отобранную на уроке за поднятый шум; не для того, чтобы скучным, тоскливым взглядом следить за тем, как завуч пишет записку родителям, приглашая их немедленно придти в школу по поводу трех двоек «вашей дочери». Сегодня она тут как раз для того, чтобы самой читать нотации, отбирать сумки и писать записки. Ее власть велика. Но нет, думала она, никогда она не будет злоупотреблять этой властью, никогда не будет никого обижать, всегда будет помнить, как это горько — тащить домой клок ненавистной бумаги с грозными словами завуча или дневник с не менее неприятной записью учителя.

В учительскую тем временем, переваливаясь и отдуваясь, знакомой походкой вошла Мария Павловна. За ней неслышно шла испуганная девочка с тонкими косичками, на которых цветными бабочками сидели громадные банты. Мария Павловна, не заметив Оли, уселась за стол, положила перед собой портфель, который еще в пятом или шестом классе ей подарили олины подруги в день рождения — вот и серебряная пластинка с надписью сохранилась,— извлекла из него тетрадку, вырвала листок и принялась писать. Она при этом приговаривала:

— Ты, милая, будешь орать и кататься на перилах, как мальчишка, а мы отвечай за твою голову! Нет, милая, пусть папаша твой явится. Мамашу можешь не беспокоить. Мамаша только тут охает и ахает, а толку никакого. Для нее ты малокровненькая и слабенькая, а для нас ты озорница, форменный отлет. Вот получай.

Тоненькая девочка ушла, неся записку в отставленной руке, как жалобу.

Оля решилась поздороваться с Марией Павловной, и только тут Мария Павловна заметила Олю.

— А, Колосова! — сказала она совсем иным тоном, чем тот, каким только что отчитывала тоненькую девочку.— Слышала, слышала, что моя бывшая ученица будет моим коллегой. Что же, теперь часто надо говорить тебе, Оленька, «вы» и называть вас по имени-отчеству. Если память не изменяет, твоего отца зовут Павел Петрович? Вот и отлично: Ольга Павловна! А ведь неплохо звучит, товарищи! — Она обратилась к незнакомым Оле педагогам: — Познакомьтесь, пожалуйста. Наш новый преподаватель истории Ольга Павловна Колосова. Была Оля, Ольга, Оленька, просто Колосова. А вот Ольга Павловна.

Мария Павловна умолкла и долго не произносила ни слова, уставясь глазами в тетрадку, из которой несколько минут назад вырывала листок для записки отцу тоненькой девочки. О чем она думала? Может быть, о том, как в один прекрасный день сама из Маши, Манечки, Машутки вдруг стала Марией Павловной, и этим закончились детство, отрочество и юность и началась жизнь, в которой и радости и горести были уже совсем иными, чем в ту пору, когда ее звали Машей, Манечкой, Машуткой...

Мария Павловна грузно поднялась со стула, подошла к Оле, провела рукой по ее голове и сказала:

— Желаю тебе счастья, Оленька!

Она ушла. Учительская наполнилась преподавателями; появившаяся заведующая учебной частью Наталия Степановна знакомила Олю с ними. Потом зазвонил электрический звонок. Оля даже вздрогнула — так резко позвал он ее в класс.

День прошел вполне благополучно, никаких особых происшествий не произошло. Олю на уроках слушали. Поэтому она примчалась домой радостная, взволнованная и тотчас позвонила отцу в институт. Он ее поздравил, а вечером у них и возник разговор о том, чтобы отпраздновать олино двадцатичетырехлетие.

— Хорошо,— сказал Павел Петрович,— гуляйте, пожалуйста. Но только без меня. Я староват для празднеств. Хочу тишины и уединения.

Когда, наконец, наступило долгожданное тринадцатое сентября, Оля весь день прохлопотала с Люсей Ратниковой над организацией пиршества. Помогал ей и Георгий Ратников. Оля перед тем долго думала, кого же ей пригласить себе в помощь. Она одна, конечно, не могла управиться с таким трудным делом, потому что гостей было приглашено двадцать три человека: подруги и друзья по институту, по комсомольской работе, даже еще по школе. Оля звонила то одной, то другой, то третьей. У всех были какие-то дела, все не могли днем, все отвечали: если вечером, то, пожалуйста, сколько угодно. Лучшей из возможных помощниц была бы Варя, и возьмись за дело она, сама бы Оля из хозяйки превратилась в ее помощницу. Но и Варя, занятая на заводе, до вечера не могла придти на помощь.

Совершенно случайно, в полной безнадежности Оля позвонила Люсе. Оля давно не виделась с Люсей. Ей было известно, что месяца два назад Люся родила, в институте Оле сказали — мальчишку. Оля все время собиралась навестить Люсю, но где уж ей было в такую пору отказаться хоть один раз от встречи с Виктором Журавлевым во имя чьих-то мальчишек! И вот Оле пришло в голову, что, может быть, и Люсю позвать, может быть, ей надоело сидеть дома с ребеночком. Интересно при этом узнать, как Георгий отнесся к появлению ребеночка.

Оля не могла забыть тот день, когда приходила к Ратниковым, чтобы выяснить, что же между ними произошло. Она не могла забыть печальные люсины глаза и безнадежные жесты Георгия, который говорил, что с такой женой, с такой простоквашей, существовать совместно невозможно, что его тошнит от ее безобразного вида, что он уйдет, конечно, он не считает нужным хоронить себя заживо.

На телефонный звонок ответил Георгий. Оля довольно сухо поздоровалась с ним, попросила позвать Люсю. Георгий сказал, что не может позвать, потому что Люся кормит сына.

— Ольга,— говорил он, и Оля с удивлением слышала в его голосе нотки восторженной радости.— До чего это забавно, Ольга! Неужели мы все таким способом питались, а?

— Мне кажется, что да,— ответила Оля.— Я боялась поздравить тебя. Неизвестно ведь, как ты смотришь на рост своей семьи. Может быть, это еще одна обуза, сковывающая твою индивидуальность?

— Брось, Ольга! — перебил Георгий.— Не надо нотаций, лучше поздравь.

— Поздравляю от всей души!

— Ну, спасибо, спасибо. Вот передаю трубку Люське, рвет из рук.

— Оленька, — заговорила Люся. — Я тебе звонила сто сорок раз. Тебя никогда...

— Люся, я тебе потом все объясню! — закричала Оля, перебивая.— А сейчас прими сто сорок тысяч поздравлений! Я за тебя очень, очень рада, Люсенька! И учти, пожалуйста, что тринадцатого сентября мой день рождения.

— Так мы придем с Георгием.

После того, как была повешена трубка, Оля подумала, что с люсиным сыном, наверно, возится люсина мать, и, понятно, у Люси есть свободное время, и, может быть, Люсю попросить хоть немножко помочь в такой трудный день. Она снова позвонила. Люся сказала: хорошо, она поможет. Но сына полагается кормить по часам, и она придет к Оле с ним, там ведь есть куда его положить, чтобы он не упал.

И вот они с утра пришли все втроем: Люся, которая стала снова стройной, веселой, без всяких пятен на лице, Георгий и их сын. Сына нес Георгий, нес довольно ловко и привычно.

— Конечно, привык, — ответил он на олин вопрос.— Каждый день вожусь с Митькой. Еще маленько, и я дело руководства младенцем изучу так, что смогу писать популярные брошюры «В помощь молодым отцам». Однажды... было это в воскресенье... Люська мне его подбросила и сбежала в кино. Я-то не знал, что в кино, я думал, на минутку. Стою, стою во дворе вроде дурака, ни Люськи нет, ни тещи. Теща-то ведь на работе. Три часа промыкался по двору. Уж надо мной и смеялись, и потешались, и сочувствовали мне. Жуткое было дело. Парень-то ревет, а я что могу? Я ничего не могу. Одна женщина предложила: «Дайте, — говорит, — молодой человек, покормлю его. Я кормящая мать. А то жалко смотреть, до чего вы оба изводитесь». Как раз дам я ей кормить нашего Митьку неизвестными продуктами! Ну, Люське попало.

Он рассказывал все это, пока Люся в олиной комнате на олиной кровати разворачивала своего Митьку и меняла ему пеленки. Оля и Георгий стояли в дверях. Оля отвела Георгия в сторону по коридору и спросила:

— Тебе это все не мешает? Тебя не тошнит?

Он виновато поскреб у себя за ухом, попросил:

— Не вспоминай, не надо, Оленька. Ну, все же мы бываем дураками.

Оля подумала о том, насколько был прав папин друг секретарь райкома партии Федор Иванович Макаров, когда советовал ей не спешить со всякими выводами и мерами по отношению к Георгию, когда говорил о том, что надо подождать, подождать, может быть, еще придет дружба к этим молодым супругам.

Но больше, чем умение Федора Ивановича заглядывать в будущее людей, Олю поражала люсина выдержка и громадный ее такт. Оля еще не могла полностью оценить, какой серьезнейший жизненный экзамен выдержала Люся. У Оли не было опыта для такой оценки. Она только могла в слабой мере судить об этом. Да, Люся выдержала большое испытание. Был момент, когда ее семья, ее любовь держались менее чем на волоске — на паутинке. Одно неловкое движение — и паутинка тотчас бы оборвалась, и навсегда. Но Люся не сделала ни одного неловкого движения, ни разу, никому, никогда она не пожаловалась на Георгия, ни разу и ему она не выразила недовольства своей судьбой. Быть такой ей помогала ее любовь. Не опыт, не советы матери — только любовь вела ее через затихшее перед грозой-бурей море, каким до рождения ребенка была их жизнь с Георгием. Она будто чувствовала, что надо дождаться появления на свет этого ребенка, и если тогда ничего не изменится, ну, значит, не судьба, значит, Георгий и она расстанутся.

Случилось так, что ребенок, сын, привел Георгия в полный восторг, и вместе с тем вернулась и любовь к Люсе и дружба. Георгия нельзя было узнать. Оля и Люся хлопотали на кухне, а Георгий расхаживал по комнате с Митькой на руках, пел ему, бренчал на рояле, включал приемник, изображал крики всяких птиц и животных.

Соединенными усилиями к шести часам управились со столом, стол был накрыт великолепно, можно было встречать гостей.

Первым гостем оказался Виктор Журавлев. Он приехал прямо с завода, куда, на удивление своих товарищей, явился в это утро в лучшем своем костюме. Он отдал Оле какой-то пакет, сказал: «Подарок. Поздравляю». Оля познакомила его с Люсей и Георгием. Георгий, не выпуская из рук Митьку, повел Виктора в кабинет. Они принялись там курить и о чем-то рассуждать. А Люся, пока Оля развертывала пакет, успела сказать: «Симпатичный товарищ. Рука у него действительно мужская и глаза умные». Оля слушала это с гордостью и с ревностью: «Уж успела и руки и глаза разглядеть». В пакете была старинная книга в кожаном темном переплете. От нее пахло давними временами. Это было руководство для молодых женщин, как держать и вести себя, чтобы жизнь прожить счастливой. «Смотри, какой! — удивилась Люся.—Какую редкую книгу достал. Она, наверное, рублей пятьсот стоит, а то и больше». Но для Оли эта книга значила больше, чем все богатства земного шара, потому что там было надписано рукой Виктора: «Я тоже хочу читать эту книгу с тобой вместе, всю жизнь, никогда не расставаясь».

Второй пришла Вера. Тоже принесла Оле пакет.

После восьми часов звонок почти не умолкал. Шли Нина Семенова, Тоня Бабочкина, секретарь райкома комсомола Коля Осипов с женой. Нина Семенова привела студента пятого курса. Он был моложе ее года на три. Нина смотрела на него с обожанием, она ни на кого больше и не смотрела, а он был толстый, с лоснящимся, глупым лицом красавца из парикмахерской. На то, чтобы он пришел, Оля согласилась, не желая обидеть Нину.

Во время самой толкучки в прихожей принесли телеграмму от Кости. Костя поздравлял сестренку, жалел, что не может приехать.

Когда сели за стол, оказалось, что гостей не двадцать три, а все двадцать семь. Варя сказала, что ведь, наверно, еще и Павел Петрович придет. «Нет, — ответила Оля. — Он из института поедет к Макаровым. Он поздравил меня утром, подарил вот эти золотые часы и сказал, что не хочет мешать молодежи».

Варя и обрадовалась тому, что Павла Петровича не будет, и очень расстроилась. Все время повторяя себе, что она не должна больше с ним встречаться, она шла на олин день рождения только для того, чтобы увидеть его, его, его — и никого больше. Если его не будет, то ей и делать тут нечего.

Первую речь сказала Люся. Она сказала, что Оля — хорошая девчонка и что хотя хороших девчонок на свете немало, все равно их надо ценить, беречь, холить и лелеять и вот надо за одну из них выпить и поцеловать ее. Она отпила немножко шампанского, потому что больше ей было нельзя — кормящая мать, — и поцеловала Олю. Кричали «ура», подруги целовали Олю, под всеобщий шумок изловчился чмокнуть ее в щеку и толстый студент. Оля вытерла щеку салфеткой и взглянула искоса на Виктора, который сидел почему-то очень от нее далеко. Виктор видел выходку толстого студента, и глаза у него сделались злые. Заметив, что он на нее смотрит, Оля еще яростнее принялась тереть щеку, выражая на лице высшую брезгливость и негодование.

Потом еще хлопали пробки. Павел Петрович сказал Оле, что она может взять на пиршество денег, сколько ей надо, и заглянул в большую палехскую шкатулку, в которую всегда складывались все деньги, кем бы из членов семьи они ни были заработаны. За столом болтали, кричали, разговаривали все враз, просили слова — было так, будто еще в институтские времена на каком-нибудь первом или втором курсе, и было так потому, что большинство олиных гостей, кроме Коли Осипова, Виктора Журавлева, Вари и еще двоих-троих, все еще не вступили в самостоятельную жизнь, все еще учились, если не в институтах, то в аспирантуре. И еще не многих жизнь взяла в оборот, подобный тому, в какой она брала Люсю и Георгия, и они еще не расстались с юностью, юность стояла за их плечами, чудесная, как весна, и, хмельная, дергала их за языки, поднимала со стульев, бросала друг другу на шею.

— Товарищи, товарищи! — просил слова Георгий.— Могу я тоже кое-что сказать или нет? Дело в том, что все мы еще мальчишки и девчонки, так сказать, ученики. А Ольга Павловна Колосова — учительница. Это определяет должную дистанцию между нами и ею. Поэтому болтать что попало в присутствии Ольги Павловны не рекомендую. Я расскажу лишь одну историю. В институте физкультуры был преподаватель плавания. Это был выдающийся мастер своего дела. Он подготовил сотни отличных пловцов. Всю зиму в специальном зале его ученики отрабатывали соответствующие плавательные движения. Потом учитель пускал их в бассейн, потом дальше — в реки, озера и моря. Однажды он оступился и упал в воду. Ученики ждут, когда он появится на поверхности, а его все нет и нет. Минута, две, семь... Кто-то сказал: «Ну и легкие у Семена Семеновича! Сколько выдержки!» Ну, а потом его достали водолазы. Он утонул. Дело в том, что учитель плавания никогда до этого не бывал в воде, кроме как в бане, и совершенно не умел плавать.

Все засмеялись. А Георгий закончил:

— Главное для учителя — не самому уметь делать то, чему он учит, а уметь учить других это делать.

— Это что? Намек? — воскликнула Оля.— Может быть, я, по-твоему, не знаю истории?

Все опять засмеялись, и в этот момент в дверях раздался голос:

— А тем временем ваши пальтишки, шляпы и зонтики грузят в грузовик.

В дверях стоял полковник Бородин. Он был в гражданском костюме, в просторном пиджаке и вышитой холщевой косоворотке, брюки засунул в голенища сапог и походил так на председателя богатого колхоза. Боже, как она, Оля, позабыла о дяде Васе?! Как это могло случиться? А он, когда она к нему подбежала и бросилась на шею, сказал:

— Известно, что добрым друзьям специальных приглашений на день рождения не посылают. Добрые друзья сами должны о нем помнить. Сейчас еще тетя Наташа приедет. Она за тортом поехала.

— Ну вот, зачем, какие торты? — заволновалась Оля, отыскивая Бородину место за столом.— Тортов у нас хватает.

Олины друзья, которым она рассказывала о своем дяде — работнике разведки, — смотрели на него с интересом, симпатией, а некоторые и с восхищением.

— А батька где? — спросил Бородин.

— Папа у Федора Ивановича. Сказал, что не хочет нам мешать.

— Ерунда! Как это вам не мешать? Будем мешать.— Он ушел в кабинет и долго не возвращался. Он сам открыл дверь своей жене Наталии Александровне, веселой круглолицей артистке местного театра драмы. Вместе с ней он вернулся в столовую, шепнул Оле: «Закуску готовь. Сейчас еще троечку гостей подбросим». Но закуски готовить не надо было, пото-

му что приехавшие Павел Петрович, Федор Иванович и жена Федора Ивановича Алевтина Иосифовна, завернув по дороге в магазин, привезли с собой достаточное количество яств.

За столом уже было так шумно, что пора было вносить организующее начало, иначе люди охрипнут и оглохнут. Коля Осипов предложил спеть.

— Вот правильно, товарищ секретарь райкома комсомола,— одобрил Федор Иванович.— Массовое мероприятие сплачивает. Узнаю боевого организатора.

— Ну а как же, Федор Иванович!..— смутился Коля Осипов, никак не ожидавший, что когда-нибудь окажется за одним столом с секретарем райкома партии.

— Да нет, правильно, правильно, давай, мы это предложение сейчас тут утвердим и запротоколируем. Что же споем-то?

— Давайте студенческую прощальную! — крикнула Тоня Бабочкина.— «Город спит уже давно...»

— Давайте.

Они запели. Песня была лирическая, хорошая, но знали ее только олины друзья по институту, остальные слушали и старались подпевать, большей частью невпопад.

Потом еще пели — и все студенческие. Павел Петрович, Бородин, Наталия Александровна, Федор Иванович и Алевтина Иосифовна ушли в кабинет.

Варя сидела за столом бледная, трезвая. Она не выпила ни глотка. У нее холодело сердце и горела голова. Она чувствовала себя тут чужой, никому не нужной, глупой в своих идиотских страданиях, нелепой. Но она не могла подняться и уйти, она сидела, пригвожденная к стулу. Неловко чувствовал себя в незнакомой компании и Виктор Журавлев, который трудно заводил новые знакомства. Он все время следил за Олей и смертельно ревновал ее ко всем, к кому она подсаживалась, кому шептала что-то на ухо, обняв за плечи рукой. Виктор ждал, чтобы поскорее закончился этот вечер.

Нина Семенова о чем-то очень старательно упрашивала своего толстого студента. Он отрицательно мотал головой. Наконец Нина постучала ножом о тарелку и сказала:

— Сейчас Стасик споет одну замечательную песенку. Просим!

Раздались хлопки в ладоши, и великовозрастный Стасик голосом, который олин дедушка называл бланжевым, запел о том, что, мадам, уже падают листья, и осень в багряном бреду, и вот вы должны ко мне придти, потому что вы мне дали слово, и я вас жду, как сна золотого. На что мадам отвечает, что она уже никогда к нему не придет, потому что слишком долго собиралась.

Нина слушала своего певца с восторгом на лице: каждой воробьихе кажется, что ее воробей не чирикает, а поет.

Потом запели какую-то партизанскую. Из кабинета вышел Бородин, постоял в дверях, подтянул. Когда песня закончилась, он спросил:

— А кто из вас, братцы, на рояле играет?

Вышла заминка. Нина сказала, что когда-то училась в детстве, но не доучилась. Может, разве только гаммы. Толстый студент сказал, что умеет играть собачий вальс и фокстрот «Рассвет над Миссисипи», и то не очень, но в общем ребята в общежитии под его музыку танцуют.

— Эх, эх! — сказал Бородин и оглянулся в сторону раскрытых дверей кабинета.— Федор Иванович! — позвал он.— Выходи, дорогой мой. Ты где музыке-то учился?

— Да ведь где,— ответил Макаров, появляясь,— в пионерских да в комсомольских клубах. Тренькал одним пальчиком, пока не выгоняли.— Он сел к роялю.— А что играть-то?

— Федор Иванович! — набралась смелости Варя, перебив Бородина.— Спойте про калитку. Пожалуйста. Очень, очень прошу.

— Ну, девушка просит,— сказал Бородин.— Давай, Федор Иванович, давай!

Федор Иванович запел. Ему помогали Павел Петрович и Алевтина Иосифовна.

Отвори потихоньку калитку
И войди в тихий садик, как тень,
Не забудь потеплее накидку,
Кружева на головку надень.

Нет, ничего бы Варя не позабыла, нет, лишь бы вот так позвал он ее, лишь бы, лишь бы,— она бы птицей прилетела в этот садик, ее никто бы не видел и не слышал, только он, только он, он.

Варя не заметила, что уже не ее песню пели. Пел Бородин какую-то грустную-грустную, а Федор Иванович подбирал музыку.

На опушке леса
Старый дуб стоит,
А под этим дубом
Партизан лежит.
Он лежит, не дышит,
Он как будто спит,
Золотые кудри ветер шевелит.
Перед ним старушка,
Его мать сидит
И, роняя слезы,
Сыну говорит:
— Я ли не растила,
Я ль не берегла,
А теперь могила
Будет здесь твоя.

— Идет эта песня за мной всюду,— сказал Бородин, закончив.— Впервые услышал я ее среди ночи в тысяча девятьсот сорок четвертом году в одном из городов Восточной Пруссии.

Все умолкли. Тысяча девятьсот сорок четвертый год в Восточной Пруссии? У многих холодок прошел по спине. Где же это среди ночи, страшной военной ночи, во вражеском тылу, советский разведчик слышал партизанскую песню? Может, пели ее советские люди, которых вели на расстрел, может, пленные в душных бараках? Бородин не сказал, расспрашивать его не стали.

Запели новую песню, ее начали старшие. Они пели:

Там вдали у реки
Засверкали штыки —
Это белогвардейские цепи.

Потом пели про Буденного и про Ворошилова, пели «Варшавянку» и множество иных хороших песен, которые брали за душу, волновали, звали куда-то, вели. Молодежь подпевала, даже Виктор Журавлев оживился. Песни старших ему очень нравились.

Наконец старшие устали и снова ушли в кабинет. Тем временем в столовой отодвинули в сторону стол и стулья, завели радиолу, и начались танцы.

В одном из перерывов меж танцами появился Бородин и сказал, погладив узкий ящик радиолы:

— Вот, ребята, за такую штуку лет тридцать назад мы бы головы свои сложили. Хотите, расскажу историю?

— Очень!

— Просим!

— Ну вот, это было на одном из южных фронтов против беляков. Мы стояли на северном берегу речки, в окопах, противник — на южном, тоже в окопах. Между нами, значит, речка. Дело было зимой. Речка основательно замерзшая. Морозы стоят крепкие. Живем в окопах, зябнем. Проклинаем белую сволочь.

Совались наступать,— косят на льду из пулеметов. Ну, конечно, и они совались, тогда мы их косили. И скажите, пожалуйста, какая штука! Привозят к нам в дивизию, в политотдел, граммофонные пластинки. Речи самого товарища Ленина! Одна — «Что такое Советская власть?», другая — «Обращение к Красной Армии». А из нашего политотдела, надо вам сказать, часто товарищи приходили в передовые окопы да в жестяную трубу пытались разговаривать с солдатами противника. Дескать, обманывают вас, ребята, бросайте оружие, идите к нам. Ну, оттуда, понятно, кроют из пулемета в ответ. А тут вдруг речи самого товарища Ленина! Ну как бы сделать так, чтобы и самим их услыхать да и тем паразитам, которые за рекой, дать послушать? Ведь не чьи-нибудь слова, ленинские слова! Авось, и их проберут они до сердца. Туда-сюда, что делать?

Граммофона-то у нас не было. Подумали да снарядили целый кавалерийский рейд, прошли сто восемьдесят километров по своим селам, в тылы к противнику на фланге прорвались, шестерых убитыми оставили, троих еле отходили,— у кулака одного нашли-таки граммофон и привезли в дивизию. Целую неделю граммофон ходил по окопам, по землянкам, по избам в тылах, все слушали речи товарища Ленина. Здорово! Вот живой Ленин говорит, да и только! Наконец выбрали ночку потемнее, потише, чтобы ни ветра, ничего, объявили в жестяную трубу противнику, что сейчас будем передавать им речь товарища Ленина, выставили граммофон на бруствер, прицелились трубой на ту сторону и завели. На той стороне полная тишина, замерли, слушают.

Бородин вытащил из портсигара папиросу, закурил и продолжал:

— Но видим, ребята, что получается беда: не слышно ничего за рекой, слов не разберут. Поставили мы другую пластинку, опять то же— нам слышно, им плохо. Тогда с их стороны стали кричать: «Погромче давай! Какого лешего вы там? Налаживайте!». А что мы наладим, это же не такая техника! — Он снова погладил ладонью ящик радиолы.— Горюем, словом, размышляем. Но был у нас один паренек. Орел паренек, Шурка Рябчиков. Он первый и додумался. «Вот что,— говорит,— давайте я буду им все объяснять своими словами». «Попробуй»,— говорим. Тогда он спрашивает в жестяную трубу на ту сторону: «Эй вы,— кричит,— субчики, я вам в точности все объяснять буду, что товарищ Ленин говорит. Вы меня не укокаете?» «Нет,— кричат в ответ,— вылазь и объясняй». Шурка — на бруствер и давай объяснять. «Вы что же,— кричит,— так, растак и перерастак! Советской власти не верите? Что товарищ Ленин говорит? Что вы и сами знаете, что у нас еще много недостатков в организации Советской власти. Она, говорит товарищ Ленин, не излечивает сразу от недостатков прошлого. Зато, пусть вам, лешим, пусто будет, дает полную возможность переходить к социализму».

Ну, скажу вам, на той стороне слушали, не дыхнув, не кашлянув. Стрелять, конечно, не стреляли. В передовых окопах кто? Офицерья не было, одни солдаты. Дошла до них речь Ленина в передаче Шурки Рябчикова. Наутро восемнадцать молодцов на нашу сторону перебежало. Вот, ребятки, какая штука! Ну, теперь танцуйте.

Танцевать почему-то никто не захотел. Смотрели кто на Бородина, кто на радиолу. Виктор Журавлев спросил:

— Скажите, пожалуйста, а эти речи товарища Ленина сохранились в записи?

— А как же! — ответил Бородин,— конечно.

— Вот бы послушать!

— Хочешь? — сказал Бородин.— Могу устроить.

— Хотелось бы, конечно.

Бородин ушел в кабинет, позвонил домой матери жены, позвонил в гараж, и через двадцать минут — в столовой еще не успели накрыть стол к чаю — у него в руках оказался черный ящик наподобие тех, в которых хранят пишущие машинки.

— Ну, ребята, тут у меня немало ценностей. Чьи бы вы хотели услышать голоса? — Он поставил одну из пластинок, не давая никому заглядывать на надписи. Заговорил высокий старческий голос: «Растут люди только в испытаниях».— Ну кто? Угадайте? Лев Толстой. «Мысли на каждый день». Сам читает. А вот еще слушайте.— Кто-то стал читать стихи, как их читают поэты, слегка нараспев.— Это Валерий Брюсов,— пояснил Бородин.

Потом густым, крепким голосом читал свой рассказ Куприн, за ним прочел отрывок из «Записок врача» Вересаев...

Олины гости забыли обо всем. Они сидели, завороженные. Когда кончалась одна пластинка, просили еще и еще.

Страстно зазвучал звонкий, зовущий голос: «Если Маркс говорил, что «призрак коммунизма бродит по Европе», то теперь уже коммунизм не призрак, а могучая реальная сила, он находит свое воплощение в СССР...»

— Киров! — сказал Бородин.—А вот еще...— Он поставил новую пластинку, и когда послышалась спокойная, тихая, но отчетливая речь, все закричали: «Сталин! Сталин!». Да, это говорил Сталин. Он докладывал съезду партии о работе ЦК.

— Ну, а теперь то, что я обещал тебе.— Бородин обратился к Журавлеву.— Слушайте товарища Ленина.

Ленинский голос врывался в сознание, волновал, увлекал.

«Советская власть не чудесный талисман,— говорил Ленин.— Она не излечивает сразу от недостатков прошлого, от безграмотности, от некультурности, от наследия дикой войны, от наследия грабительского капитализма. Но зато она дает возможность переходить к социализму. Она дает возможность подняться тем, кого угнетали, и самим брать все больше и больше в свои руки все управление государством, все управление хозяйством, все управление производством.

Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся, и потому — верный и потому — непобедимый».

Хотелось аплодировать, когда замолк ленинский голос. И хотелось бы еще и еще его слушать.

«Как замечательно придумал дядя Вася! — сказала мысленно Оля.— Какой он хороший выдумщик».

Даже Варя забыла о своих страданиях, она отдалась власти голосов, возникших из прошлого и зовущих вперед.

— В заключение я поставлю вот эту пластинку, специально для вас, для молодежи. Решайте сами, кто это говорит и о чем он говорит.

Бородин пустил диск. Голос был глухой, с придыханием, узнать его было, конечно, невозможно, никто его прежде не слыхал, но текст не оставлял сомнений. Оля тихо спросила:

— Из романа «Как закалялась сталь»? — Бородин кивнул головой.— Сам Островский читает? — Бородин снова кивнул.

Николай Островский читал из своей книги:

«Корчагин охватил голову руками и тяжело задумался. Перед его глазами пробежала вся его жизнь, с детства и до последних дней. Хорошо ли, плохо ли он прожил свои двадцать четыре года? Перебирая в памяти год за годом, проверял свою жизнь, как беспристрастный судья, и с глубоким удовлетворением решил, что жизнь прожита не так уж плохо. Но было немало и ошибок, сделанных по дури, по молодости, а больше всего по незнанию. Самое же главное — не проспал горячих дней, нашел свое место в железной схватке за власть, и на багряном знамени революции есть и его несколько капель крови».

Черный диск перестал вращаться, все — и младшие и старшие — сидели и думали: а как прожита их жизнь, не проспали ли они великих дней строительства социализма? Если не кровь на знамени, то хотя бы несколько строк об их заслугах перед народом останется ли в летописях наших дней? Были они в эту минуту пристрастными судьями самим себе. Даже Нина Семенова и ее толстый Стасик оторвались друг от друга и тоже о чем-то думали.

Была глубокая ночь. Близилось утро. Гостям надо было покидать дом Колосовых, а не хотелось. Что-то очень светлое открылось им тут в эту ночь, что-то такое, от чего они все почувствовали себя единой, тесной семьей, боевым отрядом, идущим к общей цели, под одним знаменем. И это было так отрадно чувствовать, что Варя вздохнула и подумала:

«Ну, что ж, надо не падать духом, надо быть сильной и не проспать великих дней».

Сергей Павлович Санакоев показывает скульптуру «Осетины возвращаются со свадьбы».

В мастерской скульптора

В мастерской осетинского скульптора Сергея Санакоева в последнее время часто можно услышать взрывы смеха и характерное цоканье языком — звук, выражающий здесь обычно удивление, восторг. Скульптор — высокий, худощавый молодой человек в рабочей спецовке — держит в руках фигурки маленьких смешных человечков, о чем-то спорящих в пути.

Сергей Санакоев еще молод. Не прошло и трех лет, как он вернулся в город Орджоникидзе из ленинградской Академии художеств. До учебы в Академии служил в Советской Армии, защищал Ленинград.

Творческая биография его только началась. И началась так, как полагается ей начаться в нашей стране у человека, наделенного способностями и ищущего возможности приложить их в искусстве. Во всяком случае, уже на следующий год после окончания Академии работ молодого скульптора — мраморный бюст классика осетинской литературы Коста Хетагурова — побывала в Москве на художественной выставке Российской Федерации.

Сейчас Санакоев целиком посвятил свое время жанровой скульптуре. За несколько месяцев полки мастерской заполнились множеством вылепленных из глины фигурок. Вот молодая телятница поит из рожка своего подопечного; встретились два колхозника — украинец Озерный и осетин Шанаев,— которых связывает общая борьба за урожайность кукурузы; старик, верхом на ослике, показывает туристу дорогу в горах; две сплетницы на рынке; шахматисты; крестьянин, стригущий овцу, распрямился и отирает пот со лба. А вот осетины возвращаются со свадьбы, немного навеселе, спорят о чем-то.

Все это покамест эскизы. Но они уже показывают жизненные характеры и вызывают радость встречи с чем-то знакомым, увиденным в действительности.

Скульптор работает вместе со своими героями. И для них. Вот почему в мастерской Санакоева всегда людно и оживленно.

И. МЕСХИ

Встреча в горах.
Фото Я. Аврутина.

ЧЕЛОВЕК ПОД ВОДОЙ

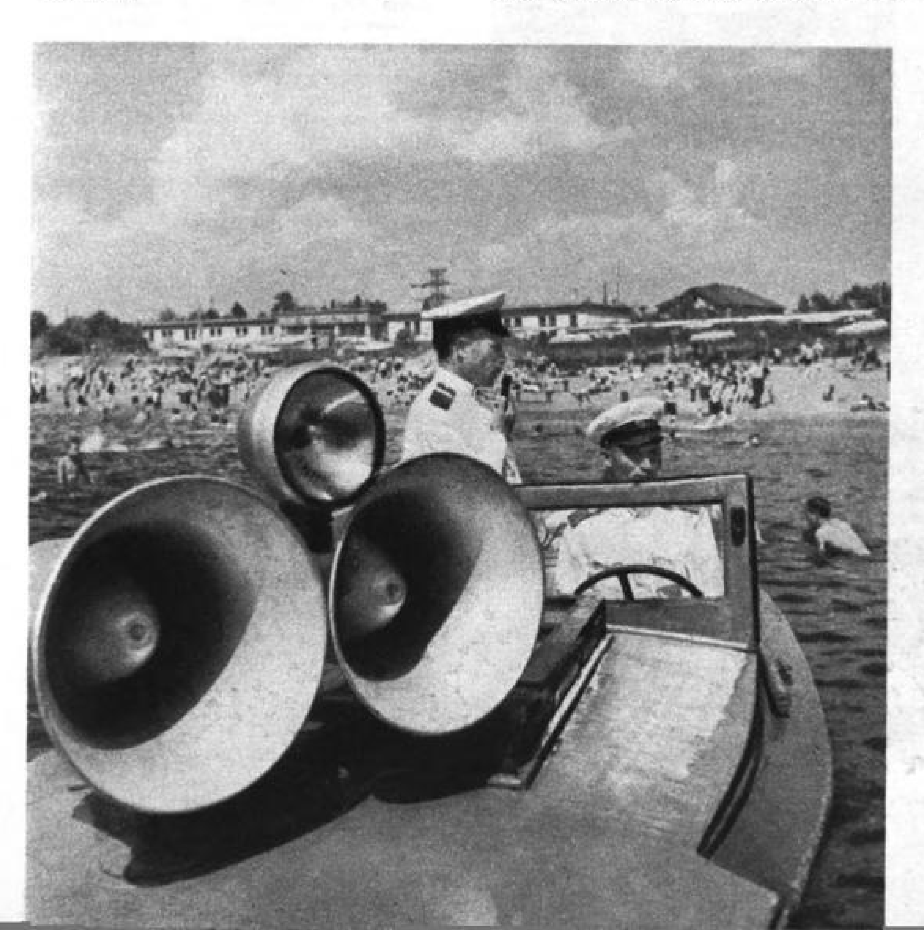
Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. ТИХАНОВА.

Человек в легком водолазном костюме медленно, точно ощупью, шагает по речному дну. Он опоясан веревкой, и это его единственная связь с катером спасательной службы.

Их трое на катере — медицинская сестра в белом халате, второй водолаз и мотористка в форменном кителе. Все трое напряженно вглядываются в водную гладь. Вот второй водолаз потянул веревку — подан условный сигнал человеку под водой: «Как себя чувствуешь?» В ответ тот дернул сигнальный конец один раз. Это значит: «Чувствую себя хорошо».

Водолаз продолжает медленно двигаться дальше. Он раздвигает руками заросли, внимательно разглядывая через стекло шлема речное дно...



...Спасательный катер прибыл сюда по тревоге.

Жаркий воскресный день. Берега Москвы-реки сплошь усеяны купающимися. По реке снуют лодки, яхты, шлюпки, речные трамваи и пароходы.

Милиция регулирует движение, как на оживленной столичной улице. Милицейский катер, блестя на солнце свежей краской, двигается по середине реки, и его мощные радиорепродукторы поворачиваются то в одну, то в другую сторону. Сержант Григорий Басалаев урезонивает нарушителей:

— Гражданин в синей шапочке! Вернитесь обратно, там плавать нельзя!

— Товарищи на прогулочной лодке! Подойдите к катеру: купаться с лодки запрещено.

Зорко несут вахту на Москве-реке работники спасательной службы. Десятки их лодок дежурят возле пляжей и купален. Люди, вооруженные десятикратными биноклями, внимательно вглядываются вдаль.

Мы находимся на спасательной станции «Серебряный бор». Живописны покрытые густым сосновым лесом берега Москвы-реки. В жаркие дни здесь занят каждый клочок прибрежной земли. Москвичи купаются, загорают, отдыхают...

Но вот матрос на лодке поднял флаг. И тотчас же на мачте, установленной на берегу, взвился вверх красный шар.

Тревога!

бровольцы. В большинстве своем это ученики старших классов, которых влекут вода, река, море. Они дежурят на лодках возле пляжей и в зонах, запрещенных для купания, изучают водолазное дело, учатся оказывать первую помощь.

Вот и сейчас мы оказались на уроке водолазного дела. Его проводит инструктор Анастасия Дмитриевна Шеина, одна из немногих в нашей стране женщин-водолазов. Во время войны она часто спускалась под воду, спасая утопающих, выполняя другие водолазные работы. Теперь женщин сменили в этом опасном деле мужчины, и потребовалось специальное разрешение Министерства морского и речного флота СССР, чтобы Анастасия Дмитриевна осталась на своем посту.

Ее ученики — дружинники спасательной станции «Серебряный бор». Они старательно изучают технику водолазного дела и с нетерпением ждут, когда им наконец разрешат спуститься под воду.

Мы знакомимся с дружинниками. Анатолий Малеев поступает в судомеханический техникум: хочет пойти по стопам отца-водника. Борис Курганов после десятилетки поступит в военно-морское училище. Здесь, на спасательной станции, он «привыкает к воде». Инженером-судостроителем мечтает стать Николай Федотов. И он не без пользы летние дни проводит на станции.

Что же, здесь скучать не приходится: водолазы — народ веселый. То поведут рассказ о необычных происшествиях на воде и под водой, то песню затянут, какую певали во флоте, а то начнут нырять за пятиалтынным или состязаться, кто дольше пробудет под водой.

Вахтенный на вышке увидел шар и нажал кнопку. Заревела сирена. В тот же миг от берега отчалил катер и понесся вперед, оставляя за собой пенистый хвост. Теперь успех зависит от мужества и опыта людей спасательной службы.

Осман Кумуков надел водолазный костюм и приготовился к прыжку в воду.

Водолазом он стал в пору службы на Балтике. Двадцатый год занимается Осман опасным и трудным делом спасения людей на морях и реках.

Османа называют чемпионом ледового плавания: он купается в Москве-реке и в трескучие тридцатиградусные морозы. Водолаз завоевал известность как участник марафонских заплывов на Черном море. Во время Великой Отечественной войны он служил в морской пехоте, оборонял Севастополь. Отступать из города ему пришлось необычным путем — он уплыл далеко в море, держа над головой свой автомат. Его подобрал сторожевой катер.

Сегодня Кумуков пятый раз выезжает на катере по сигналу тревоги.

— Мало водолазов стало на Москве-реке, меньше, чем до войны,— говорит Кумуков.

Он справедливо указывает, что спасению на водах еще не уделяют должного внимания, и говорит, что уже трое суток не покидал станции, не был дома.

Так же беззаветно работают и другие водолазы спасательных станций. Все они демобилизованные военные моряки, люди отважные, смелые.

Водолаз Алексей Иванович Емельянов награжден за спасение утопающих почетной грамотой Московского Совета. Двое спасенных им корейцев — студенты университета. Они часто навещают Алексея Ивановича, которому обязаны жизнью.

Старейший работник спасательной службы на Москве-реке — Федор Федорович Загвоздкин.

Спасению утопающих он посвятил всю жизнь. Сейчас Федор Федорович — начальник центральной спасательной станции в Химках. Он уже не молод — шесть десятков минуло. Но еще в прошлом году Загвоздкин спас несколько человек, терпевших бедствие во время сильного шторма.

Он сказал нам:

— Среди терпящих бедствия порой немало оказывается пьяных. Водка — вот причина того, что они переворачивают лодки, купаются там, где это запрещено, и лезут в воду в таком состоянии, что им в пору в вытрезвитель, а не на пляж. К сожалению, подобные факты имеют место и во время массовых прогулок. Некоторые из участников такой прогулки весьма своеобразно «отдыхают»: напиваются до потери сознания, а затем, не спросясь броду, лезут в воду. Мне кажется, что с этим злом общественность должна повести решительную борьбу.

На груди старого водника — три почетных знака «За спасение утопающих».

Службу несут и дружинники-до-

А когда появится на станции новичок-дружинник, ребята обязательно удивят его каким-нибудь трюком. Скажем, водолаз опустится на дно и почти тотчас же появится снова, держа в руке рыбу. Долго будет новичок восторгаться такой ловкостью, пока кто-нибудь не откроет ему секрета: рыбу выловили заранее и привязали на колышке ко дну.

...В жизни водолазов бывает всякое. Вот одна любопытная история. Главстаршина речного флота Александр Алексеевич Давыдов — начальник спасательной станции «Серебряный бор». Позапрошлым летом спас он телеграфистку Галину: не умея плавать, она зашла далеко и стала тонуть. Давыдов во-время подоспел на катере. Девушку откачали, и, хотя «Скорая помощь» увезла ее в больницу, водолаз был уверен: выживет. По официальному акту он узнал ее адрес. Если бывают случаи, когда влюбляются с первого взгляда, то это был именно такой случай.

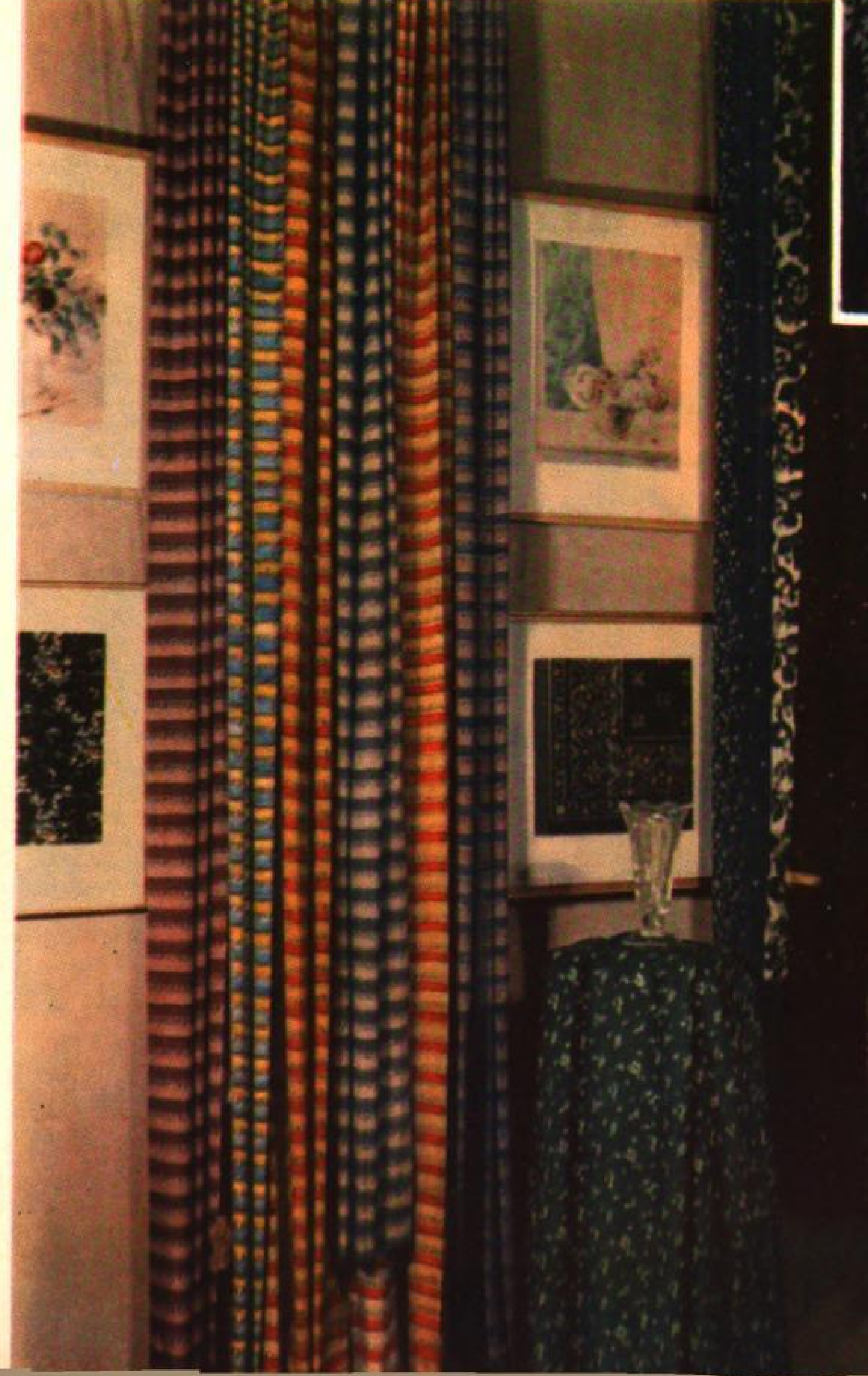
Давыдов поехал к спасенной девушке, а она в это время направилась к нему на станцию — благодарить. Все же они встретились: Галя дождалась возвращения Александра.

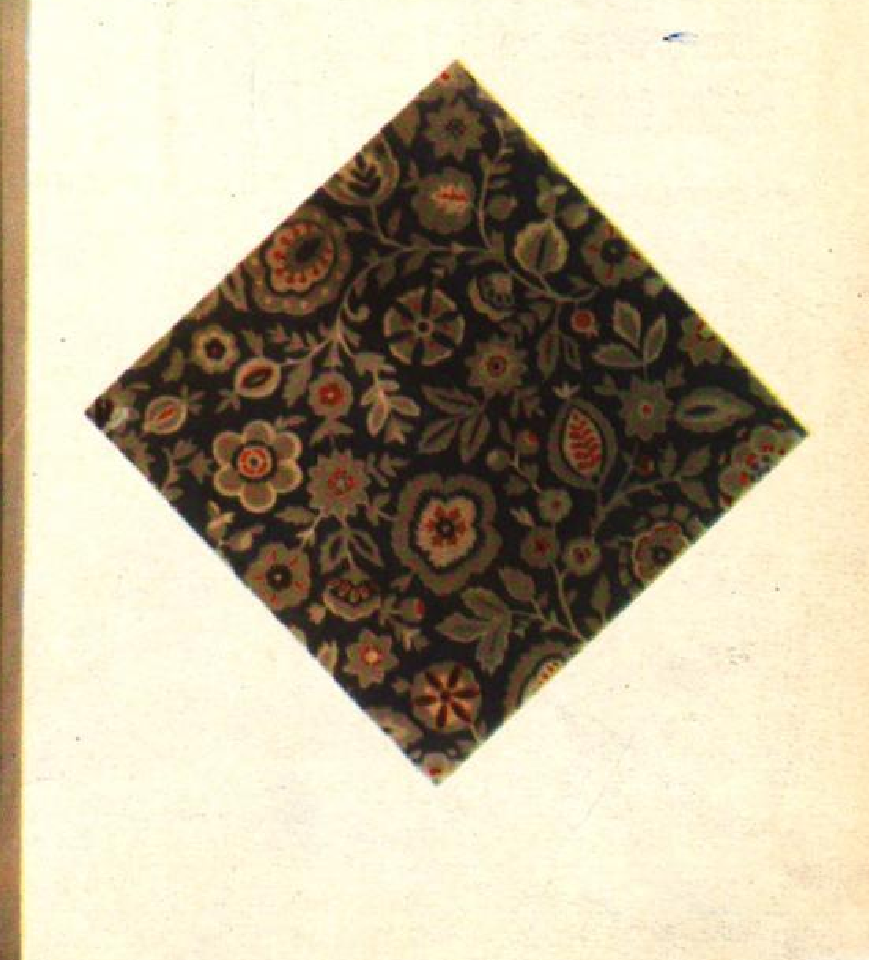
Теперь они муж и жена, и у них дочка Таня. Вот они на снимке.

Галина не только научилась плавать, но полюбила водный спорт, получила спортивный разряд по плаванию и строго-настрого соблюдает теперь все правила купания на реке. Этому особенно рад ее муж.

ИСКУССТВО В БЫТУ

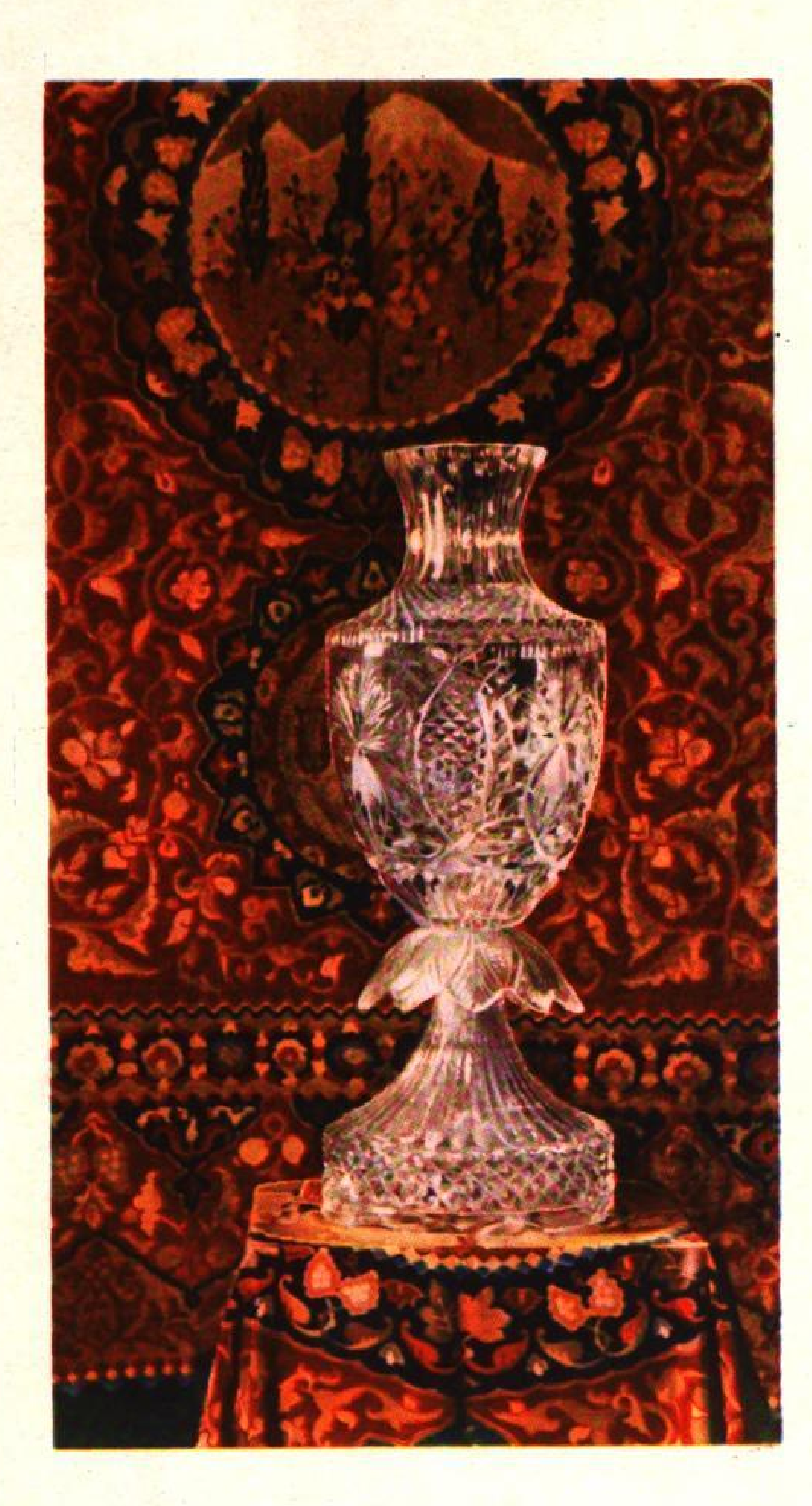
Фото Е. УМНОВА.





Московский союз советских художников организовал выставку произведений художниц декоративно-прикладного искусства М. А. Калатозовой, А. А. Липской и В. К. Скляровой.

Уже двадцать лет В. К. Склярова создает рисунки для тканей, широко используемые в текстильной промышленности. Прекрасны выполненные по ее рисункам шелковые ткани с крупными цветами или орнаментом. Рядом с образцами тканей на выставке показывались акварели художницы — написанные с натуры букеты садовых и полевых цветов. Для художников-декораторов природа является постоянным и неиссякаемым источником вдохновения. Многое черпают они и из национальных мотивов творчества народов Советского



Союза. Ковры, скатерти, платки выполнены М. А. Калатозовой по мотивам русского, украинского, грузинского, армянского, узбекского и других народных орнаментов.

Много нового внесла А. А. Липская в технологию стекла и хрусталя. Как драгоценные камни, горят и светятся декоративное блюдо ее работы или, например, ваза для цветов — «Трилистник» — стекло с оттенком рубина; опалом переливается ваза из голубоватого стекла. Художественно выразительны рисунки Липской на хрустале и стекле.

Для творчества художниц-декораторов традицией является постоянная связь с производством. На текстильных фабриках, стекольных заводах, ковровых комбинатах размножаются в сотнях тысяч экземпляров работы художниц. Эти художественные изделия украшают, делают ярким и радостным быт советского человека.

Ксения **КРАВЧЕНКО**

Общий вид Буэнос-Айреса.

МУЗЫКА МИРА

Татьяна НИКОЛАЕВА

Остались позади месяцы пребывания в Южной Америке, но снова и снова звучат в моей памяти протяжные напевы аргентинской степи — пампы, песни уругвайских пастухов, страстные стоны бразильских романсеро. Во время поездки в Южную Америку я познакомилась с музыкой талантливых народов этого далекого от нас материка. Но вслед за этими впечатлениями встают в памяти картины встреч с людьми, поездок по горам и степям столь непохожей на наши края части света. А через эти воспоминания приходит главное: ощущение стремления всех народов к миру, дружбе, согласию.

Международный кинофестиваль происходил в аргентинском курортном городе Мар-дель-Плата. К фестивалю приурочивались и концертные выступления советских музыкантов. Честь представлять наше музыкальное искусство выпала Давиду Федоровичу Ойстраху, Владимиру Ефимовичу Ямпольскому и мне.

После долгого пути: Москва — Прага — Брюссель — Париж — Лиссабон — Дакар — Рио-де-Жанейро — наш самолет наконец приземлился на аэродроме Эсейсо, возле Буэнос-Айреса. Аэродром расположен почти в 60 километрах от аргентинской столицы; несмотря на это, советских артистов пришли встречать толпы народа. Они заполнили всю площадь перед аэровокзалом, облепили его балкон. Нас забрасывали цветами, приветствовали возгласами: «Артисты мира! Посланцы дружбы!» — и все это выражалось с горячей южной экспансивностью.

Прежде чем выехать в Мар-дель-Плата, мы пробыли неделю в Буэнос-Айресе. Нам предстояло провести репетиции с муниципальным оркестром столицы, который должен был сопровождать нас на фестиваль. Ойстрах репетировал с оркестром скрипичный концерт Чайковского, я — Второй концерт Рахманинова. Репетиции шли в подвале столичного оперного театра «Колон»: другого помещения оркестр не имеет; в зале театра ему разрешается проводить только генеральные репетиции. Было тесно, душно, в подвале стоял старенький рояль без крышки, но оркестранты проявили столько горячего участия к нам, что репетиции сразу пошли успешно. Дирижер оркестра, чуткий и опытный музыкант Роберто Кински,— пламенный поклонник Чайковского, музыка которого в Аргентине популярна необычайно. Рахманинова же аргентинцы помнят по его неоднократным личным выступлениям.

Первые дни нашего пребывания в Буэнос-Айресе совпали с большими карнавальными празднествами: по улицам ходили ряженные люди в масках, было много цветов, вина, веселья, шуток. Правда, далеко не каждый житель аргентинской столицы мог принять участие в карнавале: многим было не по карману взять напрокат костюм.

Буэнос-Айрес — город светящихся реклам, роскошных особняков, тенистых парков. Этот Буэнос-Айрес красив и великолепен. Особенно запоминаются: улица Ривадавиа, она тянется на 30 километров; центральная площадь — площадь Девятого июля, где в 1920 году был воздвигнут обелиск в честь независимости страны; Майская площадь со старинным зданием Кабильдо. В парках города мы встречали неизвестные нам деревья, такие, как палоборрачио, или «пьяная палка», «бутылочное дерево», ствол которого сужается книзу. В парках всегда много гуляющей публики, наряды которой спорят с ярчайшими цветами экзотических деревьев. Но мы видели и другой Буэнос-Айрес — рабочий район Бока, промышленный район Авельянеда,— где нет ни обелисков, ни дворцов, ни парков, где дома сделаны из фанеры и жестяных бидонов.

Богачи столицы проводят летний сезон в Мар-дель-Плата — курортном городе на берегу океана. Там над всем господствует огромнейшее казино, где нам и предстояло дать первый концерт.

В Мар-дель-Плата на фестиваль со всех концов мира съехалось много артистов. Среди кинозвезд, которых послал Голливуд, была даже давно уже не выступающая Мэри Пикфорд. Толпы «ловцов автографов» носились по курорту в поисках добычи. Одну нашу киноактрису, которая неосторожно ответила утвердительно на вопрос, не русская ли она, ловцы автографов вынудили спасаться... в океане.

Мне запомнилась церемония представления делегаций, прибывших на фестиваль, — запомнилась по одной смешной детали музыкального характера. Это происходило в «Театре на свежем воздухе», рассчитанном на 15 тысяч зрителей. Каждой делегации посвящалась какая-нибудь национальная песня. Меня очень интересовало, какая песня предварит представление делегации СССР. И я была, разумеется, весьма обескуражена, когда этой песней оказалась... «Барыня». Вообще в Аргентине, несмотря на огромнейший интерес к советской культуре, и в частности музыкальной, существует превратное представление о нашей музыке. Мне часто задавали такие вопросы: «Популярны ли у вас «Очи черные»? Поют ли у вас «Бублички»?» Чувствуется, что из-за слабой информации о Советском Союзе здесь иногда судят о нас по той «культуре», что сюда завезли белоэмигранты.

Наш концерт состоялся на третий день фестиваля, а до этого в «Театре на свежем воздухе» проходили два вечера аргентинского балета. Если первое отделение балетного спектакля, в котором давалась классическая «Шопениана», показалось нам малоинтересным, то второе отделение доставило много радости. Четверо аргентинцев с гитарами, в национальных накидках — «пончо» — исполняли аргентинские танцы в чрезвычайно стремительном, но очень четком ритме. Потом начались массовые танцы, так называемые карнавалито. Несмотря на то, что карнавалито состоит, по существу, из одного па, из него складывается огромное количество разнообразнейших фигур, то медлительных, то вихревых, создавая впечатление непрестанно меняющего яркие узоры калейдоскопа. И еще мы увидели отлично переложенное на язык балета и талантливо исполненное равелевское «Болеро», в котором тему лейтмотива исполняла прекрасная танцевальная пара...

Пришел вечер нашего концерта. Сначала играл Д. Ф. Ойстрах. Потом выступили знаменитый итальянский тенор Тито Скипа и аргентинская певица, обладательница очень красивого голоса Элен Арисменди. Вот очередь выходить на сцену мне. Волнение усиливалось еще потому, что я не знала, на каком инструменте буду играть. Нужно пояснить, что ни в Аргентине, ни позже, в Уругвае, мы не видели ни одного специального концертного зала. Концерты происходят или в помещениях театров или в залах кино. Поэтому нет и специальных концертных инструментов. Концертант должен сам брать напрокат рояль в одном из музыкальных магазинов. Плату за прокат у него потом вычитают из гонорара. Мне тоже впоследствии приходилось арендовать рояль, однако на первом концерте эту задачу любезно взяли на себя

устроители фестиваля. Смущало, что рояль для меня был взят из... курортного казино. Но это оказался первоклассный «Стенвей».

Я взяла первые аккорды и сразу успокоилась. Первый концерт на другом полушарии, бесконечно далеко от твоей родины, необычайность сцены, зала, шум океана, от которого вы отделены только тонкой перегородкой, звуки улицы, проходящей рядом со зрительным амфитеатром, люди, облепившие деревья и балконы (в тот вечер вместо 15 тысяч зрителей нас слушало 40 тысяч),— все это создало неповторимую, волнующую атмосферу. Но было и другое: хоть и стояла в открытом театре совершеннейшая тишина, но чувствовалась холодноватая внимательность зрителей первых рядов, оставивших на сегодня игральный стол в казино для «сенсационного» концерта. Несколько кинозвезд из тех же первых рядов смотрели прищуренными глазами, все видавшими в подлунном мире. И, тем не менее, наш концерт удался. И Ойстраху и мне долго аплодировали, нас шумно провожали.

Один из особенно приятных для нас концертов состоялся вскоре в Буэнос-Айресе, в парке Сентенарио. Вход был бесплатный.

Концерты в Аргентине из-за дневной жары начинаются поздно, в десять часов вечера, но люди стали занимать места еще с утра. Мы играли в сопровождении того же оркестра, обстановка и на этот раз была необычной: огромный открытый парковый амфитеатр, деревья, освещенные прожекторами, похожие на яркие декорации. Но во всем с самой первой минуты чувствовалась какая-то сердечность, интерес не к сенсационности концерта, а к содержанию нашего выступления, глубокая симпатия к нам как к представителям советской культуры. Я никогда до этого не встречала на концертах такого восторженного приема, таких оваций. После каждого номера в парке звучали возгласы: «Да здравствуют советские артисты! Мир и дружба с Советским Союзом!»

Вскоре мы отправились в поездку по стране. Я давала концерт в Кордобе. Этому старинному городу 400 лет; он был некогда главным иезуитским центром страны. Концерт состоялся в театре имени генерала Сан-Мартина, национального героя, возглавлявшего освободительную борьбу против Испании.

После поездки по степи в Кордобе мы вступили в область живописных гор, особую прелесть которых составляет множество высокогорных озер. Потом мы вновь вернулись в низину, в пампы, направились в Росарио, второй по величине город Аргентины. В пути мы видели огромные пространства пустующей земли (за всю дорогу встретились нам всего три трактора). После концерта в старинном университетском городе Санта-Фе мы вернулись в Буэнос-Айрес через индустриальный район страны. И здесь бездымные трубы фабрик, пустующие нефтяные вышки.

В городе Ева Перон (прежде Ла-Плата) нас исключительно тепло встретили студенты университета. Некоторые из них побывали на фестивале молодежи в Бухаресте и рассказывали, что до сих пор сохранили прекрасные воспоминания об увиденном там. У одной девушки я увидела на груди наш комсомольский значок, подаренный ей советскими студентами. Молодежь пела песни, услышанные в Бухаресте, песни о Робсоне, о мире. Одна из песен заканчивалась припевом на русском языке.

С аргентинской фольклорной музыкой нам пришлось познакомиться еще в Кордобе, на даче большого ценителя музыки и активного участника борьбы за мир, доктора Сорина. Группа молодежи всю ночь пела и танцевала для советских музыкантов. Тут я услышала чистые звуки старинной индейской флейты — кинэ, протяжные стоны миниатюрной аргентинской гитары чаранго, сделанной из панцыря животного киркинчо. Я услышала песни пампы, характерные протяжностью и заунывностью, которые свойственны обычно мелодиям, рождающимся в безбрежной степи. Исполнялись и горные песни, ритмически гораздо более острые, темпераментные... Мне запомнился танец индейцев Севера. Ведущий танцор изображает подвыпившего индейца; движения его, резкие и грубоватые, повторяет группа. Любители сохранили неприкосновенным народный элемент танца, передавали песни так, как исполняют их в народе. Позже мне приходилось в Буэнос-Айресе слышать народные песни в профессиональном исполнении — и прелесть исчезла: стилизаторство, эстрадное «штукарство» заменили глубокую эмоциональность подлинного фольклора.

К моменту выступления в Санта-Фе Ойстрах и я разучили несколько произведений аргентинских композиторов и включили их в программу концерта. Публика бурно приветствовала исполнение родных мелодий советскими артистами. Я разучила два номера: «Приятный вечер» прогрессивного композитора Карлоса Гуаставино и «Танец жрецов» Люиса Миличи.

Вернувшись в Буэнос-Айрес, мы выступили в знаменитом театре «Колон», куда приезжают гастролеры со всего света. Дирекция театра организовала абонемент из четырех концертов: двух Ойстраха и двух моих; все они прошли с большим успехом. У меня была обширная программа, в которую я включила, кроме классиков мировой и русской музыки, произведения советских композиторов, свой концерт для фортепиано с оркестром, а также свои этюды для фортепиано. Интерес к современной советской музыке в Аргентине особенно велик. Идеи оптимизма и гуманности, которыми наполнена советская музыка, волнуют аргентинский народ, как, впрочем, и все народы мира. Аргентинская публика очень горячо приняла исполнение произведений Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна. Музыка Хачатуряна особенно популярна в Аргентине. Она близка аргентинцам по своему колориту и яркому темпераменту.

С большим удовлетворением уходили мы после концертов. Поистине могучи сила музыки, язык ее, если они выражают передовые идеи! Гордость за свою профессию музыканта, профессию, которая служит прогрессу человечества, сближению между народами, делу мира, наполняла нас.

Нашу поездку по стране организовал Институт культурных связей «Аргентина — СССР». Приезд делегации советских киноартистов, музыкантов, а затем и шахматистов был подлинным праздником энтузиастов этого института, много сделавшего для распространения в Аргентине правды о СССР. Институт — одно из тех прогрессивных учреждений, которые ведут в Аргентине борьбу за мир. Борьба эта находит среди аргентинского народа все большее признание.

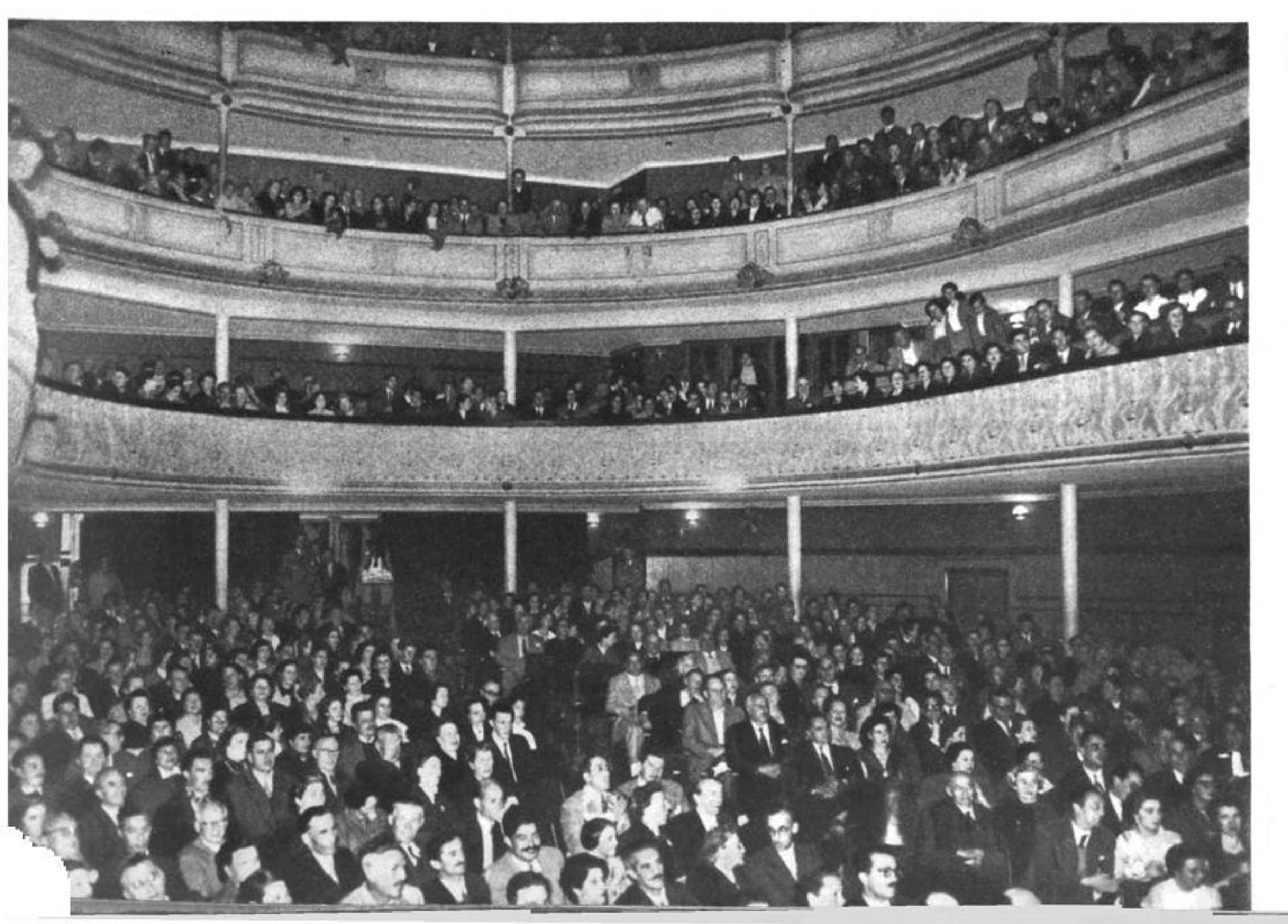
Проявило интерес к нам и аргентинское правительство, по приглашению которого мы приезжали. Мы были приняты президентом Аргентины генералом Хуаном Пероном. Прием прошел в дружественной обстановке. Президент высказал пожелание о дальнейшем развитии культурных связей между нашими странами.

Несколько концертов мы дали в столице Уругвая Монтевидео и в Пайсанду. Уругвайская публика горячо любит и хорошо понимает музыку. В Уругвае я познакомилась с пианистами Гуго Бальцо и Нибией Мариньо. Из бесед с этими молодыми музыкантами я узнала, что они не имеют возможности целиком посвятить себя музыке, а вынуждены в поисках средств существования заниматься посторонними работами.

На обратном пути мы провели сутки в столице Бразилии Рио-де-Жанейро. Нам очень хотелось посмотреть знаменитый своей красотой город, но в аэропорте заявили, что для этого нужно сделать... прививку оспы. Мы долго объясняли, что не можем рисковать, проделывая такую процедуру перед концертом. Нас пощадили. А вот нашему уважаемому аккомпаниатору Владимиру Ефимовичу Ямпольскому оспу привили. И она у него привилась. Но Рио-де-Жанейро стоит прививки. Как и Буэнос-Айрес, он полон контрастов. Рядом с красивыми и нарядными домами — жалкие лачуги, люди ходят там в рубище.

...Передо мной лежат подарки аргентинских друзей — «пончо», серебряный кубок, из которого пьют отлично утоляющий жажду аргентинский чай — матэ, аргентинские народные инструменты, ноты, пластинки. Впечатления от нашей поездки, может быть, найдут музыкальное выражение в будущих моих произведениях. Во всяком случае, я хочу познакомить советских слушателей, советских музыкантов с большой и своеобразной музыкальной культурой континента, народы которого проявляют такой жадный интерес к культуре нашей Советской страны.

На концерте советских музыкантов в Аргентине.



ДРОВА

Рассказ

Фрэнк ХАРДИ

Рисунки В. Высоцкого.

Этот рассказ австралийского писателя Фрэнка Харди принадлежит к числу самых популярных произведений современной австралийской литературы. Он был напечатан одиннадцать раз в рабочей прессе и вошел в три антологии австралийских рассказов.

Шестеро безработных отрабатывали свое пособие. С тяжелой размеренностью, не спеша, они набирали полные лопаты гравия и по очереди тщательно разбрасывали его на дороге. Одни работали в фуфайках, другие в старых жилетах: несмотря на все старания солнца прогнать мороз из долины, было холодно. Две пустые подводы стояли у обочины дороги. Лошади щипали заиндевевшую траву.

— Вы уж кончайте до обеда эту подводу. Скоро двенадцать,— сказал Мерфи, десятник из городского управления, присматривающий за работой.

Здоровенный, плотно скроенный детина, самый рослый из шестерых, кинул лопату в одну из подвод.

— Не знаю, как другие, а Дарки до обеда лопаты не возьмет,— сказал он, проводя мозолистой рукой по копне взлохмаченных черных волос.— Вот платили бы нам десятку в неделю, а то — пособие, горе одно...

Из поношенного пиджака, висевшего на столбе у железнодорожной ограды, он достал завернутый в газету завтрак и бутылку с холодным чаем, после чего удобно растянулся на мешке из-под соломы. Его огромному телу словно было тесно в красной с черным футболке и заплатанных, бумажной ткани, брюках.

— Ну, ну, Дарки,— сказал примирительно Мерфи,— ты ведь знаешь, с меня тоже спрашивают...

— Тебе хорошо платят, Спад. Проваливай! Иди, пообедай, а мы потом закончим.

— Мистер Тай и так уже лезет на стену: слишком медленно вы работаете, парни, вот что! — Мерфи отвел велосипед от ограды и перекинул ногу через седло.— Лучше бы разбросать еще немного до обеда.

Мерфи был уже пожилой человек. Его сутулая спина казалась созданной для велосипеда. Он уже отъезжал, медленно нажимая на педали, когда Дарки крикнул ему вслед:

— Скажи мистеру Таю, пусть сам придет поработает лопатой, если у него такая спешка!

Остальные работали до тех пор, пока Мерфи не скрылся за вязами у самого городка, угрюмо раскинувшегося по другую сторону долины. Городок выглядел мрачно, словно и его придавил кризис, принесший столько горя жителям.

— Посмотрел бы я на мистера Тая, как бы он здесь кидал песок! — сказал Дарки, когда его товарищи уселись рядом и принялись за еду.— Бьюсь об заклад, мы бы его заставили попотеть...

Все засмеялись, а Дарки, опершись на локоть, продолжал:

— Встретил я его на днях возле лавки, он меня спрашивает: «Как живешь, Дарки?» А я ему: «От ваших вопросов лучше не заживу!» Потом еще говорю: «Послушайте, если я не ошибаюсь, у нас в городе только два мерзавца». «Кто такие?» — спрашивает он. А я ему: «Тай — городской секретарь и Тай — городской инженер». Видать, не понравилось ему!

— А ты что думаешь: может человеку понравиться, когда его назовут мерзавцем? — утирая нос тыльной стороной руки, проговорил Коннорс, по прозвищу Гундосый.

— Тая защищаешь, да? — зло огрызнулся Дарки.

— Вовсе не защищаю. Просто так сказал. Ты ведь и сам не хотел, чтобы ему это понравилось.

Дарки глотнул чаю, лег навзничь и с аппетитом принялся за кусок хлеба, намазанный патокой.

— Знаешь,— сказал он немного погодя, уставившись в небо,— если рабочий человек голосует за националистов [1],— выходит, он ничем не лучше скэба [2]. А?

— Никогда я за националистов не голосовал.— Гундосый явно нервничал.

— А я и не говорю, что ты голосовал,— взглянул на него Дарки.— Я только сказал: если рабочий голосует за националистов,— значит, он паршивый скэб. Вот и все.

Наступила неловкая тишина. Все молча жевали, пока Эрни Лайл, молодой парень, недавно ставший отцом, не переменил темы разговора:

— Ну и холодно же было сегодня ночью, разрази меня гром! Я прямо закоченел.

— Восьмые сутки, как мороз держится,— вставил возчик с подводы,— а в доме ни полена. Топлива, что выдают, хватает на несколько дней. Мы стали было жечь забор, да хозяин пригрозил выкинуть нас из квартиры, если мы не поставим новый.

— А мы с Лиз, как поужинаем, сразу ложимся спать,— сказал Гундосый.— Бережем остаток дров на стряпню. Да и те уже на исходе.

— Я сегодня ночью к речке ходил, думал, хоть сучьев наберу, да все там вымокло после паводка, — сказал кто-то.

— Уж где хочешь, а надо достать дров, иначе замерзнем! — взволнованно заговорил Эрни.— У маленького ужасный кашель. Домишко совсем развалился, а тут еще согреться нечем. Так и воспаление легких недолго схватить!..

Возчик Андерсон, самый пожилой из всех, поднялся, разминая ноги.

— Собачья жизнь! Мы топим половицами,— сказал он.

Дарки вскочил и со злостью швырнул в траву корку хлеба:

— А мне вас и не жалко. Я ведь тоже едва свожу концы с концами. Но уж дров-то у меня — завались! Полный сарай!..

— За последнее время порядком утекло дров со складов,— сказал Гундосый, с усмешкой глядя на Дарки.— Наверно, и тебе перепало?

— А я тебе не стану выкладывать, где я взял. Даже если со склада. Захотел бы я взять, так знал бы, у кого надо брать. У тех бы не убыло! А вы, ребята, только злите меня. Скулите, что топить нечем, а вокруг вон сколько леса! Глазом не охватишь! Сложились бы, наняли на ночь грузовик да нарубили, сколько надо.

— Но это же — воровство,— сказал Гундосый,— а новый полицейский не любит шутить. Разве ты не знаешь, что было с Гарри Джексоном, когда его поймали? Я в тюрьме сидеть не хочу!

— Думаешь, в тюрьме тебе будет хуже, а? Дарки уж лучше рискнет, чем морозить детей.

— Дарки прав,— сказал Эрни Лайл.— Надо и нам попробовать!

— Нет, неправ,— возразил Гундосый.— Никогда в жизни я не воровал и теперь не стану. Я так думаю: лучше бы нам поговорить с Колсоном,— добавил он.

Колсон был членом парламента от местной националистической партии.

— А что толку говорить с Колсоном? Помог он когда-нибудь нашему брату, рабочему?! Я скорей умру от холода, чем стану его просить,— ответил Дарки, поднимаясь.— В прошлые выборы он предлагал мне выпить с ним. Стою я возле избирательного участка и раздаю лейбористские листовки. А он проголосовал сам за себя и выходит из будки. «Пошли,— говорит,— выпьем, Дарки». «Стану я пить с тобой, как же!» — говорю я. А он прицепился: «Брось, Дарки, пойдем! Что до меня,— я не хочу с тобой ссориться». «Ну, а что до меня,— отвечаю ему,— то как раз наоборот!» — Дарки сплюнул на траву, словно хотел выплюнуть самое имя Колсона.— Просить у Колсона?! К чертовой матери! — Он достал жестянку с табаком из кармана брюк и резкими, злыми движениями скрутил себе папиросу.— Если у вас нет смелости взять вязанку дров, мое дело сторона! У меня-то их хватает.

---

[1] Националистическая партия — название, принятое консервативной партией Австралии в 30-х годах.

[2] Скэб — штрейкбрехер, хозяйский наемник.

— Пожалуй, стоит об этом подумать,— сказал Эрни Лайл.— Надо же чем-нибудь топить! Рискованно, но надо попробовать.

— Не хочу я в это ввязываться! — отвернулся Гундосый.

— Мне дрова нужны,— сказал Андерсон, тот, что жег половицы.— Но это слишком опасно, так мне кажется, Дарки...

— А мне тесть обещал дать немного,— неуверенно проговорил кто-то.

— Все вы трусы проклятые! — с отвращением сказал Дарки.— Но я скажу вам, как я хочу сделать. Я возьму у Берта Спарго грузовик, и если кто-нибудь из вас поедет со мной, привезу дров. У меня-то дров полно, но я возьму половину на продажу. А другую половину можете делить между собой.

Рабочие с надеждой посмотрели друг на друга, потом взгляды всех, за исключением Гундосого, обратились к Эрни Лайлу. Эрни помялся, потом нерешительно сказал:

— Что ж, Дарки, я помогу тебе. Помогу.

— Я это не для вас делаю, ребята, понятно? Я о себе забочусь,— сказал Дарки, ударяя кулаком в широкую грудь. — Получу малость деньжонок за свою половину, понятно? А вы, ребята, держите язык за зубами. Сегодня вечером переговорю со Спарго насчет грузовика, а завтра ночью мы с Эрни привезем дров.— Вдруг он снова повернулся к Гундосому: — Пойдешь с нами? Дровишек хочешь?

— Мне дрова позарез нужны, Дарки, но краденых я не хочу.

— Значит, ты бы эти дрова и в подарок не принял? — Огромными, мозолистыми ручищами Дарки схватил Гундосого за воротник рубашки и поставил его на ноги.— Ну, смотри у меня — молчок! Донесешь — дух из тебя вышибу!

— Н-н-не донесу я, Дарки,— испуганно проговорил Гундосый.— Ты же знаешь — не донесу...

— Я тебе не советую,— сказал Дарки, отпуская его.— Не советую!.. Вон уже старый черт Спад едет. Пошли работать! И смотрите — не болтать! Завтра все уточним...

* * *

В полночь, когда Эрни Лайл быстро шагал к окраине города, где должен был встретиться с Дарки, мороз словно белой простыней накрыл равнину.

«Только бы Дарки не опоздал»,— думал Эрни, глубже засовывая руки в карманы пальто и с опаской оглядываясь. Облачко от его дыхания плыло перед ним.

Послышались чьи-то шаги, и Эрни торопливо перешел на другую сторону улицы.

«Жена была права,— думал он.— Лучше бы мне остаться дома. Поймают нас...»

Не успел он дойти до условленного места, как подъехал старый грузовик.

— Прыгай сюда,— сказал Дарки, не заглушая мотора.— Пришлось повозиться, пока мотор завел. Верно, аккумулятор сел.

На нем было поношенное пальто и мятая шляпа, шея обмотана старым красным шарфом.

— Ух, дьявол, и холодно же! — прибавил он, когда Эрни влез в машину.

— Куда ты собираешься ехать? — спросил Эрни, когда старая машина рванулась вперед. Дарки слишком резко выключил конус сцепления.

— На делянку старого Пэдди Ши. Это мили за две от речки. Там уйма хорошего леса.

— Ты что, старого Пэдди не знаешь? Он ведь там же и живет. За холмом. Всего в какой-нибудь миле. Да он нас сгноит в тюрьме, если попадемся!

— Пусть сперва поймает. А если сунется, полетит у меня в речку! — Дарки оглушительно засмеялся над собственной шуткой.

Но Эрни было не до веселья.

Фальшиво, но с чувством Дарки начал насвистывать «Пташечку-малиновку». Эрни наблюдал, как баранка прыгала в его руках, когда он старался направить дребезжащий грузовик между выбоинами дороги.

«Конечно, Дарки тоже боится, только не показывает вида,— размышлял Эрни.— И какого черта я согласился участвовать в этом деле?! Если нас увидят, обоих посадят...» — Эрни стал думать о жене и ребенке, и кажущаяся беспечность Дарки вдруг задела его.

— Перестань ты свистеть, ради Христа,— резко сказал он.— Можно подумать, что мы на прогулку едем.

— Неужели трусишь?

— Да. Боюсь, дьявол тебя возьми!

— А ты не бойся. Я ведь хитрый. Меня этим остолопам не поймать,— успокоительно заметил Дарки и принялся снова насвистывать.

Когда они уже были почти у цели, грузовик должен был проехать по небольшому мосту через речку. Раздался грохот расшатанных досок. Для Эрни он прозвучал, как раскаты грома, и он словно врос в сиденье. Ему чудилось, что у ночи есть глаза и уши.

Они подъехали к делянке, с поспешностью отчаяния Эрни распахнул ворота.

— Что это там за табличка на дереве, возле самых ворот? — прошептал он, влезая обратно в машину.— Вон там, с твоей стороны?

Дарки вылез из кабины, приподнял расшатавшийся щиток над фарой и направил свет на табличку, висевшую высоко на дереве.

— «Браконьеры будут преданы суду, — прочитал он вполголоса. — Всякий, кто посмеет взять лес из этого владения, понесет строгое наказание. Именем закона. Патрик Ши».

Не говоря ни слова, Дарки достал из кузова топор, поплевал на руки и начал делать зарубку для пилы на том самом дереве, где висела табличка. Это было огромное, сухое, смолистое дерево с толстыми сучьями — лучше топлива не сыщешь! Удары топора рассекли морозный воздух. Эрни, чуть живой от страха, сидел в грузовике.

Дарки вернулся к машине, положил на сиденье шляпу, шарф и пальто, потом пошел к кузову и взял оттуда поперечную пилу.

— Пошли! — позвал он Эрни, выключая фары. — Пока не свалим, поработаем в темноте.

— Дарки! Лучше поедем домой, право. Сцапают нас! Как пить дать, сцапают!

— Давай, давай! Никто нас не поймает, если быстро управимся. И ради Христа, перестань трястись, смотреть на тебя тошно!

Эрни нехотя сбросил пальто. Освоившись в темноте, они начали пилить. «В тюрьму, в тюрьму», — казалось, твердила пила. Эрни дрожал от страха и пилил плохо.

— Ты словно верхом на пиле хочешь усесться? Валяй! Только ноги держи повыше! — сострил Дарки и громко расхохотался.

Эрни не ответил. Они снова принялись пилить.

«Нас услышат на ферме, — думал Эрни, — и старый Пэдди побежит и приведет полицию. Уж слишком Дарки храбрится, вот что плохо! А жена была права: не надо было мне лезть в это дело. Во всяком случае, надо скорей кончать». — Он налег на пилу, стараясь не отставать от Дарки. Дерево было почти подпилено.

— По-моему, в самый раз, — сказал Дарки. С трудом запустив мотор, он зажег фары и направил свет на дерево.

— Еще несколько раз провести, и готово, — прибавил он, возвращаясь.

Мгновение — и дерево рухнуло на покрытую инеем землю, разорвав тишину ночи.

— Убей меня бог, — пробормотал Эрни, — даже в городе могут услышать!..

За холмом, в той стороне, где была ферма Ши, глухо залаяла собака.

— Живо бери второй топор, — прошептал Дарки. — Обрубим сухие ветки, распилим ствол и скорее на машину... Да брось ты трястись!..

— Не беспокойся, Дарки, я не буду... Просто я хочу домой. Вот помяни мое слово — нас схватят.

— Тебя не поймешь, отчего ты дрожишь: от страха или от холода. Накличешь беду — сам будешь виноват. Перестань скулить!

Около часа они работали, не отрываясь. От злости и отчаяния Эрни не отставал от Дарки. Наконец тот выпрямился и отер ладонью лоб.

— Из этой вывески неплохая растопка получится, — сказал он, отдирая от распиленного ствола грозное предупреждение и швыряя дощечку в грузовик. Но Эрни не отозвался на шутку.

Несмотря на мороз, обоим было жарко. Еще час, и грузовик был наполнен выше бортов. Дарки затянул груз толстой веревкой. Эрни облегченно вздохнул — можно было ехать назад.

Дарки принялся заводить машину, но, как он ни бился, мотор молчал. Дарки бегал взад и вперед, проверял, есть ли искра, подсасывал, ругаясь и богохульствуя. Он швырял на землю заводную рукоятку, чертыхался, потом снова крутил ее, но все безрезультатно. Вне себя от страшных предчувствий Эрни вглядывался в ночную темень.

— Мотор холодный, как лягушка. Аккумулятор сел... — буркнул Дарки. — Придется на руках повернуть машину и толкать вниз с холма.

Они принялись толкать. Дарки управлял одной рукой. Когда грузовик двинулся, Дарки прыгнул в кабину и включил передачу. Болтаясь из стороны в сторону, громыхая по корням и пням, старая колымага покатилась между деревьями, пока мотор не заработал. Вначале он неохотно заворчал, потом взревел оглушительно. Дарки круто развернул машину и выехал за ворота.

* * *

Протирая время от времени запотевшее смотровое стекло, они въехали на окраину затихшего городка. Вдруг Дарки неудержимо расхохотался хриплым смехом.

— Какого черта ты скалишь зубы? — спросил Эрни.

— Хотелось бы мне поглядеть на рожу старого Пэдди, когда он утром увидит, что сталось с тем деревом, — ответил Дарки и, перестав смеяться, добавил: — Отвезем сначала этому верзиле Андерсону. И запомни — половина дров мне на продажу! Я пилил их не для поддержания здоровья.

Дарки свернул в пустынную улочку и остановил грузовик у дома Андерсонов.

— Как бы нас не увидели, — прошептал Эрни.

— Никто не увидит, не волнуйся, — сказал Дарки. — В городишке ложатся спать с петухами. А сейчас около двух часов...

Дарки только выключил фары, мотор продолжал работать. Они перебросили через ограду несколько чурбаков, осторожно вытаскивая их закоченевшими руками. Вдруг в окне сбоку вспыхнул свет, и из-за занавески выглянуло чье-то лицо. Через мгновение свет погас.

— Довольно! — шепнул Эрни. — Ты же знаешь, нас ведь пятеро на остальные дрова.

— Еще парочку на прощанье, — ответил Дарки, перекидывая во двор Андерсона два больших чурбака. — Теперь старик может оставить в покое свои половицы.

Никем не замеченные, они доставили дрова еще в три дома, и везде Дарки подбрасывал «лишнюю парочку на прощанье».

Он попрежнему казался беззаботным, а у Эрни все росло страстное желание поскорее все кончить. Вдруг Эрни заметил, что по темной улице кто-то идет.

— Кто это? — воскликнул он. — Неужто полицейский?

— Да нет, — Дарки смотрел через заднее стекло кабины. — Это всего-навсего Клэри Симпсон возвращается домой из пекарни. Он ничего не поймет. Ума не хватит.

— Но он нас видел!

— Ты думаешь, он видит в темноте? Да ты труслив, как щенок.

— Скорей бы отвезти остаток тебе и мне и лечь спать. Да и тогда нас могут накрыть!..

В ответ Дарки снова начал насвистывать, сменив прежнюю песенку на «Матушку Макри». Он, видимо, погрузился в мечты и едва не пропустил поворот в узкую улочку позади дома Эрни. Борт грузовика громко заскрежетал об ограду.

— Да тише ты, Дарки! Разбудишь соседей!

— Если к ним въехать через переднюю дверь и выехать через заднюю, они и тогда не проснутся, — равнодушно отозвался Дарки, останавливая грузовик за домом Эрни. Замерзшие лужи трещали под колесами.

— Дарки, ты ведь уже сбросил половину дров!

— Э, да говорил я тебе, у меня их полно. А вы помрете от холода, если я о вас не позабочусь. Тебе-то полагается больше, чем тем трепачам. Ты ведь ездил со мной, не так ли? — усмехнулся Дарки, легко подымая и швыряя за ограду громадные чурбаки. — Бери эту вывеску тоже, — добавил он, бросая во двор треснувшую деревянную табличку.

— Лучше уничтожить ее, Дарки!

— Пригодится утром на растопку... Теперь выедем назад и сбросим остаток у меня. Надо успеть до рассвета... Потом я подвезу тебя до дома и верну Спарго грузовик.

На главной улице машина поравнялась с домом старой вдовы-пенсионерки.

— Держу пари, старуха давненько не видела дров, — сказал Дарки. — Надо бы и ей малость подбросить.

— Не много же у тебя останется на продажу!

— От пары чурбаков у меня не убудет. У меня же полный сарай! Да и в кузове еще немало.

Дарки с размаху бросил три большущих чурбана прямо в середину старательно высаженного цветника. В это мгновение дверь отворилась, и седая женщина в пижаме уставилась на них из-за керосиновой лампы.

— Кто это? — спросила она дрожащим, испуганным шепотом. Затем, видимо, поняв, что происходит, она задула лампу и прикрыла дверь.

— Держу пари, мы ее напугали, — сказал Дарки. — Э, да не беда! Если ей не с кем согреться в постели, так хоть у огня погреется. — И, как всегда, он радостно расхохотался над собственной шуткой.

— Ты меня замучил, Дарки. Я подыхаю от страха. У меня прямо все нутро выворачивает. Ради бога, забирай свои дрова и отпусти меня.

Грузовик свернул на улицу, где жил Дарки. В тусклом предутреннем свете выплыл ветхий домишко, в котором ютился со своей женой и тремя детьми непреклонный Коннорс Гундосый.

— Бьюсь об заклад, эта сволочь храпела в постели, пока мы добывали дрова. Даже и в подарок не принял бы! Подумаешь!..

— Старина Коннорс не так уж плох, — вступился Эрни.

— Я тебе говорю, в душе он паршивый скэб. Он за Колсона голосовал.

— Ты ведь не знаешь наверняка, за кого он голосовал, Дарки. А много ли мы получили от того, что голосовали за лейбористов?

— Говорю тебе, он проклятый скэб всей своей душонкой. Но сдается мне, что жена и дети здесь ни при чем. Держу пари, они там закоченели. Надо им подкинуть чурбанчик.

— Да у тебя осталось всего полдюжины для себя.

— Сколько тебе твердить? У меня полон сарай дров, — огрызнулся Дарки, круто поворачивая грузовик. — И деньги у меня тоже есть. В прошлую субботу на скачках выиграл...

В домишке никто не шевельнулся, пока они выгружали дрова. Потом, выводя машину из узкого переулка, Дарки со злобой проворчал:

— Чтоб он сгорел на этих дровах!

— Скоро рассветет, — сказал Эрни, когда они остановились у старого дома Дарки.

— Я в минуту, — Дарки торопливо спрыгнул на землю. — Тут всего-то два или три чурбака. Я их брошу прямо в палисадник.

— Отнеси лучше во двор. В палисаднике кто-нибудь увидит, нас схватят. Я тебе помогу.

— Сам управлюсь. Думаешь, все такие хилые, как ты?

— Но ведь тяжело. Я помогу тебе...

— Сказал тебе, справлюсь! — буркнул Дарки.

Несмотря на протесты Эрни, он откинул задний борт грузовика, взял, поднатужившись, увесистое бревно под одну руку, два поменьше под другую и, покачиваясь, двинулся по боковой дорожке к заднему двору.

Уже тускло пробивался морозный рассвет. Эрни ждал.

«Чудно́й парень этот Дарки, — думал он. — Хотел бы я знать, есть ли у него хоть одно полено в сарае?..»

Перевели с английского
И. АРХАНГЕЛЬСКАЯ,
М. ЛИТИНСКАЯ.

ДОЖДЬ

Евгений ЕВТУШЕНКО

Хотела доказать природа
характер грозный свой опять,
но к этим штукам год от года
кому,
а нам
не привыкать.

И дождь,
он был совсем не страшен,
хоть и старался стать другим.
Никто им не был ошарашен,
никто напуган не был им.

А он
подчеркнуто серьезно,
чтоб доказать:
я не таков! —
ногами
в небе
топал грозно
и хмурил
брови облаков.

Но все угрозы били мимо,
его желаньям вопреки,
ведь всюду лопались
так мирно
на теплых лужах пузырьки!
Он бушевал
под небом мая,
он шел наперекор
всему,
а все смеялись,
подставляя
глаза и волосы ему...

В часы напрасных огорчений
похожа ты,
мой друг,
порой
на этот добрый
дождь весенний,
который
хочет быть
грозой.

Тяжелый случай

Василий АРДАМАТСКИЙ

1

Июльское солнце пылало в блеклом, знойном небе. Старинный парк, окружавший здание института, словно окаменел. Под недвижными купами дубов и лип было жарко.

Расположившись на травке, три друга ожидали четвертого, сдававшего в эти минуты последний государственный экзамен. Первым сегодня сдал экзамен Сергей Дымков. Сейчас он навзничь лежал на траве, блаженно улыбаясь каким-то своим мыслям. Владимир Соколов и Яша Сачков только что пришли. Волнение, пережитое ими на экзамене, еще не улеглось, и они не могли вести себя так спокойно, как Дымков. Они сидели рядом, прислонясь к корявому стволу дуба: Владимир — темнолицый, с большими черными глазами и с тоненькими усиками под горбатым носом — и Яша — худощавый, маленький, похожий на школьника.

— В такую жарищу в речке сидеть, а не экзамены сдавать,— заметил Яша.

— Все ж таки язва этот Порфирий Иванович! — вдруг вспылил Владимир, сверкая белками своих выпуклых глаз.— Видит же, что я подготовился как следует, а все спрашивает: «Вы в этом уверены?»

— И меня чуть не завалил. Честное слово! — Яша засмеялся.

— Вообще-то он мужик хороший, наш Порфирий Иванович,— флегматично отозвался Сергей.

— Был наш, а теперь вон их,— Владимир показал на двух девушек, робко поднимавшихся на лестницу парадного подъезда института.

— Помните, как пять лет назад мы вот так же входили в институт? «Скажите, пожалуйста, где тут подают заявления? Вторая дверь налево? Спасибо».— Яша засмеялся.

— Смотрю я на тебя, Яшка, и думаю: трудно будет тебе инженерить.— Сергей повернулся на бок и подмигнул Владимиру.— Был ты шкет, шкетом и остался. Никакой солидности.

— Помнишь, на практике? — Владимир захохотал и хлопнул Яшу по коленке.— Помнишь? Прибежала нарядчица: «Кто из вас Яков Семенович?» «Я». «Вы? Вы же Яша, а не Яков Семенович!»

— Ладно, ладно, сочтемся славою,— проворчал Яша под хохот друзей.

— Ты заказал бы себе ботинки на высоком каблуке,— предложил Владимир.

— Опять же усы неплохо отрастить,— добавил Сергей.— Посмотри на Володьку: кабы не усы, никакого почтения.

— Ну как я уживался с такими кашалотами, как вы? — смеясь, сказал Владимир.

— Ты же три раза уходил от нас, как Лев Толстой из Ясной Поляны.

— Теперь, слава богу, заживу без вашего общества.

— Попомни мое слово,— не унимался Яша,— сибиряки тебя не раз в Енисее искупают, чтоб охладить малость.

— А тебя нарочно в Латвию послали. Для смеха. Латыши — народ крупный, будешь ты среди них прыгать, как заяц.

— А знаете, почему нашего Петра в Грузию занарядили? — Сергей заранее смеялся своему объяснению.— Учли его склонность к кавказским винам.

Наступила пауза. Лица друзей сразу стали задумчивыми. В самом деле, увидятся ли они когда? А ведь целых пять лет вместе обитали в угловой комнате на третьем этаже студенческого общежития! И все у них было общим: и мечты, и книги, и горе, и радость. Да что там, вся жизнь была общей! Были, конечно, и ссоры, но теперь и не вспомнить, из-за чего ссорились.

Впрочем, одну ссору все они помнили, но по молчаливому сговору вот уже почти два года ни один из них слова не проронил о том, что произошло. Они учились тогда на третьем курсе. Она — на последнем. Ее звали Аня. Первым с ней познакомился, как это ни странно, Яша — самый юный и самый робкий из четверки. На новогоднем институтском балу он был ее кавалером, но танцевали с ней другие: Яша танцевать не умел. Появлению на балу Петра Бокарева Яша обрадовался несказанно, немедленно его подозвал и познакомил с Аней. С этой минуты она и танцевала и разговаривала только с Петром... Вскоре все друзья знали: Петро влюблен. Это сказалось даже на его успеваемости. Его видели рядом с Аней везде: в столовой, на комсомольских собраниях, в кино, в коридорах института. Однажды Петр, поздно вернувшись домой, начал рассказывать друзьям о своих отношениях с Аней. И тут же выяснилось, что настоящей любви у него к Ане нет. Он очень нехорошо обо всем рассказывал — грубо, с пошлыми шуточками. Ребята слушали его молча. И вдруг Владимир вскочил с кровати и ринулся на Петра:

— Знаешь, кто ты? Ты подлец и пошляк! Что же ты молчишь? Согласен со мной? Подлец и пошляк!

— Может, вызвать психиатра? — насмешливо спросил Петр.

— Вызови лучше скорую помощь! Я сейчас тебя изувечу! — Владимир замахнулся, но Сергей во-время схватил его за руку и оттащил в сторону.

Так окончилась любовная история Петра Бокарева. Но так как любви и не было, переживал он свое крушение недолго, и друзья никогда об этой ссоре не вспоминали.

Пока ожидали четвертого, Владимир дал прочитать Яше письмо от Ани. Оно оканчивалось так: «Жду вас и, если вы так уж настаиваете, целую вас, как сестра брата. И не будем забегать вперед, ибо впереди вся наша жизнь со всеми ее трудностями и сложностями. Итак, жду вашей телеграммы и встречу вас на станции...»

— Ребята, Петр идет! — закричал Владимир.

— Ну, что, не споткнулся? — спросил Сергей.

— Пять! Последний канат обрублен, корабли уходят в открытое море! — торжественно сказал Петр. Из четырех друзей Петр Бокарев был самым красивым: идеально сложенная фигура, простое, открытое лицо с прямым, точеным носом, светлые волосы кольцами свисали на лоб.— В связи с этим скажу вам, други мои, следующее... Прежде всего раскрываю тайну, которую я долго хранил: прислали мне пятьсот целковых. Половину я кладу на личные потребности. А вторую прошу считать ассигнованием на небольшие торжества по случаю окончания института. Возражения есть? Встали, пошли!..

2

В автобусе было тесно, жарко и душно, но друзья словно ничего не замечали — без устали острили, смеялись.

Сошли на площади перед вокзалом. Петр сказал:

— Поскольку все мы накануне путешествий, надо бы приблизиться к железнодорожному бытию.— И они зашли в ресторан.

На белых островах столов, осененных мертвыми пальмами, поблескивал хрусталь. Над буфетной стойкой в несколько рядов были расставлены бутылки. Буфетчица в белом халате, подняв к глазам бутылку и мензурку, отмеривала кому-то вино и очень была похожа на студентку, работающую в химической лаборатории. Это подумал Яша. Он, между прочим, первый раз в жизни был в ресторане и чувствовал себя стесненно. Зато Петр был здесь, как рыба в воде: капризничал, выбирая столик, сделал замечание официанту за грязноватую куртку, шумно рассаживал друзей...

— Ну, папаша,— развязно обратился он к официанту,— чем может порадовать нас твое заведение?

Официант, который действительно годился друзьям в отцы, улыбнулся и профессиональной скороговоркой начал перечислять блюда.

Первый же заказ Петра испугал Яшу: «Два пол-литра «столичной». Но поскольку никто против такого заказа не возражал, промолчал и Яша, решив про себя, что он выпьет только две рюмки.

Когда официант ушел за заказом, Владимир сказал:

— Ребята, а ведь последний раз мы вместе. Давайте поклянемся: каждую неделю — по письму.

— Это что же выходит: три письма в неделю? Не могу! — возразил Сергей.— Для меня письмо написать — все равно, что дипломную.

— Можно открытку: «Жив, здоров»,— засмеялся Яша.

Официант принес водку и закуску.

— Как жизнь, папаша? — Петр похлопал его по плечу.

— Ничего. Мы, официанты, живем весело, каждый день в ресторан ходим.

Петр захохотал:

— Два ноль в твою пользу, папаша! Получай рюмочку!

— Спасибо, не положено,— сухо сказал официант и отошел в сторону.

Пир начался.

Первую рюмку выпили за родной институт. Вторую — за будущую жизнь, чтобы была она, как сказал Владимир, интересная, боевая, счастливая. Третью — за свою специальность.

— Инженер-строитель! — с пафосом сказал Владимир.— Он нужен всем людям, потому что он все строит для жизни и счастья людей!

Яша хотел от этой третьей рюмки отказаться: препротивная штука эта водка, горче лекарства. Но как он мог не выпить за свою профессию, которую он любил верно и горячо? А рюмка эта прямо колом встала у него в горле — Яша закашлялся. Сидевший рядом Сергей постучал ладонью по спине:

— Ребеночек дорогой, не в то горло кашка попала?

Петр предложил выпить еще за вечную дружбу неразлучной четверки, за дружбу, которая согрела всю их студенческую жизнь.

— Верно, верно! За дружбу! Обязательно! — каким-то чужим голосом выкрикнул Яша.

— Смотрите! У нашего ребеночка прорезаются зубки! — кричал Владимир, обнимая Яшу.

Выпили по четвертой. Потом по пятой. За что пили эту пятую, уже никто не помнил. Яше стало очень плохо, и он, уронив голову на стол, тяжко дышал и охал. Но друзья уже не обращали на него никакого внимания.

. . . .

Очнувшись, Яша долго не мог сообразить, где он находится. Сквозь зарешеченное окно робко проступала синева раннего рассвета. Рядом кто-то храпел. Присмотревшись, Яша обнаружил всех своих друзей. Петр лежал на полу, разметав руки. Рубашка его была разорвана до пояса. Сергей спал, сидя на лавке, голова его упала на грудь, одной рукой он судорожно держался за край лавки, а другая лежала на горле, точно ему трудно было дышать. Владимир смешно сидел на корточках перед дверью, упершись в нее лбом. Пиджак его был весь в грязи... Яша все еще ничего не мог понять. Вдруг из-за стены донесся телефонный звонок, и сонный голос произнес:

— Дежурный отделения милиции лейтенант Орестов слушает!..

«Милиция!..» И тогда в еще смутном сознании Яши начали всплывать обрывки воспоминаний: они хотели нанять такси, а шофер отказался везти пьяных. Петр кричал. И началась какая-то возня: кого-то бил Петр, кто-то бил Владимира... Потом откуда-то возник милиционер. На нем был белый китель, а вскоре на этом белом кителе появились кровавые пятна...

Яша вскочил и начал трясти Сергея. Тот попытался от него отмахнуться и тотчас свалился с лавки. От падения он проснулся:

— Кто это? Что такое?

— Это я, Яша. Мы ведь в милиции!

— В какой милиции? С ума сошел! — Сергей тяжело приподнялся с пола и оглянулся по сторонам.

3

Небольшой зал народного суда набит битком. Заканчивается слушание дела Петра Бокарева, Сергея Дымкова, Владимира Соколова и Якова Сачкова. Они избили шофера такси и постового милиционера. Четыре друга сидят за перилами тесной загородки. У Яши не сходит с лица жалкое, испуганное выражение, кажется, что он до сих пор не понимает, что с ним происходит. Петр сидит, низко опустив свою льняную голову, зажав руки между коленями. Отвечая на вопросы суда, он ни разу не поднял взгляда. Сергей точно окаменел — все время недвижно смотрит в одну точку, суду отвечает медленно и так тихо, что его просят говорить громче. Активней всех ведет себя Владимир. Когда его спрашивают, он вскакивает и говорит быстро, взволнованно, излишне подробно, судьям приходится его обрывать. Он даже сохранил способность обижаться: когда судья назвал действия друзей бандитскими, Владимир крикнул:

— Не имеете права! Мы молодые инженеры!

...Зал отозвался насмешливым гулом.

Владимир отшатнулся от перил и с минуту смотрел в зал горящими, ничего не понимающими глазами.

Наконец суд удалился в совещательную комнату. Подсудимых увели, а публика вышла в коридор. Там образовались группы людей, взволнованно обсуждавших судебный процесс.

— Я бы этого свидетеля-официанта засудил, как миленького! — сердито говорил майор с седыми висками. — У него спрашивают, зачем он без конца подавал напитки, хотя и видел, что они уже пьяны в стельку, а он отвечает: «Мы план выполняем». Не может у нас быть таких планов, которые во вред людям! Не может!..

Пожилая женщина с усталым добрым лицом говорила:

— Я сама мать. У меня двое таких, как эти. И я все это горе сердцем понимаю. Но жалеть таких нельзя.

— Какая жизнь открывалась перед ребятами: работа, семья, все будущее... И вдруг...— задумчиво сказала девушка.

...Суд приговорил Петра Бокарева, Сергея Дымкова и Владимира Соколова к лишению свободы на пять лет, а Якова Сачкова — на два года.

Приговор зачитан. Публика потянулась к дверям. И вот, только когда до сознания четырех приятелей дошло все случившееся, во всем его ужасе, Владимир обхватил голову руками и застонал. Стоявший рядом с ним Петр слышал, как он произнес имя любимой девушки. Сергей продолжал смотреть в одну точку, но так стиснул зубы, что на скулах вздулись желваки. Яша стоял, неестественно выпрямясь, и по лицу его текли слезы. Он вспомнил о матери, об отце, о младшей сестренке.

И их увели.

СКИРЛИ

ГУСЕНОК-ПЕВЕЦ

— Друг мой! Да ты можешь петь! — воскликнула Гусыня, когда возле Гусенка в кустах защелкал Зяблик.— Пойдем к папе!

Папа тоже нашел, что сын может петь, когда рядом в кустах поет Зяблик.

Папа был Гусь, и через полгода Гусенок стал выступать публично.

МУРАВЕЙ И ДЕРЕВО

Лез, лез Муравей на самое высокое дерево, лез, а как залез, увидел: дальше лезть некуда.

Проклял все на свете: зачем лез? Не надо было лезть! И полез вниз.

Лез, лез Муравей вниз, лез, а когда слез, увидел: ему низ нужен был, а не верх!

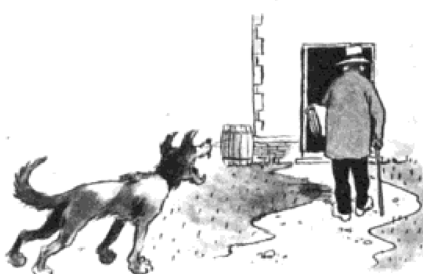
СОБАКА И НЕОБХОДИМОСТЬ

Собака облаяла своего человека.

— Разве это так тебе необходимо?

Собака отвечает:

— Было бы желание! Необходимость не обязательна!



КАК МЕДВЕДЬ РУБЛИ ПРОДАВАЛ

Получили в наследство: Медведь — мешок с рублями, а Лисица — суму с копейками. У Медведя мешок во какой большой, у Лисицы сума маленькая.

Решили звери богатство свое реализовать.

Знают: деньги в банке продать можно, а в каком банке, не знают.

Пошли в один банк — не пускают. Пошли в другой — не пускают. Пошли в третий — тоже не пускают.

— Куда идти?

— Пойдем в стадо баранов! — говорит Лисица.

— Пойдем!

И пошли в стадо баранов.

Вот Медведь разложил свои рубли и кричит:

— Продаю рубли по копейке!

А Лисица разложила свои копейки и кричит:

— Продаю копейки по рублю!

Подходят бараны к Медведю и говорят:

— Нет, Медведь! Твои рубли фальшивые! Кто же рубли по копейке продает? Хороший рубль за копейку не продашь!

А к Лисице подходят и говорят:

— О, Лисица! Твои копейки, видно, замечательные! Кто ж копейки по рублю продает? Простую копейку за рубль не продашь! Верно, твои копейки из чистого золота!

И скупили бараны у Лисы все копейки по рублю. А у Медведя за копейку ни одного рубля не купили.

Так и остался Медведь со своими рублями, до сих пор на горбу в мешке носит, никак не продаст.

А Лисица на свои копейки дачу выстроила.

КОЗЕЛ И ВОРОНА

Шел Козел по лесу. Хотел листок сорвать, да постеснялся: «А ну, как звери обидятся? Лучше спрошу!»

Видит, Ворона сидит. Козел к ней:

— Ворона, а Ворона! Можно листок сорвать?

А Ворона Козлу:

— Сама я этот вопрос решать не могу. Сейчас собрание соберу, там и решат: можно тебе листок сорвать или нельзя!

Ворона собрала собрание, и на собрании постановили:

«Вопрос ввиду его ясности затемнить».

Выдали Козлу резолюцию и отпустили с миром.

Не удовлетворила Козла резолюция. Пошел к Волку.

— Я живой Козел, мне есть нужно! Можно листок сорвать?

А Волк Козлу:

— Что ты живой Козел,— факт. Что тебе есть нужно,— тоже факт. А можно ли листок сорвать,— это обдумать нужно. Приходи завтра.

Пошел Козел к Рыси.

— Я живой Козел, мне есть нужно! Можно листок сорвать?

А Рысь Козлу:

— Что ты живой Козел,— факт. Что листок сорвать можно,— тоже факт. А что тебе есть нужно,— это надо обдумать. Подожди рвать листок. Приходи завтра.

Пошел Козел к Медведю.

— Я живой Козел, мне есть нужно! Можно листок сорвать?

А Медведь Козлу:

— Что тебе есть нужно, — факт. Что листок сорвать можно, — тоже факт. А что ты живой Козел,— это еще неизвестно! Это обсудить нужно! Подожди рвать листок! Приходи завтра!

Пошел Козел домой, сорвал по дороге листок, все звери видели, и никто ничего не сказал.

А Ворона после своей выдумки возомнила себя активисткой.

М. МАЛИШЕВСКИЙ

Рисунки Е. Ведерникова.

Из почты «Огонька»

Неожиданный помощник

Случай этот произошел в начале лета. Собственно, лето можно было определить только лишь по календарю: до Чукотки оно еще не успело дойти. На сопках лежал не тронутый солнечными лучами снег, озера были покрыты льдом.

В горы отправилась группа отдыхающих. Дошли до озер. Охотники сразу же разбрелись, а рыбаки начали долбить лунки.

Больше всех везло в этот день моему другу Квадратову. Сидел он у лунки, дергал бечевку, то и дело пополняя свою посудину — большую жестяную банку из-под сухого молока. Кажется, все его внимание было сосредоточено на этом занятии, на небо даже не смотрел. И вдруг, быстро отложив свою нехитрую снасть, он проворно вскинул ружье, лежавшее рядом на снегу,— и подбитая утка упала в нескольких шагах от лунки.

А ведь другие охотники вот уже час бродят вокруг почти без всякого успеха!

Порыбачив немного, Квадратов пошел с ружьишком вдоль берега озера. Может быть, замерз, согреться решил, а возможно, что банку свою уж до краев рыбой наполнил,— не знаю.

Отошел метров 300— утки! Выстрелил. Как всегда, удача: птица, вяло взмахнув крыльями, упала на лед недалеко от берега. Квадратов направился за добычей. Сделал несколько шагов по льду — чувствует: лед трещит, вот-вот провалится.

Что за оказия? Ведь только сейчас с трудом удалось лунку продолбить!

Квадратов огляделся... Так вот в чем дело! Он, оказывается, стоит у места впадения ручья в озеро. Лед здесь размыт, непрочен, а снежный покров замаскировал эту западню, в которую чуть было не угодил увлекшийся охотник.

Но как все-таки достать дичь? Ведь вот она — руной подать, а не доберешься: на самом опасном месте лежит. Попробовал проползти — рискованная затея, лед прогибается. Так и искупаться в холодной купели недолго. А где здесь, в сопках, просушишься, обогреешься?

Походил Квадратов вокруг да около, повздыхал, подосадовал — не хочется от трофея отказываться,— но никакого выхода так и не придумал...

И вдруг охотник видит, что по озеру с противоположного берега бежит лиса. Почуяла, наверно, добычу и подбирается к утке. Совсем разозлился Квадратов: этак у тебя на глазах твою же дичь утащат, и ничего не сделаешь! Бить лису нельзя: линяет она, шерсть клочьями висит...

Притаился охотник за большим камнем и наблюдает. Лиса ухватила утку зубами и побежала в обратную сторону. Видать, почуяла человека. Тут Квадратова осенила счастливая мысль. Прицелился, выстрелил. Дробь провизжала над самым ухом лисы. Хищница бросила украденную дичь — и давай бог ноги! Охотник направился к своей добыче. Теперь утка лежала на середине озера, лед там был прочный. Лиса «выручила» охотника: вынесла птицу на безопасное место.

Бор. КОМСКИЙ

Бухта Провидения,
поселок Урелик.

Сатирические стихи

Эйлиф АРМАН

О БОЖЬЕЙ ВОЛЕ

Не раз мне слышать доводилось от людей:
«Без воли божьей даже воробей
не упадет на землю».
Может статься...
Об этом я не буду препираться.
Но коль о бомбах речь, то тут уже, ей-ей,
на волю божью я не стал бы полагаться.

КОГДА ГОЛОДАЮТ ДРУГИЕ

«К чему эти стоны! — иные ворчат
При виде голодных и нищих.—
Ужели они нас уверить хотят,
Что нет у них крова и пищи?

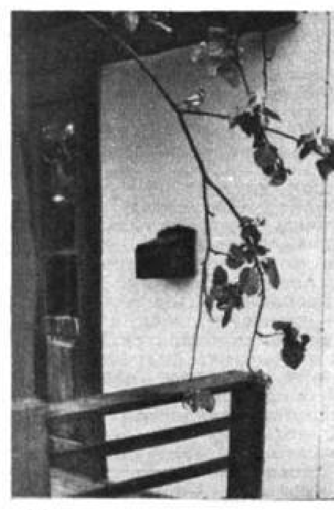
Не может никто в наши дни голодать,
Нам весь этот шум непонятен».
Да, с полным желудком так трудно понять,
Что голод весьма неприятен.

Перевод Вл. Рубина.

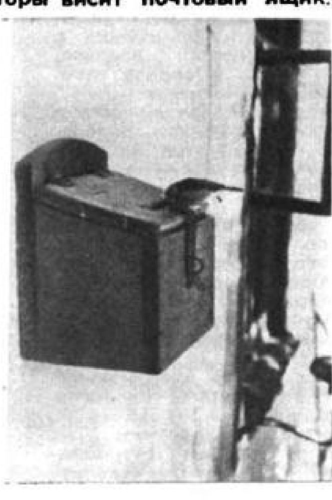
Эйлиф Арман — молодой норвежский прогрессивный поэт и актер. Автор сборника сатирических стихов.

Из почты «Огонька»

Синицы в почтовом ящике



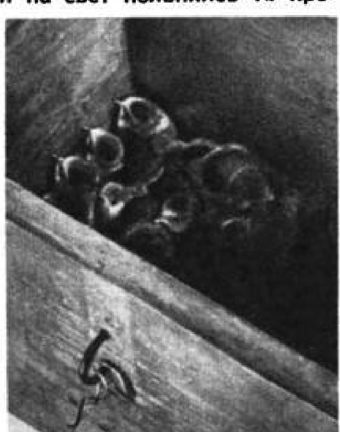
Контора Придесненского опытного пункта украинского Научно-исследовательского института лесного хозяйства и агролесомелиорации находится среди фруктового сада. На веранде конторы висит почтовый ящик.



1 и 2 мая, когда в конторе не работали, пара синичек облюбовала почтовый ящик и поселилась в нем. Когда это было обнаружено, решили не беспокоить птиц.

Снесенные яйца синички прятали под мох, которым они заполнили ящик до половины.

Прошло некоторое время, и на свет появились 13 кро-



хотных птенцов. Много пришлось поработать родителям, чтобы прокормить такую семью! Присутствие людей на веранде нисколько не смущало их.

И. ФИЛЕВСКИЙ

Беседы за столом

ЧАЙ С ЛИМОНОМ

Умело приготовленный чай с лимоном — вкусный и здоровый напиток.

В чайном листе, кроме таких ценных и редких веществ, как алкалоиды, таннины и эфирные масла, обнаружены разнообразные витамины. По количеству витамина «С» чайный лист уступает лишь некоторым видам шиповника, а по содержанию витамина «Р» значительно превосходит чуть ли не все пищевкусовые продукты. Витамин «С», как известно, предохраняет от цынги, повышает общую устойчивость человеческого организма к инфекционным заболеваниям, способствует кровообразованию, ускоряет заживление ран, тогда как витамин «Р» предупреждает развитие склероза.

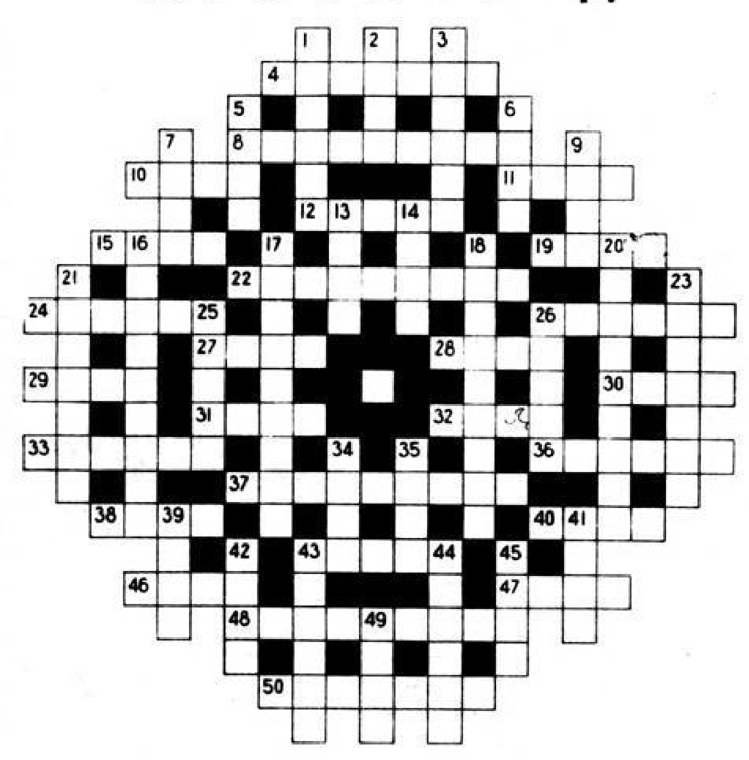
Витамины «С» и «Р» в значительных количествах содержатся в кожице лимона. В ней витамина «С» почти в два с половиной раза больше, чем в мякоти. Наличие же витамина «Р» усиливает физиологическое действие витамина «С» на организм человека. Помимо сахаров, кислот и пектиновых веществ, в кожице лимона имеются окиси кальция и калия, фосфор, небольшие количества окисей железа, магния, натрия и других полезных элементов. Эфирные же масла, содержание которых в кожице лимона нередко превышает два процента, придают сильный аромат и тончайшие вкусовые качества напиткам.

Вот почему приготовление чая с лимоном требует некоторых навыков. Для получения правильно настоенного, то есть красивого цвета, душистого, в меру кисло-сладкого и чуть-чуть терпкого на вкус чая необходимо сполоснуть свежим кипятком чайник и всыпать в него чайную ложку чая на три — четыре стакана напитка. Затем на одну треть наполнить чайник кипятком и поставить его, тепло укрыв, на вскипевший большой чайник. Через пять минут заваренный чай доливают кипятком.

Лимон перед употреблением слегка ошпаривают кипятком. От ломтика лимона отрезают кожицу, кладут ее в стакан и растирают чайной ложкой в сахарном песке так, чтобы ароматические вещества перешли в сахар. Затем добавляют по вкусу в стакан чая кусочек мякоти лимона. Так получается ароматный, вкусный, освежающий напиток.

П. ЧУМАК

КРОССВОРД



По горизонтали:

4. Соединение транспортных судов. 8. Домашнее животное, обладающее высшими показателями. 10. Поэма Н. А. Некрасова. 11. Русский художник XIX века. 12. Столица автономной республики. 15. Название минералов из породы силикатов. 19. Американский писатель. 22. Русский композитор. 24. Свод законов. 26. Вид грамматического предложения. 27. Административно-территориальная единица. 28. Незлобивый смех, шутка. 29. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 30. Мера текстильного сырья. 31. Действительное событие. 32. Чувство возмущения, негодование. 33. Народ одной из союзных республик. 36. Время отдыха. 37. Учащийся. 38. Химический элемент. 40. Единица измерения. 43. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 46. Смысл, разумное содержание. 47. Жилище, приют. 48. Мука лучшего помола. 50. Сельскохозяйственная специальность.

По вертикали:

1. Город в Китае. 2. Часть киноленты. 3. Рыба из семейства лососевых. 5. Медицинский работник. 6. Машина для изготовления крупных металлических изделий. 7. Полярная морская птица. 9. Единица силы. 13. Постановление. 14. Латвийский писатель. 16. Глава крупного научного учреждения. 17. Порт на Каспийском море. 18. Роман Э. Золя. 20. Птица из отряда воробьиных. 21. Сорт кожи. 23. Стенная живопись. 25. Стихотворение А. Блока. 26. Французский писатель XVIII века. 34. Разновидность кварца. 35. Поперечные нити ткани. 39 Газ. 41. Пушной зверь. 42. Растение из семейства лилейных. 43. Басня И. А. Крылова. 44. Часть суши. 45. Морская рыба. 49. Артист.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

7. Мировоззрение. 10. Дивизион. 11. Молибден. 12. «Арион». 14. Театр. 16. Алдан. 17. Вена. 18. Унты. 19. Накал. 20. Слюда. 21. Итака. 22. Эраст. 23. Пион. 24. Круг. 26. Перов. 27. Скала. 30. Топаз. 33. Километр. 34. Сценарий. 35. Летосчисление.

По вертикали:

1. Чириков. 2. Мотив. 3. Солнце. 4. Азимут. 5. Ветла. 6. Цимбалы. 8. Нитроглицерин. 9. Декалькомания. 13. Негатив. 14. Тангенс. 15. Рулетка. 16. Атрибут. 23. Полонез. 25. Гораций. 28. Карачи. 29. Лосось. 31. Белок. 32. Север.

СОВРЕМЕННАЯ РЕПКА.

Рисунки Ю. Узбякова.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин литовских художников и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

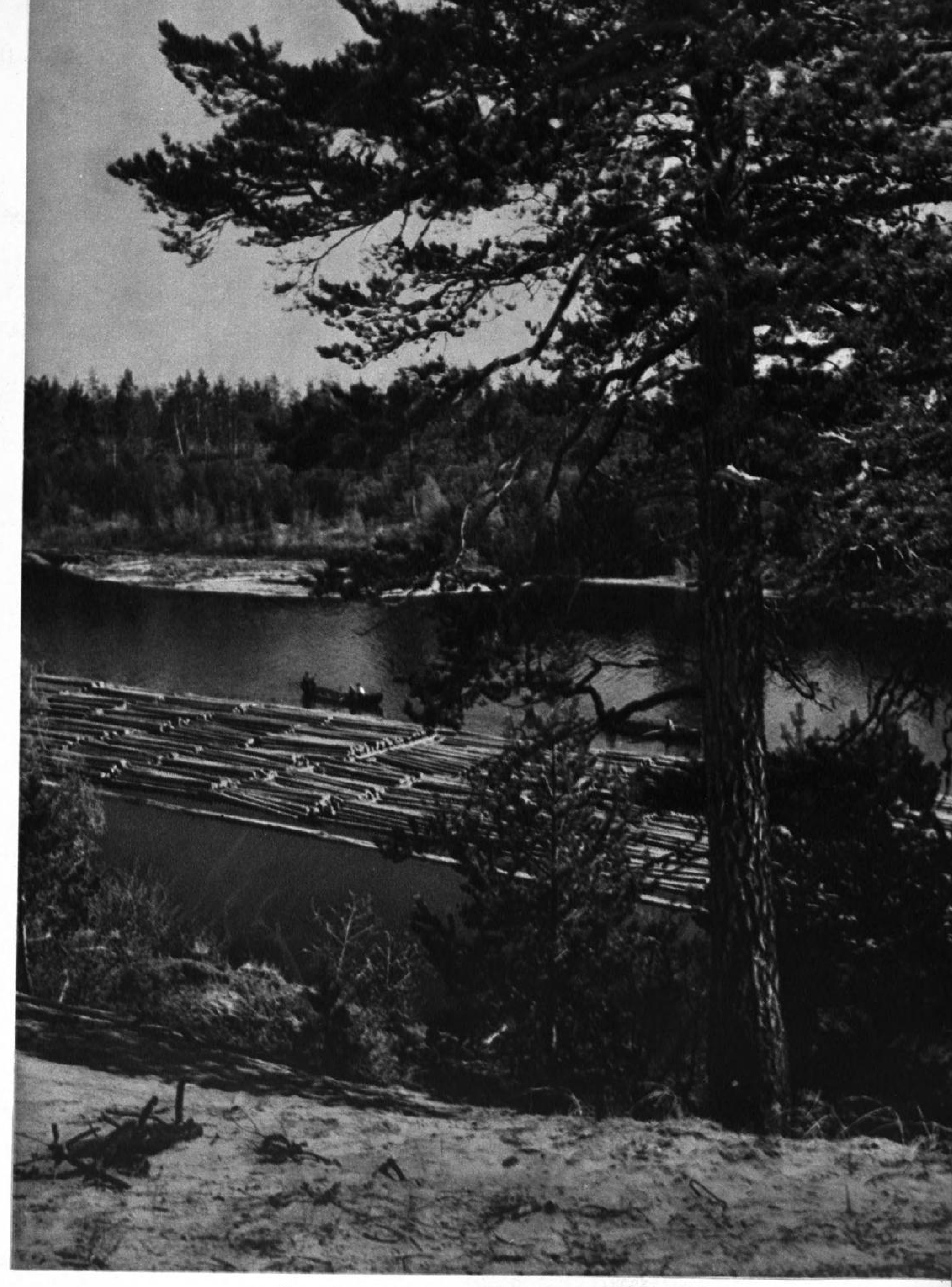
Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 05088. Подп. к печ. 20/VII 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 586. Заказ 2196. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.



Карело-Финская ССР. Сплав леса на реке Тулоксе.

Фото П. Беззубенко.

Цена номера 3 руб.